ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 Серия 2015 / № 2

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

2015 / № 2 Series ISSN 2072-8360

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»:
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)
Ефремова Е.С. – к. филол. н., и.о. проректора по научной работе Московского государственного областного университета (зам. председателя)
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)
Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре
Асмолов А.Г. – д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования
Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет
Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»
Рюмцев Е.И. – д.ф-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет
Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8360

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 2. М.: ИИУ МГОУ. 236 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

Индекс серии «История и политические науки» по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712
© МГОУ, 2015.
© Издательство МГОУ, 2015.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – д.и.н., проф., МГОУ
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – д.и.н., проф., МГОУ
Ответственный секретарь серии:
Федорченко С.Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ
Члены редакционной коллегии серии:
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** – д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук В.В.** – д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** – д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** – д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** – д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** – д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** – д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** – д.и.н., проф., МГОУ

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»:
Moscow State Regional University

Issued 5 times a year

Series editorial board «History and Political Sciences »

Editor-in-chief :
N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU
Executive secretary of the series:
S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MSRU
Members of Editorial Board:
A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MSRU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow); **V.V. Gajduk** – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **V.N. Zakharov** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University; **F.A. Mikhailovsky** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow); **A.N. Fuks** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)
E.S.Yefremova – Ph. D. in Philology, Acting Vice-Principal for scientific work of MSRU (Vice-Chairman of the Council)
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)
L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture
A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education
S.N. Klimov – Doctor of Phylosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering
E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University
A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University
A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
E.I. Rjumtsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University
G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU
S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «History and Political Sciences». 2015. № 2 M.: MSRU Publishing house. 236 p.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712
© MSRU, 2015.
© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:
Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.
К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Лошков Д.Б. ГОД 1945-Й. «НА ТАКОЙ ГУМАНИЗМ, ВИДИМО, СПОСОБНЫ ТОЛЬКО РУССКИЕ»: СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ В ГЕРМАНИИ 8
Багдасарян В.Э. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ФОКУСЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ 25
Павленко В.Б. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСМОТРА РЕЗУЛЬТАТОВ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МИССИИ КРАСНОЙ АРМИИ В ЕВРОПЕ 36
Егоров В.Г., Абрамова Ю.А. ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И ОБРАЗОВАНИЕ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ 43
Штоль В.В. ЯЛТА – ПОТСДАМ … ЧТО ЖДЁТ МИР ДАЛЬШЕ? 57
Бочарников И.В. ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ВЫСШЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ПАТРИОТИЗМА И СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ 72
Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. АНТИСОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ 87
Ситников А.В. ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ, МОРАЛЬНАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ 94

РАЗДЕЛ II.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Кучин Ю.С. СЛОВЕНЕ ИЛЬМЕНСКИЕ (НОВГОРОДСКИЕ) В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕР. XX В. – НАЧ. XXI В. 103
Королев С.В. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ 90-Х ГГ. XX В. – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI В.) 112

Отечественная история

Мозжегоров А.Б. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МАНИФЕСТА «ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА» ОТ 1 ЯНВАРЯ 1810 Г. 117
Грабко М.Е. ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПРИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 124
Шумейко И.Н. ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В МОСКВЕ И РОЛЬ КНЯЗЯ В.М. ГОЛИЦЫНА В ЕГО РАДИКАЛЬНОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. .. 132
Морова О.В. «МЕСТНОСТЬ ЗАВОДСКАЯ И ЛЕСОПРОМЫШЛЕННАЯ»: РАЗВИТИЕ ВЕЛЬСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX В. 140
Сотников А.А., Сотников С.А. ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА В СССР 148

Всеобщая история

Николенко А.В. ЖЕНЩИНА В ЯПОНСКОМ СОЦИУМЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. .. 156
Печищева Л.А. ГЕРМАНИЯ И НЕПАЛ: ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ. 162

Аверин С.В. УЧАСТИЕ ИНДИЙСКИХ ВОЙСК В РАЗГРОМЕ ИТАЛО-ГЕРМАНСКОЙ ГРУППИРОВКИ В ТУНИСЕ (1943 Г.) 167
Комаров А.Н. П. МЭННИНГ И С. ДЕЙ: ВЕХИ КАРЬЕРЫ И РОЛЬ В ИСТОРИИ КАНАДСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В 1990-Е ГГ. 173

РАЗДЕЛ III. ПОЛИТОЛОГИЯ

Матюхин А.В. ПРИНЦИП ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ П.Н. НОВГОРОДЦЕВА И С.Л. ФРАНКА 180
Юраков М.В. ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К США И НАТО В РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ДОКТРИНАХ ПОСЛЕ 1991 Г. 189
Дашкина И.В. ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ 194
Ветренко И.А., Каппасова Г.М. АКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА) 203
Васильченко В.В. ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА: СУЩНОСТЬ, ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ 212
Бирюков Д.А. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА 220

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д.М. Креленко. ЭЛЕМЕНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ФЕНОМЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ «РОССИЯ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ. ОБРАЗЫ И ТЕКСТЫ» 227

НАШИ АВТОРЫ 234

CONTENTS

SECTION I.
ON THE OCCASION OF THE 70TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

D. Loshkov. 1945. "APPARENTLY ONLY RUSSIANS ARE CAPABLE OF SUCH HUMANISM": SOVIET SOLDIERS IN GERMANY 8
V. Bagdasaryan. THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE LIGHT OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE AGAINST RUSSIA 25
V. Pavlenko. CIVILIZATIONAL AND GEOPOLITICAL ASPECTS OF RECONSIDERATION OF THE RESULTS OF THE RED ARMY'S LYBERATING MISSION IN EUROPE 36
V. Egorov, Yu. Abramova. GREAT VICTORY AND THE FORMATION OF A NEW GEOPOLITICAL SYSTEM 43
V. Shtol. YALTA – POTSDAM ... WHAT WILL HAPPEN WITH THE WORLD NEXT? 57
I. Bocharnikov. SOVIET PEOPLE'S FEAT IN THE GREAT PATRIOTIC WAR AS THE HIGHEST MANIFESTATION OF PATRIOTIZM AND FAITHFULNESS TO MOTHERLAND 72
S. Fedorchenko, L. Fedorchenko. ANTI-SOVIET PROPAGANDA OF NAZI GERMANY 87
A. Sitnikov. THE INSTITUTIONS OF POWER IN WAR CONDITIONS: EFFICIENCY, MORAL AND IDEOLOGICAL GROUNDS 94

SECTION II.
HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

Y. Kuchin. ILMEN (NOVGOROD) SLOVENES IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE OF THE XXTH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY 103
S. Korolev. ARCHIVE MATERIALS AS THE SOURCES FOR STUDYING THE ACTIVITIES OF SMOLENSK REGIONAL PUBLIC-POLITICAL YOUTH ORGANIZATIONS (LATE 90^{S} OF THE XX CENTURY – THE FIRST DECADE OF THE XXI CENTURY) 112

Native History

A. Mozzhegorov. THE RISE OF THE RUSSIAN EMPIRE'S STATE COUNCIL. THE HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE JANUARY, 1 1810 MANIFESTO "FORMATION OF THE STATE COUNCIL" 117
M. Grabko. ORGANIZATION OF CHURCH LIFE AT INDUSTRIAL ENTERPRISES OF MOSCOW PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY 124
I. Shumeiko. MUNICIPAL GOVERNMENT OF MOSCOW AND PRINCE V.M. GOLITSYN'S ROLE IN ITS RADICAL CHANGES AT THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES 132
O. Morova. «FACTORY AND TIMBER INDUSTRY DISTRICT»: THE DEVELOPMENT OF VELSKY DISTRICT IN VOLOGDA PROVINCE IN THE XIX CENTURY» 140
A. Sotnikov, S. Sotnikov. THE FIRST STEPS OF OUTBOUND TOURISM IN THE USSR 148

General history

A. Nikolenko. A WOMAN IN THE JAPANESE SOCIETY IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES 156

L. Pechishcheva. GERMANY AND NEPAL: THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC RELATIONS AT THE TURN OF THE 20TH – 21ST CENTURIES 162
S. Averin. INDIAN TROOPS PARTICIPATION IN THE DEFEAT OF THE ITALIAN-GERMAN FORCES IN TUNISIA (1943) 167
A. Komarov. PRESTON MANNING AND STOCKWELL DAY: THE CAREER STAGES AND THE ROLE IN THE HISTORY OF CANADIAN CONSERVATIVES IN 1990-S 173

SECTION III. POLITOLOGY

A. Matykhin. PRINCIPLE OF POLITICAL RELATIVISM IN P.N. NOVGORODTSEV AND S.L. FRANK'S CREATIVE WORK 180
M. Urakov. THE EVOLUTION OF APPROACHES TO THE UNITED STATES AND NATO IN THE RUSSIAN MILITARY DOCTRINES AFTER 1991 189
I. Dashkina. THE RUSSIAN FEDERATION INERESTS IN CENTRAL AMERICA: HISTORICAL FACTORS AND MODERN STRATEGIC ORIENTATION 194
I. Vetrenko, G. Kappassova. ACTORS OF REGIONAL MODERN POLITICS IN THE CONDITIONS OF INTERGOVERNMENTAL COOPERATION (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN) 203
V. Vasilchenko. THE PHENOMENON OF POLITICAL PROTEST: ESSENSE, TRADITIONS AND INNOVATIONS 212
D. Biryukov. DEMOCRATIC REGIME AS A FORM OF THE POLITICAL STRUCTURE OF SOCIETY 220

SCIENTIFIC LIFE

D. Krelenko. ELEMENTS OF DEVELOPMENT OF THE NATIONAL IDEA ABOUT THE WORLD WAR I PHENOMENON: "RUSSIA IN GREAT WAR. IMAGES AND TEXTS" 227

OUR AUTHORS 234

РАЗДЕЛ I.
К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 94(430+470)"1945"

Лошков Д.Б.
Московский государственный областной университет

ГОД 1945-Й. «НА ТАКОЙ ГУМАНИЗМ, ВИДИМО, СПОСОБНЫ ТОЛЬКО РУССКИЕ»: СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ В ГЕРМАНИИ

Аннотация. В статье анализируются характерные черты и особенности поведенческой парадигмы советских солдат и офицеров в Германии в 1945 г. В основе исследования находится рассмотрение важнейшей исторической и психолого-политической проблемы «несвершившейся мести» со стороны СССР в отношении германского мирного населения как ответа на оккупационную политику Третьего рейха 1941-1943 гг. Проведя сравнительный анализ подходов противоборствующих сторон, автор пришёл к заключению, что и власти обоих государств, и их граждане, исходя из принципиального различия целей войны, по-разному реализовывали оккупационную политику, что и привело к диаметрально противоположным результатам.
Ключевые слова. Великая Отечественная война, оккупация, ненависть, мщение, гражданское население, армия.

D. Loshkov
Moscow State Regional University

1945. "APPARENTLY ONLY RUSSIANS ARE CAPABLE OF SUCH HUMANISM": SOVIET SOLDIERS IN GERMANY

Abstract. The article analyzes the characteristic features and peculiarities of Soviet soldiers and officers' behavioral paradigm in Germany in 1945. The main focus of the research is the consideration of the most important historical, psychological and political issue of "not accomplished revenge" of the Soviet Union against German civilians as a response to the occupation policy of the Third Reich in 1941-1943. The comparative analysis of the approaches of the warring parties enabled the author to come to the conclusion that both the authorities and citizens of both states implemented the occupation policy differently, due to fundamental differences between the goals of the war, which led to diametrically opposite results.

Key words: The Great Patriotic war, occupation, hatred, revenge, civilian population, army.

© Лошков Д.Б., 2015.

Уходят в прошлое, становясь историей, люди и события, но память о сражениях Великой Отечественной войны, о героях, отдавших свои жизни за освобождение мира от фашистской угрозы, не должна потускнеть. 70 лет назад Красная Армия вошла на земли Германии и заставила нацистов окончательно осознать, что дни хвалёного «Тысячелетнего Третьего Рейха» сочтены.

Наступление советской армии на западном направлении в 1944 г., полное освобождение территории СССР от фашистских захватчиков и перенесение войны на территорию врага делали очевидным поражение Германии в войне. Фашистская Германия оказалась на пороге катастрофы [7, с. 509]. Несмотря на это, государственная и военная машина Германии продолжала борьбу с теми, кто не верил в скорейшую победу рейха. Немецкие власти, пытаясь укрепить моральный дух войск и населения, развернули широкую шовинистическую пропаганду, внушавшую людям идею неразрывной связи судьбы германского народа с фашизмом. Вступление советских войск в пределы Германии использовалось для запугивания немцев, которым внушалось, что их всех «от мала до велика» ожидает неминуемая гибель. Всё население призывалось встать на защиту своего района, своего дома. Некоторые подразделения были укомплектованы целиком из жителей одного населённого пункта, который они любой ценой должны были оборонять. По существу, все способные носить оружие зачислялись в фольксштурм – отряды народного сопротивления. Фашистские идеологи продолжали упорно твердить, что если немцы проявят высокую стойкость, то советские войска не смогут преодолеть их сопротивление. «Каждый бункер, каждый квартал немецкого города и каждая немецкая деревня, – подчёркивалось в приказе Гитлера, – должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечёт кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами... В этой суровой борьбе за существование немецкого народа не должны щадиться даже памятники искусства и прочие культурные ценности. Её следует вести до конца» [19, с. 518].

Развернутая идеологами «Тысячелетнего Рейха» пропагандистская кампания подкреплялась жесткими репрессивными действиями. В частях вермахта под роспись был объявлен приказ, который требовал удерживать немецкие территории во что бы то ни стало. А чтобы выполнение данного приказа ни у кого из германских солдат не вызывало сомнений, Гитлером была дополнительно издана директива о применении к нарушителям самых крайних мер – расстрелов, «с безотлагательным приведением в исполнение смертных приговоров перед строем» [20, с. 102].

Почему же нацистская пропаганда так боялась прихода Красной Армии? Ответ лежит не только в военной, но, в первую очередь, в идеологической плоскости.

На протяжении всех лет войны гитлеровское командование проводило на советских оккупированных территориях бесчеловечную политику тотального уничтожения. И нацистские бонзы боялись ненависти, которую посеяли в сердцах советских людей. Но эта ненависть к нацистам

возникла не сразу, не вдруг, она долго и мучительно вызревала в душах и умах солдат, а в начале войны многие бойцы, воспитанные в советском духе пролетарского интернационализма, вообще считали, что немцы воюют с нами по ошибке, достаточно распропагандировать их, «раскрыть глаза» и все моментально изменится. «Нельзя только и делать, что палить по дороге, а потом отходить, нужно подпустить немцев поближе, попытаться объяснить им, что пора образумиться, восстать против Гитлера, и мы им в этом поможем», – говорили они летом 1941 г. [26, с. 300].

Но очень быстро стало понятно, что подобные взгляды в реальных условиях Великой Отечественной войны не более чем иллюзия. Германия не собиралась просто захватить отдельные территории нашей страны, речь шла о целенаправленном уничтожении всего советского народа, для «освобождения жизненного пространства на Востоке». И вот тогда, как лесной пожар, ярко вспыхнула ненависть к безжалостным захватчикам.

«Пусть ярость благородная вскипает как волна...», – пелось в песне, и поводов, причин этой ярости было предостаточно. Гитлеровская Германия готовилась пожинать плоды, семена которых сеяла долгие годы.

Ещё в самом начале войны, 28 июня 1941 г. рядовой вермахта Эмиль Голыд на привале записал в дневнике: «На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцев мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы» [1]. И они делали.

«Проломи русскому череп, и ты обезопасишь себя от них навек! Ты безграничный властелин в этой стране! Жизнь и смерть населения в твоих руках! Нам нужны русские пространства без русских!» [16, с. 118]. Именно так объясняли германские офицеры своим солдатам перед вторжением в СССР заповеди нацистской истребительной войны.

Сейчас, к сожалению можно слышать мнение, что зверства фашистов лежат на совести войск СС и айнзацгрупп, а вермахт в карательных действиях не участвовал, но документы убедительно опровергают эти домыслы. В реальности отношения между армейским командованием и карателями было самыми тесными. Это подтверждают и многочисленные документы, выдержки из докладов, дневников и писем германских офицеров и солдат.

Бригаденфюрер СС Франц Штальэккер: «Айнзатцгруппа «А» после подготовки её к операциям направилась в район, где она должна была сосредоточиться… на второй день кампании на Востоке. Группа армий «Север», состоящая из 16-й и 18-й армий и 4-й танковой группы, вышла перед этим днём. Нашей задачей было немедленно установить личный контакт с командующими указанных армий и командующим тыла. Следует подчеркнуть с самого начала, что сотрудничество с вооружёнными силами обычно было очень положительным; в некоторых случаях, например с 4-й

танковой группой… это сотрудничество было очень тесным» [24, с. 337].

На привалах геббельсовские пропагандисты разъясняли солдатам вермахта новые приказы командования – быть жестокими, беспощадными уничтожать всех независимо от пола и возраста – это объявлялось «трудной работой». И германские солдаты с радостью окунулись в «труд», не отказывая себе в «удовольствии» писать в дневниках своеобразные «отчёты» о своих зверствах:

«25 августа. Мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень красиво горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище! Люди плачут, а мы смеёмся над слезами. Мы сожгли уже таким образом деревень десять.

29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся двенадцать жителей и отвели их на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда» [5, с. 26-27].

Несмотря на «трудную работу», как это требовало от них в своих приказах командование, гитлеровские солдаты находили время и на то, что считали «развлечениями»: грабежи, насилие, издевательства над военнопленными, стариками, женщинами, детьми.

Есть сотни тысяч, миллионы свидетельств такого поведения гитлеровцев на нашей земле. Свидетельств не только советских граждан, но и самих немцев. Но лишь очень немногие тогда в Германии задумывались о том, что может принести в будущем им, немцам, такая война. Находившийся в отставке бывший посол Германии в Италии Ульрих фон Хассель написал в дневнике горькие, но, к сожалению, актуальные тогда лишь для немногих немцев, мысли: «Волосы встают дыбом, когда узнаешь о мерах, которые планируется предпринять в России, а также о том, как систематически будут нарушаться военные законы на захваченных землях. На деле там возникнет форма самого неприкрытого деспотизма – злейшей карикатуры на любые законы. Подобное состояние дел превратит Германию в такое государство, какое существовало лишь в образе, созданном вражеской пропагандой. ...Браухич и Гальдер уже согласились с тактикой Гитлера в России. Таким образом, армия должна принять на себя основную долю убийств и поджогов, которые до сих пор поручались СС» [4, с. 31].

Неудивительно, что и мирные советские граждане, и красноармейцы ответили врагу ненавистью. В начале войны, в первые ее месяцы ненависть была абстрактной, смутной, тесно перемешавшейся с тревогой за жизнь родственников и знакомых, оставшихся «под немцем». Начиная с Московской битвы, с первых освобождённых сел и деревень, ненависть приобретает конкретный характер. Это уже та самая «ярость благородная», слепая ненависть, осознание факта, что только полное уничтожение врага спасёт мир от нацистской угрозы. Теперь бойцы и командиры Красной Армии своими глазами увидели, какую судьбу им готовил враг.

«Вот, что мы наблюдаем, – писал один из красноармейцев, – женщина валяется посреди улицы. У нее отрезаны уши, глаза выколоты, живот вспорот. Рядом лежит группа бойцов

и командиров, у них нет носов, ушей, на лице рубленые раны. После этих издевательств они были сожжены в огне живыми. Каждый вечер мы наблюдаем огромные зарева пожарищ от пылающих сел и деревень, и сердце обливается кровью у каждого, а жажда мести все растет, и каждый боец и командир горит этой жаждой» [13, с. 347].

Именно тотальную войну на уничтожение собственного народа видели советские люди. Гитлеровцы не делали разницы между военнопленными и мирным населением, мужчинами и женщинами. Писательница Светлана Алексиевич собрала и опубликовала свидетельства сотен прошедших войну женщин; в её пронзительной книге «У войны не женское лицо» мы находим свидетельства и об этой по-настоящему страшной странице войны, об отношении гитлеровцев к женщинам.

«В плен военных женщин немцы не брали... Сразу расстреливали. Водили перед строем своих солдат и показывали: вот, мол, не женщины, а уроды. Русские фанатички! И мы всегда последний патрон для себя держали – умереть, но не сдаться в плен, – рассказывала писательнице одна из респонденток. – У нас попала в плен медсестра. Через день, когда мы отбили ту деревню, нашли ее: глаза выколоты, грудь отрезана... Её посадили на кол... Мороз, и она белая-белая, и волосы все седые. Ей было девятнадцать лет. Очень красивая...» [2, с. 129].

Страшно, непонятно уму нормального человека, как можно так относиться к женщине, ведь все они – солдаты «Тысячелетнего Рейха» – тоже были чьими-то сыновьями, братьями, мужьями, отцами. Как могли они себя так вести по отношении к тем, кто даёт жизнь? Потом они оправдывались, что «просто» выполняли приказы командования. Преступные, человеконенавистнические приказы! Хотя это были не просто приказы: бонзы Третьего рейха последовательно выполняли собственную программу по выведению расы господ, хозяев для «недочеловеков» с Востока – собственно, они этого и не скрывали. Гитлер как-то заявил: «Мы создадим человека нового типа, расу господ и породу вице-королей». Правда, потом сделал, на его взгляд, важное уточнение, что «естественно, не может быть и речи об использовании людей этого типа на Западе!» [18, с. 46]. Что и говорить, уточнение было весьма важным, так как попробуй эта «раса господ» вести себя так же в Европе, Германия моментально лишилась бы всех тех огромных экономических и политических связей с Западом, которые она не теряла даже в годы Второй мировой войны. А на Востоке, по мнению нацистов, русские, не являясь людьми, должны были безропотно сносить все творимые ими зверства, терпеть, как «приручаемые животные».

Порой и сейчас, особенно со стороны наших западных партнёров, можно слышать призывы простить преступления военных лет. Простить? Конечно, нормальный человек не может, не должен жить с нескончаемой ненавистью и болью утраты. Но давайте обратимся к первоисточнику этой мысли. «Cognoscere ignoscere», – писал Публий Теренций Афр ещё во II в. до н.э. – «научитесь прощать», или, как часто говорят, «понять означает простить». Здесь-то и кроется важнейшее противоречие. Западу, не испытавшему всего ужаса нацистской политики

тотального уничтожения всего и вся не просто осознать, что понять нацистов и для советских граждан, и для сегодняшних россиян невозможно. Военнопленные, женщины, старики и даже дети по какой-то извращённой логике представляли опасность для нацистской власти. Их «вина» сводилась лишь к тому, что в геббельсовской пропаганде они были «недочеловеки».

Не поддаётся описанию весь тот ужас, который испытывали дети в концентрационных лагерях. Сейчас Прибалтикой «толерантно» забыта страница истории, связанная с Саласпилсом. Концлагерь «Куртенгоф», или, как он официально назывался, «Саласпилсская расширенная полицейская тюрьма и лагерь трудового воспитания» был создан на территории Литвы. У малолетних заключённых отбирали кровь для раненых немецких солдат, больным детям подмешивали в еду мышьяк [12, с. 78, 83]. «Грудных младенцев и детей до 5 лет помещали в отдельный барак, где они умирали в массовом порядке», а «комендант лагеря Краузе <…> когда у него было плохое настроение, садился на окно своего кабинета и стрелял в проходивших заключённых» [28]. Стоит ли после этого удивляться, что ненависть к врагу, поселившаяся в сердцах командиров и бойцов Красной Армии, миллионов простых советских граждан горела ярким пламенем, требуя уничтожить врага любой ценой?

Читая воспоминания, письма, дневники, документы той, далёкой теперь военной поры, начинаешь осознавать всю глубину чувств, испытываемых советскими бойцами и командирами, бившимися с врагом. Становится понятно, что подвиги бойцов и командиров – Николая Гастелло и Александра Матросова, Сергея Гусева и Николая Мамонова, Зои и Александра Космодемьянских, двух Степанов, Гурьева и Нестерова, и сотен тысяч других, поименованных и неизвестных, были рождены не только личным мужеством и отвагой отдельных героев, но и стали следствием настроя всех советских людей.

«Вот прошла уже весна, наступило лето, а как-то не чувствуется его, не переживаешь так ощущений, как раньше до войны, – писал домой один из бойцов Красной Армии. – Испытываешь какое-то чувство отчуждённости. Не сливаешься с природой, не переживаешь радости её обновления. Как будто какой-то туман стоит перед тобой и окружающей обстановкой. Всё кажется как во сне. Вероятно, такое чувство испытывают люди, приговорённые к смерти (безнадёжно больные, приговорённые к казни). Но пессимизма нет. Наоборот, хочется скорей больших реальных действий, которые ускорили бы развязку и дали бы возможность, хотя бы и не всем из нас, вернуться к мирной жизни, к любимой работе, к личному счастью (или найти его новое)»[1]. Мощнейшее чувство справедливости, осознание того факта, что в борьбе с нацизмом высшая ценность – собственная жизнь порою является той ценой, которая приближает Великую Победу, приближает час, день, когда война будет перенесена на земли Германии и счёт предъявлен к оплате, было общим объединяющим началом для миллионов советских людей.

И вот этот день настал. В середине января 1945 г. солдаты Красной Армии

[1] Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4325. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.

вступили на землю нацистской Германии. Все эти годы они дрались и выживали с одной мыслью – отомстить за погибших друзей, за обесчещенных жён, за детей, лишённых детства, за мечты, которые не сбылись, за надежды, которые были втоптаны в грязь немецкими сапогами. За годы войны слова «враги» и «немцы» стали синонимами, позором в истории человечества, который необходимо уничтожить. Такова была твёрдая уверенность красноармейцев.

А немцы, эти жители «Тысячелетнего Рейха», в своей массе почти не имели представления о том, что в реальности творили их родственники и знакомые, мобилизованные в вермахт и войска СС, на советской земле в течение трёх долгих лет. Однако и то немногое, что им было известно, не позволяло надеяться на пощаду. Этот момент чётко осознавался очень многими. Взлелеянный и выпестованный в Министерстве пропаганды Геббельса крик «Мы не должны проиграть войну!» стал ведущим мотивом поведения немцев. А нацистская агитационная машина, подогревая эту истерию, продолжала бушевать. Из пыльных пропагандистских сундуков извлекались на свет штампы эпохи Германской империи: что Германии, как и встарь, угрожают дикие и жестокие казаки, и что русских в Красной Армии уже почти нет, а на Запад, как сотни лет назад, идут орды калмыков и китайцев, которые зальют кровью всю Европу, будут убивать и насиловать.

«Большевистские планы ненависти и уничтожения в отношении Германии известны с давних пор, – писала газета «Дер Зиг». – Задолго до этой войны кремлёвские евреи выработали свои планы нападения на национал-социалистическую Германию и на всех немцев. Большевистская агитационная машина вбила планомерно в мозги и сердца своей солдатчины то, что тогда уже было подготовлено с садистским предвкушением удовольствия еврейскими мозгами. Кровожадность, жажда мести, похотливость – вот движущие пружины, при помощи которых направляют против нас солдат советской армии и ускоряют их марш по немецкой земле.

Еврей Эренбург обострил все низменные инстинкты в такой мере, как это только возможно у этой расы. Отвратительные безобразия, совершённые советскими армейцами во многих городах и деревнях немецкого востока, так ужасны, что можно только с содроганием констатировать, насколько еврейский дух может убить все человеческие чувства» [11, с. 68-69].

Полезно вспомнить, что действительно ещё летом 1942 г. Илья Эренбург опубликовал статью «Убей!» написанную, по его же словам, на основе писем из Германии, найденных у убитых и попавших в плен солдат вермахта, из которых совершенно очевидно вырисовывалось стремление нацистов «превратить наш народ в рабов», и, как мы знаем, это чистая правда. Но, как справедливо заметил Даниил Гранин, «Эренбург писал в 1942 году, в августе, когда немцы шли на Сталинград, наступали на Северном Кавказе. Я помню, как нужны нам были статьи Эренбурга, ненависть была нашим подспорьем, а иначе чем было ещё выстоять. Мы не могли позволить себе роскошь разделить немцев на фашистов и просто мобилизованных солдат, шинели на них были одинаковые и автоматы. Это потом, в сорок четвёртом, сорок пятом,

стали подправлять, корректировать, разъяснять, и то мы не очень-то хотели вникать. А тогда было так». И далее Гранин уточняет: «Ах, неужели сегодня кому-то наши чувства могут показаться заблуждением?» [6, с. 225].

Однако и немецким солдатам, и руководству нацистской Германии в 1945 г. казалось вполне естественным, что обуреваемые ненавистью и жаждой мщения советские солдаты должны, даже обязаны вести себя в Германии точно так же, как все эти годы вели себя немцы на оккупированных территориях СССР.

Наиболее чётко эта позиция была выражена в последнем обращении Гитлера к солдатам вермахта. «Солдаты на Восточном фронте! В последний раз смертельный враг в лице большевиков и евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты на Восточном фронте, знаете большей частью уже сами, какая судьба уготована прежде всего немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь» [11, с. 50].

Весной 1945 г. по улицам германских городов и деревень шли красноармейцы. Увиденное лишь усиливало в них отчуждение и ненависть: аккуратные улицы городов и посёлков, почти не тронутые войной. В домах немцев – достаток и уют, почти не виданные в СССР пылесосы и стиральные машины, аккуратная добротная мебель. А в голове роились тяжёлые мысли, что за спиной выжженная выходцами из этих вот чистых городков родная земля, где руин и пепелищ больше, чем нетронутых войной домов, где мёртвых – больше, чем живых. И это распаляло ещё больше. «Войны-то у них ещё не было! У них всё сохранилось! А у нас – война всё взяла! Надо же представить положение нашей армии, нашего народа. Представляете: территории до Москвы, Украина, Белоруссия были заняты. До Волги дошли! Все это было разорено! Все это было нарушено! И как – прошли мы по этой территории, освободили: надо все было восстанавливать! А у них что же: они воевали, на их территории войны ещё не было!» [9, с. 541] – вспоминал спустя годы очевидец. Они вымещали накопившуюся ненависть на домашней утвари, мебели, стенах домов. В Восточной Пруссии, в Растенбурге, красноармеец яростно колол штыком манекен из папье-маше, стоявший в витрине разгромленного магазина. «Кукла кокетливо улыбалась, а он колол, колол. – писал очевидец, – Я сказал: «Брось! Немцы смотрят...» Он ответил: «Гады! Жену замучили...» – он был белорусом» [26, с. 453].

На первый взгляд казалось, что вот-вот на улицы германских городов и деревень выплеснется волна русского гнева, сопровождаемая насилием и грабежами: «Как теперь трудно воевать. Всё чужое, враждебное, всё подстерегает. Если бы ненависть убивала, то её бы у каждого из нас хватило бы на тысячи этих зверей» [27, с. 167] – написала в своём дневнике медсестра Вера Вяткина. Разве это не подтверждение предположений, что земли Рейха захлебнутся в крови?

Но этого не произошло.

Ответ на вопрос «почему?» надо начать с того факта, что командование Красной Армии жёстко пресекало подобное поведение. Действительно,

приход советских войск на собственно германские земли ставил на повестку дня вопрос: пришло время мести. Но как вспоминал о тех днях старший сержант артиллерии В.И. Олимпиев: «Мы уже три года готовились мстить фашистам. Теперь возник вопрос: конкретно кому и как?» [17]. Вопрос отнюдь не простой: пока война шла на советской земле, для бойцов всё было понятно: любой немец – враг. Но вот наконец под их ногами заскрипела ненавистная германская земля – и кто же враг? Кому мстить? Всем подряд? Только некоторым? Как отделить просто жителей и реальных врагов?

Ответ на этот вопрос у советского руководства был, и сформулирован он был отнюдь не в дни побед 1943–1945 гг., а раньше. Ещё в феврале 1942 г. И.В. Сталин в праздничной речи, посвящённой очередной годовщине РККА, дал ясно понять истинную цель Советского Союза в этой жестокой войне: «Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет и не может быть таких идиотских целей... Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остаются» [23, с. 1].

Именно эта идея и легла в основу распоряжений и приказов, отданных советским командованием, как только Красная Армия вступила на немецкую землю. «Вскоре после вступления в Восточную Пруссию нас ознакомили с приказом, осуждавшим насилие в отношении гражданского населения, особенно женщин, и мародёрство. В приказе говорилось о строгих наказаниях (кажется, вплоть до расстрела), которым будут подвергнуты нарушители» [10], – вспоминал гвардии лейтенант Исаак Кобылянский, а ещё один участник событий Анатолий Мужиков рассказывал: «…были спущены директивы и приказы вышестоящего командования войскам. В них было требование лояльно относиться к мирному немецкому населению, строго пресекались грабежи и изнасилования. Эти требования в войсках выполнялись» [15].

Разумеется, глупо было бы утверждать, что советские солдаты сразу как один по приказу стали «ангелами во плоти». Тяжёлые утраты, понесённые практически каждой советской семьёй: погибшие родители, жёны, дети, друзья и родственники взывали к отмщению, такое просто не могло забыться вдруг, по приказу, какими бы жесткими мерами он не выполнялся. «Те, кто пострадал от немцев, у кого родные были расстреляны, угнаны, а их дома разрушены, они в первое время считали себя вправе и к немцам относиться также: «Как?! Мой дом разрушили, родных убили! Я этих сволочей буду крошить!», [8, с. 175-176] – вспоминал Петр Кириченко. Но массовости, спланированной организованности, как у немцев, это не имело, да и не могло иметь.

В последние годы целым рядом авторов предпринимаются попытки целенаправленно очернить Красную Армию. Уравнять её с гитлеровским вермахтом, «доказав», что приход русских в Европу был вторым нашествием Чингисхана, сопровождавшимся спланированными массовыми изнасилованиями и убийствами [3; 29; 31]. И от-

радно сознавать, что всегда находятся честные историки, причём не только среди наших соотечественников, убедительно, с фактами и документами доказывающие всю несостоятельность такого «подхода» к освещению событий войны.

Так, применительно к печально известному массовому убийству в Немерсдорфе, принимавший непосредственное участие в тех боях Бернхард Фиш допускает, что имела место сознательная провокация немцев, использовавших диверсантов, переодетых в советскую форму. В своей книге «Nemmersdorf, October 1944: What actually happened in East Prussia» [30], Фиш вспоминает, что увидел в Немерсдорфе обстановку, сильно отличающуюся от озвученной официальными немецкими властями.

По его мнению – германские оборонительные позиции в районе Неммерсдорфа были заранее ослаблены, что может указывать на спланированную ловушку для советских войск. После обнаружения тел немецкой стороной не было предпринято ни одной попытки по их идентификации.

Бернхард Фиш также заключил, что на снимках представлены тела жертв из нескольких деревень Восточной Пруссии.

А знаменитый инцидент в Тройенбритцене, где 1 мая 1945 г. около 90 жителей мужского пола были арестованы и расстреляны, был убедительно разоблачен историком Никитой Мендковичем, который в результате подробнейшего анализа событий пришел к выводу, что это – очередная антироссийская легенда [14].

Необходимо отметить и тот факт, что значительная часть тех преступлений, которые всё-таки совершались на немецкой земле, к бойцам и командирам Красной Армии вообще никакого отношения не имела. Как сообщала в те дни прокуратура 1-го Белорусского фронта: «Насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливаются на наших военнослужащих…» [21, с. 246].

Столь спокойное поведение красноармейцев было в том числе вызвано и тем фактом, что предпринятые советским командованием меры по наведению порядка были настолько решительны, что навсегда врезались в память бойцов. «Попробуй их чего-нибудь там возьми без спросу, – рассказывал танкист Владимир Даудов, – то хана! Страх!» [9, с. 550].

К тому же командование стало применять наказание, которое для бойцов оказалось хуже смерти. Наказание, которое они запомнят на всю оставшуюся жизнь. Наказание, которое перечеркнёт всё славное прошлое провинившегося. Может быть, сейчас кому-то такое наказание покажется смехотворным – мародёров и преступников лишали наград. Но тогда отношение к жизни, смерти и солдатской чести было иным: «двум смертям не бывать, а одной не миновать». Ведь человека по сути вычёркивали из летописи Великой Победы, перечеркнув все его потери и заслуги, превращали в обычного обывателя, в пустышку, не способную поднять взгляд в ответ на вопрос «А что ты сделал для Победы?!».

«Ничего не помню, доченька, ничего», – повторял мне дед... Он дошел до

Берлина. Военный трибунал долго рассматривал его дело: разрядил обойму в пленного немца. Вину солдат признал, но с решением суда не согласился: «Лучше расстреляйте, только не забирайте награды!» Медали и ордена отняли. С тех пор о войне дед и «не помнит». 9 Мая закрывается дома и один поминает друзей. Награды ему возвратили, но он их не надевает. О войне не говорит никогда» [27, с. 233-234], – написала Индира Квятковская, внучка ветерана войны.

Большое внимание уделялось и разъяснительной работе. Были специально организованны политзанятия, на которых с бойцами детально разбирали суть поступивших приказов, недопустимость любых незаконных действий в отношении мирного немецкого населения. Очевидец вспоминал: «Подполковник Нефёдов нас предупреждал: «В этой войне пролито много крови. Но мы вступаем на территорию Германии не для того, чтобы мстить немецкому народу, а чтобы уничтожить фашизм и его армию» [27, с. 45].

Так что же происходило в реальности на занятых советскими войсками немецких землях? Неужели только лишь приказы командования и агитационная работа удержали людей от мщения? Конечно же, нет. Для раскрытия этого феномена следует обратившись ко множеству воспоминаний и документов, попытаться понять, что в реальности видели и чувствовали советские люди на землях своего непримиримого врага.

«Ненависть была живой, не успевшей притихнуть. Бог ты мой, если бы перед нами оказались Гитлер или Гиммлер, министры, гестаповцы, палачи! – воспоминал позднее Илья Эренбург. – Но на дорогах жалобно скрипели телеги, метались без толку старые немки, плакали дети, потерявшие матерей, и в сердце подымалась жалость. Я помнил, конечно, что немцы не жалели наших, всё помнил – но одно дело фашизм, Рейх, Германия, другое – старик в нелепой тирольской шляпе с перышком, который бежит по развороченной улице и машет клочком простыни» [26, с. 453].

На смену поведения и настроения советских бойцов влияло поведение и самих немцев. Вот характерный пример из воспоминаний одного из советских командиров: «Я помню, в Пруссии, в одном городке, со мной произошёл такой случай. Я подъезжаю на своей летучке к какому-то дому, чтобы заправиться водой. У входа в подвал стоит часовой. Из подвала доносятся какие-то голоса. Я у часового спрашиваю: «Кто там такие?» – «Да фрицы. Не успели сбежать. Семьи там. Бабы, мужики, дети. Мы их всех сюда заперли». – «Для чего они тут содержатся?» – «А кто знает, кто они такие, разбредутся, потом ищи. Хочешь, пойди посмотри». Я спускаюсь в подвал. Сначала темно, ничего не вижу. Когда глаза немного привыкли, увидел, что в огромном помещении сидят эти немцы, гул идет, детишки плачут. Увидев меня, все затихли и с ужасом смотрят – пришел большевистский зверь, сейчас он будет насиловать, стрелять, убивать. Я чувствую, что обстановка напряжённая, обращаясь к ним по-немецки, сказал пару фраз. Как они обрадовались! Потянулись ко мне, часы какие-то протягивают, подарки. Думаю: «Несчастные люди, до чего вы себя довели. Гордая немецкая нация, которая говорила о

своем превосходстве, а тут вдруг такое раболепство». Появилось смешанное чувство жалости и неприязни» [8, с. 175-176].

Тот самый Илья Эренбург, чьими воззваниями так запугивала геббельсовская пропаганда собственных сограждан, на страницах советских газет призывал: «Есть люди, и есть людоеды. Немцы брали детей и ударяли ими об дерево. Для воина Красной Армии ребёнок – это ребёнок. Я видел, как русские солдаты спасали немецких детей, и мы не стыдимся этого, мы этим гордимся.

Немцы жгли избы с людьми, привязывали к конским хвостам старух, бесчинствовали, терзали беззащитных, насиловали. Нет, мы не будем платить им той же монетой! Наша ненависть – высокое чувство, она требует суда, а не расправы, кары, а не насилия. Воин Красной Армии – рыцарь. Он освобождает украинских девушек и французских пленных. Он освобождает поляков и сербов. Он убивает солдат Гитлера, но не глумится над немецкими старухами. Он не палач и не насильник. На немецкой земле мы остались советскими людьми» [25, с. 721].

Нужно понимать, что был не просто официозный призыв кремлевского пропагандиста. Нет, именно подобные настроения и стали основой мыслей советских солдат в этот период. Один из участников боёв конца войны, И.Д. Перфильев вспоминал: «Мы бились за каждый коридор, за каждую комнату. Гитлеровцы превращали обычно дом в крепость, которую приходилось штурмовать. И помню, во время одного из таких штурмов, когда бой грохотал вверху, на этажах, мне и ещё нескольким солдатам из нашего батальона пришлось в кромешной тьме, почти вплавь, вытаскивать немецких детишек, женщин, стариков из затопленного фашистами подвального помещения. Не могли мы, советские люди, смотреть на гибель детей...» [9, с. 546].

Так что отношение, обычное человеческое отношение к людям, обездоленным войной, постепенно выходило на первый план и становилось непреложной нормой поведения красноармейцев.

Начало меняться и отношение немцев к советским людям. На место годами вдалбливаемой ненависти к недочеловекам и страха начинает приходить понимание всей лживости прежних штампов. А вместе с ним – и осознание того ужаса, той трагедии, что принесли советскому народу их германские соплеменники и родственники. В германском народе начинает просыпаться стыд за всё то зло, что пытались причинить миру его отдельные представители, и ясность неизбежной расплаты виновных за совершённые преступления. И тогда имевшие представление о реальных событиях на советской земле офицеры вермахта и полиции, желая любым путем уйти от наказания, в панике, не только стрелялись сами, но и порою пытались уничтожать собственные семьи. Личные и официальные документы той поры содержат множество свидетельств о подобном паническом поведении. Кажется, что на войне люди быстро привыкают к смерти, тем более, на первый взгляд речь идет о смерти врага; однако к смерти невинных, особенно детей, нормальному человеку привыкнуть просто невозможно. И красноармейцы, встречаясь с такими трагедиями, прилагали все силы чтобы их остано-

вить и предотвратить. «Вдруг совсем рядом – выстрел из дома, у которого остановилась наша первая машина. ...Немецкий офицер застрелился из парабеллума, а в соседней комнате лежат женщина и двое малышей, изо рта идет пена. В дом бросился военфельдшер Королев. Велел нести из коровника молоко. Через 2 дня детишки стали поправляться. Женщина рассказала, что ее муж еще вчера вечером сказал: «Все кончено. Тебе и детям нельзя попасть в их руки». Когда услышал звук приближающихся машин, стал торопливо поить сына и дочку из стакана. Под дулом пистолета выпила отраву и жена, после чего потеряла сознание» [27, с. 205].

Такое поведение красноармейцев и командиров стало полнейшей неожиданностью для немцев, ведь нацистская пропаганда готовила их к страшной мести со стороны «недочеловеков». «Уже прошло полдня, как пришли русские, а я ещё жива» [11, с. 370]. Проникнутая нескрываемым изумлением фраза пожилой немки, является, пожалуй, наиболее наглядным подтверждением того факта, насколько гитлеровским пропагандистам удалось запугать собственное население. В результате прихода русских оно боялось даже больше, чем смерти.

Однако действительность оказалась иной, и немцы, довольно быстро это осознав, стали быстро возвращаться в свои дома, из которых бежали при приближении армии «людоедов, недочеловеков». Например, когда бойцы Красной Армии заняли местечко Клестерфельд, там осталось всего 10 человек, но уже спустя несколько часов из ближайшего леса домой вернулось еще 2638 жителя. Восстанавливая мирную жизнь, местные жители, обмениваясь друг с другом впечатлениями, говорили: «Русские не только не делают нам зла, но и заботятся о том, чтобы мы не голодали» [11, с. 370].

Мы прекрасно помним из истории, что в 1941-1942 гг. вступление солдат вермахта и СС в советские села и города сопровождалось грабежами и насилием, а вскоре начинались голод и болезни. В 1945 г. приход Красной Армии на земли Третьего рейха сопровождался принципиально иной картиной: поддержание правопорядка со стороны советских комендатур, выдача продовольственных пайков нуждающимся немецким семьям.

Изумление, которое испытали осознавшие этот факт немцы, шокировало обывателей. Дадим слово очевидцам. Жительница Берлина Элизабет Шмеер писала: «Нам говорили нацисты, что если придут сюда русские, то они не будут нас «обливать розовым маслом». Получилось совершенно иначе: побеждённому народу, армия которого так много причинила несчастий России, победители дают продовольствия больше, чем нам давало прежнее правительство. Нам это трудно понять. На такой гуманизм, видимо, способны только русские» [11, с. 308].

Более того, те из немцев, кто имел возможность сравнить действия советских властей и их англо-американских союзников прямо заявляли, что не хотят, чтобы их передали в оккупационную зону союзников. Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Е.С. Сенявская приводит в одной из своих статей поразительные факты: «…первый бургомистр Боннака (район Лихтенберг) заявил, комментируя введенные рус-

ским командованием нормы питания для жителей Берлина: «Все говорят, что такие высокие нормы нас поразили. Особенно высокие нормы на хлеб. Каждый понимает, что мы не можем претендовать на такое питание, которое установлено русским командованием, поэтому с приходом Красной Армии мы ждали голодной смерти и отправку оставшихся в живых в Сибирь. Ведь это поистине великодушие, когда мы на деле убедились, что установленные сейчас нормы являются выше, чем даже при Гитлере...

Население опасается только одного – не перейдут ли эти районы американцам и англичанам. Это будет крайне неприятно. От американцев и англичан ждать хорошего ничего не приходится.

Житель города Гофман в разговоре с соседями высказался так: «Из рассказов прибывающих в Берлин немцев с территории, занятой союзниками, известно, что они очень плохо относятся к немцам, избивают плётками женщин. Русские лучше, они хорошо обращаются с немцами и дают питание. Я желаю, чтобы в Берлине были только русские».

О том же на основе собственного опыта в кругу соседок говорила и вернувшаяся в Берлин немка Эда: «На территории, занятой союзниками, немцам живется очень трудно, так как отношение плохое – часто бьют палками и плётками. Мирным жителям разрешается ходить только в установленное время. Питания не дают. Очень многие немцы пытаются перейти на территорию, занятую Красной Армией, но их не пускают. Очень было бы хорошо, чтобы в Берлине были только русские» [22].

Вполне очевидно, что подобные действия официальных советских оккупационных властей в Германии были в первую очередь вызваны сугубо прагматическим желанием не допустить появления в тылу советских войск очагов сопротивления со стороны мирного немецкого населения. Но никаким прагматизмом нельзя объяснить многочисленные случаи гуманного поведения по отношению к немцам со стороны командиров и красноармейцев, которые сами, без приказа, помогали жителям Германии, делясь с ними собственными пайками и одеждой; это было движение души.

«И вот сели мы под гусеницы нашей самоходки прямо на асфальт с пятнами крови. Первую стопку – за тех, кто не дожил. Вдруг появились, как грибы, маленькие детишки. Мы поманили их руками и улыбками, накормили и еще кое-чего с собой дали» [27, с. 231].

Видя такое к себе отношение, немцы сами начинали искать контакта, выстраивать отношения с пришедшими на их землю советскими солдатами. Очевидец вспоминал: «Я еду по улицам. Выходит один, старичок: «Gutten Tag», – говорит. Ну это я знал еще по школе, я говорю: «Gutten Tag». Я слез с лошади, зашёл к нему: старуха и девушка.

Что-то они там сказали. И на стол сразу. На стол. Как-то они сказали: «Ну, пожалуйста, кушайте». И садятся они. Я с ними кушал, все нормально. И вообще они нас принимали очень хорошо» [9, с. 556].

Возможно, такое поведение было вызвано тем, что перед советскими людьми предстали не абстрактные и карикатурные «фрицы», а обычные люди. Люди, в душевных порывах которых, образе их мыслей они пытались

разобраться, чтобы понять. Понять, как эти простые, порою смешные, порой странные или даже жалкие люди допустили, что их дети, их родственники всего за несколько лет превратились в безжалостных убийц, творивших свои преступления на нашей земле. Понять для того, чтобы потом, в соответствии с народной мудростью, простить. Да, тогда, в теперь очень далёком 1945 г. советские солдаты ещё не были готовы прощать, но и бездумно, бездушно мстить, простым, порой сильно испуганным жителям немецких сел и городов они тоже были не способны.

Советские солдаты не испытывали ненависти к гражданским лицам. «В Растенбурге комендантом города назначили майора Розенфельда. Гитлеровцы убили его семью. А он делал всё, чтобы оградить население немецкого города... При мне к коменданту привели маленькую девочку – родители погибли. Майор ласково и печально глядел на нее, может быть, вспоминал свою дочку. Сколько раз он, наверное, повторял про себя слова о «священной мести», а в Растенбурге понял, что это была абстракция и что рана в его сердце не заживет» [26, с. 453].

«Вопрос о мести фашистам как-то отпал сам собой. Не в традициях нашего народа отыгрываться на женщинах и детях, стариках и старухах. А невооруженных немцев-мужчин, пригодных для службы в армии, мне не приходилось встречать… в городах... Отношение советских солдат к немецкому населению там, где оно оставалось, можно назвать равнодушно-нейтральным. Никто, по крайней мере из нашего полка, их не преследовал и не трогал. Более того, когда мы встречали явно голодную многодетную немецкую семью, то без лишних слов делились с ней едой» [17].

Довольно распространены сейчас труды т.н. «исследователей», которые пытаются очернить наше прошлое, не просто принизить значение Победы, но и унизить тех, кто своей жизнью защитил мир от коричневой угрозы. Да, нельзя не говорить об особом пренебрежении наших соотечественников к человеческой жизни. «Победы любой ценой» стоили нам громадных потерь. Но зачинщики – немцы не испытали и сотой доли тех страданий, которые их солдаты причинили нам. «Запечатлённой в камне правдой», а не пропагандистским преувеличением называют современные исследователи монумент советскому солдату со спасённой немецкой девчушкой в Трептов-парке [9, с. 546]. А созданное на подконтрольной СССР немецкой территории мощное немецкое социалистическое государство Германская Демократическая Республика всегда было самым верным союзником Москвы среди стран ОВД. Если все те преступления, о которых пишут последователи Геббельса, были бы на самом деле, то вряд ли в принципе были бы возможно добрососедские и союзнические отношения, длившие больше четырех десятков лет.

Почти семьдесят лет прошло с момента занятия Восточной Пруссии и взятия Берлина. На данный момент современная Германия является одним из наших ближайших стратегических партнёров. Согласно множеству современных социологических опросов, россияне не воспринимают немцев как своих врагов.

Как отмечал один из исследователей: «Вторая мировая война принесла

всем участвовавшим в ней народам слишком много страданий, чтобы память о них можно было просто предать забвению. Мы знаем, что мирные немцы сильно пострадали от развернувшихся на их земле боевых действий, и искренне сожалеем об этом. Но знаем мы и то, что стократ большие страдания пришлось перенести нашему народу, поставленному тогда на грань выживания» [9, с. 557].

Всё это позволяет нам по праву гордиться нашими прадедами, победившими фашизм, и делать всё для того, чтобы не допустить появления фашистской угрозы миру где бы то ни было.

ЛИТЕРАТУРА:

1. 22 сентября 1941 от Советского Информбюро [Электронный ресурс] // Наша Победа. День за днем – проект РИА Новости: [сайт]. [2005]. URL: http://www.9may.ru/07.03.1942/inform/m3167 (дата обращения: 02.04.2015).
2. Алексиевич С. У войны не женское лицо. М.: Пальмира, 2004. 320 с.
3. Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 662 с.
4. Бивор Э. Сталинград / Пер. с англ. А. Жеребилова, А. Коноплёва, А. Марченко, А. Фельдшерова. Смоленск.: Русич, 1999. 448 с.
5. Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: (краткий очерк). М.: Мысль, 1965. 454 с.
6. Гранин Д.А. Прекрасная Ута // Наш комбат: Авт. сб. М.: АСТ, 2004. 448 с.
7. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941-1945 гг. М.: Наука, 1973. 664 с.
8. Драбкин А.В. Я дрался на Т-34: Сквозь пекло войны. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 352 с.
9. Дюков А.Р. За что сражались советские люди. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 576 с.
10. Кобылянский И.Г. Мы не были полчищем варваров и сексуальных маньяков! [Электронный ресурс] // Я помню: [сайт]. [2000-2003]. URL: http://www.portalus.ru/modules/warcraft/special/remember.ru/artillerymen/kobyliansky/kobylyansky5a_r.htm (дата обращения: 02.04.2015).
11. Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах Третьего рейха. М.: АСТ, 2000. 608 с.
12. Латвия под игом нацизма. Сборник архивных документов. М.: Европа, 2006. 344 с.
13. Лубянка в дни битвы за Москву: По рассекреченным документа ФСБ РФ: Маскировка Кремля. Эвакуация тела Ленина. Минирование важнейших объектов и организация подполья. Донесения военной контрразведки и зафронтовых групп. Письма солдат РККА и вермахта / Ред. совет.: Христофоров В.С., Собкин В.Н., Виноградов В.К. и др.; Сост.: Виноградов В.К., Жадобин А.Т., Жиляев В.И. и др. М.: Звонница-МГ, 2002. 480 с.
14. Мендкович Н.А. Это было в Тройен-Бритцене [Электронный ресурс] // Актуальная история: научно-публицистический журнал [сайт]. [2008-2012]. URL: http://actualhistory.ru/articles-treuenbrietzen (дата обращения: 02.04.2015).
15. Мужиков А.Н. [Электронный ресурс] // Я помню: воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны: [сайт]. [2006]. URL: http://iremember.ru/memoirs/minometchiki/muzhikov-anatoliy-nikolaevich/?sphrase_id=14344 (дата обращения: 02.04.2015).
16. Неизвестный Гитлер: Тайное досье НКВД, составленное на основе протоколов допросов личного адъютанта Гитлера Отто Гюнше и камердинера Гитлера Гейнца Линге в Москве 1948–1949 гг. / Предисл. М. Уля, Х. Эберле; В. Хаустова; Х. Мёллера; пер. с нем. при-

мечаний А. Чикишева, Е. Кулькова. М.: Олма-пресс, 2005. 512 с.
17. Олимпиев В.И. Взгляд на войну из окопа [Электронный ресурс] // Я помню: воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны: [сайт]. [2006]. URL: http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/olimpiev-vsevolod-ivanovich/?sphrase_id=14343 (дата обращения: 02.04.2015).
18. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера в ставке Германского верховного командования (1941–1942), записанные Генрихом Геймом и Генри Пикером и изданные последним / Пер. с нем. И.В. Розанова; общ. ред., предисл. И.М. Фрадкина. Смоленск: Русич, 1998. 486 с.
19. Проэктор Д.М. Фашизм: Путь агрессии и гибели. М.: Наука, 1989. 584 с.
20. Рунов В. Штурмы Великой отечественной М.: Яуза; Эксмо, 2011. 320 с.
21. Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). М.: Терра, 1995. 616 с.
22. Сенявская Е.С. Красная Армия в Европе в 1945 году. Старые и новые стереотипы восприятия в России и на Западе [Электронный ресурс] // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы [сайт]. [2012]. URL: http://www.perspektivy.info/history/krasnaja_armija_v_jevrope_v_1945_godu_staryje_i_novyje_stereotipy_vosprijatija_v_rossii_i_na_zapade_2012-05-04.htm (дата обращения: 02.04.2015).
23. Сталин И.В. Приказ Народного комиссара обороны № 55 от 23 февраля 1942 г. // Правда. 1942 г. № 54. 23 февраля.
24. Хаупт В. Группа армий «Север»: Бои за Ленинград, 1941–1944 / Пер. с англ. Е.Н. Захарова. М.: Центрполиграф, 2005. 382 с.
25. Эренбург И.Г. Война. 1941–1945. / Сост., предисл., коммент. Б. Я. Фрезинского. М.: АСТ; Астрель, КРПА Олимп, 2004. 796 с.
26. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: в 3 т. Т. 2: Кн. 4, 5. М.: Текст, 2005. 608 с.
27. Я это видел: Новые письма о войне / Сост. Э. Максимовой, А. Данилевича; предисл. Э. Максимовой; С. Алексиевич. М.: Время, 2005. 320 с.
28. Яченков В. Мертвая голова [Электронный ресурс] // Федеральная служба безопасности Российской Федерации: [сайт]. [2012]. URL: https://archive.today/20120803064856/www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm!id%3D10318166@fsbPublication.html#selection-655.2-655.169 (дата обращения: 02.04.2015).
29. Atina Grossmann. «A Question of Silence: The Rape of German Women by Occupation Soldiers» // JSTOR: October, Vol. 72 (Spring, 1995), 42-63 pp.
30. Fisch, Bernhard. Nemmersdorf, Oktober 1944: Was in Ostpreußen tatsächlich geschah. Berlin: 1997. 192 p.
31. Herzog Dagmar. Sex after Fascism: Memory and Morality in Twentieth-Century Germany. Wiley, 2007. 361 p.

УДК 94(470+571)"1941/1945":159.9:316.77

Багдасарян В.Э.
Московский государственный областной университет

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ФОКУСЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ

Аннотация. В представленной статье анализируются причины и факторные мотиваторы развернувшейся в преддверии семидесятилетия окончания Второй мировой войны кампании по ревизии оценок и итогов. Содержание данной кампании соотносится с контекстом новой информационно-психологической войны против России. Реконструируются политические целевые установки историографической ревизии. Проводится описание технологий использования исторических мифов в задачах современной геополитической борьбы. Вывод автора состоит в необходимости обеспечения с позиции национальной безопасности формирования сакральной исторической матрицы России и, прежде всего, сакрализации подвига народа в Великой Отечественной войне.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, новая холодная война, ревизия истории, дегероизация, священная история.

V. Bagdasaryan
Moscow State Regional University

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE LIGHT OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE AGAINST RUSSIA

Abstract. The article analyses the reasons and factorial motivators of the campaign for revising the results of World War II, launched on the threshold of its seventieth anniversary. The content of this campaign correlates with the context of new information and psychological warfare against Russia. Political purposes of revising the historiography are reconstructed. The author gives the description of the technologies suggesting the use of historical myths for solving the problems of modern geopolitical conflict. The author concludes that to ensure national security it is necessary to provide the formation of a sacral historical matrix of Russia, and, first of all, to sacralize the feat of the people in the Great Patriotic War.
Key words: the Great Patriotic War, new cold war, revision of history, de-heroization, sacred history.

Если характеризовать современную ситуацию мировую ситуацию, то наиболее емким ее определением было бы понятие «новой холодной войны». Как и прежде, в фокусе информационно-психологического давления оказывается Россия.

У каждого государства есть три основные составляющие его мощи: военная мощь, экономическая мощь и гуманитарная мощь. Военная мощь подрывается, соответственно, военным путем. Экономическая мощь разрушается посредством включения финансовых механизмов. Гуманитарная мощь страны выстраивается, прежде всего, на историческом сознании. И если ставится задача подорвать гуманитарную мощь, то приоритетно на-

© Багдасарян В.Э., 2015.

носится удар по историческому сознанию.

Каждая общность имеет свою определённую сакральную матрицу, свой набор сакральных героев, свою «священную историю». Как правило, сакрализуются великие жертвы, понесенные страной в прошлом. Через нишу «священного» происходит трансляция ценностей. Через транслируемые ценности выстраивается, в свою очередь, соответствующее идентичное общество. Что надо сделать наиболее простым способом, чтобы разрушить это общество? Ударить по ее сакральной матрице. Дезавуируются несущие эту матрицу национальные герои. Соответственно, ставятся под сомнение и транслируемые через них ценности. Лишившись ценностного фундамента, идентичное общество рассыпается [1, с. 18-29; 2].

Без собственной «священной истории» сборка социума невозможна. Современная Россия своей, формируемой целевым образом «священной истории», не имеет. Однако традиции исторического сознания народа сохраняют сакральные исторические образы. И особое место в национальной исторической памяти занимает Великая Отечественная война. Великая Отечественная война и есть сегодня ядро сакральной исторической матрицы России. Двадцать семь миллионов человеческих потерь. Каждой семьи коснулась трагедия военных лет. И понятно, что в фокусе антироссийской информационно-психологической кампании оказывается именно Великая Отечественная война. Разрушая сакральный образ войны, разрушается российская цивилизация.

Хроника развернутой антисоветской кампании звучит как сводка боевых действий.

2006 г.: резолюция ПАСЕ «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов».

2007 г.: открытие Джорджем Бушем памятника жертвам коммунизма.

2008 г.: Пражская декларация «О европейской совести и коммунизме».

2009 г.: резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы», в которой сталинизм приравнивается к национал-социализму.

2010 г.: новая Пражская декларация «О преступлениях коммунизма».

2011 г.: письмо в Еврокомиссию, подписанное главами Чехии, Болгарии, Румынии, Латвии, Литвы и Венгрии, с призывом запретить в Европе отрицание преступлений коммунизма.

2012 г.: в Брюсселе проводится конференция «Правовое урегулирование коммунистических преступлений» с участием членов Европарламента, вынесшая решение создать наднациональную судебную организацию, целью которой является осуждение преступлений, совершенных коммунистическими тоталитарными режимами.

2013 г.: снова в Брюсселе проходит конференция под названием «Давид и Голиаф. Малые народы под игом тоталитарных режимов», завершившаяся призывом «Нюрнберг 2». Новый Нюрнберг мыслится судом над коммунизмом.

Понятно, что акцентированно наносится удар именно по коммунистическому периоду. И не случайно, что в современной Украине сносят памятники Ленину. Но дальше, от осуждения коммунизма, следующим этапом осу-

ществляется переход уже на осуждение России как цивилизации.

В прошлом году отмечалось 100 лет с начала Первой мировой войны. И вот в преддверии этой даты появляются работы, в частности, монография Шона МакМикина «Русские корни Первой мировой войны» [10]. Ревизия истории Первой мировой войны заключается в том, что ее будто бы развязала отнюдь не Германия, а «сербский национализм» и стоящий за ним «русский империализм». Характерно, что те же самые авторы, которые ранее выпускали работы, в которых выдвигался тезис о преимущественной виновности СССР в развязывании Второй мировой войны (Гитлер нанес только превентивный удар), сегодня уже идут дальше – Первую мировую войну развязала Российская Империя [8; 5]. И как вывод: Первую мировую войну развязала Россия, Вторую мировую войну развязала Россия и сегодня Россия развязывает Третью мировую войну. За десоветизацией развертывается вытекающий из нее процесс дерусификации.

Ревизия истории Великой Отечественной войны развертывается синхронно по двум направлениям. В обоих случаях цель одна – лишить Россию ее победы. Делается это двумя способами.

Ревизия № 1 состоит в утверждении позиции, что СССР к победе не причастен. На роль победителей утверждаются другие акторы. Лишить победы можно даже без прямой фальсификации, а через элементарное замалчивание фактов. Если не говорить о битвах на советско-германском фронте, а исключительно о битвах в Западной Европе, Африке и Тихом океане, то целевым образом формируется представление, что решающие события войны развертывались именно там.

Ревизия № 2 заключается в проведении тезиса, что нахождение СССР в числе государств-победителей нелигитимно. Нелигитимность обосновывается утверждением об идентичности советского, сталинского режима германскому, фашистскому. Если же советский режим подобен фашистскому, то, по этой логике, место СССР должно было быть не среди триумфаторов, а среди тех, кто был осужден за преступления против человечества.

Антисоветские выпады последнего времени четко соотносятся с обеими версиями ревизий. Заявление министра иностранных дел Польши Гжегожа Схетыны «Освенцим освобождали украинцы» корреспондируется с моделью ревизии № 1 [19]. Схема ревизии № 2 раскрывается через высказывание украинского премьер-министра Арсения Яценюка о советском вторжении на Украину и в Германию [22].

Очевидный ревизионистский мотив прослеживается и в обращении, прозвучавшим на встрече президента США и премьер-министра Великобритании «Мы вместе победили нацистов и охотились за лидерами Аль-Каиды…» [16]. Из этой формулы следует, что основными акторами победы являлись страны англо-саксонского сообщества. Они, якобы, и сегодня ведут непримиримую борьбу с «мировым злом». Принципиально ничего нового для американской историографии в этой позиции нет. Из приводимых ниже фрагментов изданных в США работ разных лет следует, что слова Б. Обамы базируются на складывающимся годами историографическом фундаменте:

«Вторая мировая война была организована триумфом войск, командного состава, штабов и верховного командования, всех составных элементов армии США» [12, с. 657-658].

«Победа на фронтах Второй мировой войны в значительной степени была обеспечена благодаря американской промышленности, американским ресурсам и американским людским резервам» [9].

«Хотя США вступили в войну с опозданием, их вклад в победу был решающим. Без их солдат и громадного производства бомб, кораблей и самолетов союзники наверняка потерпели бы поражение» [11, с. 287].

Каковы цели этих ревизий? Сегодня очевидными становятся попытки изменения системы Ялтинско-Потсдамского мироустройства. Речь идет о пересмотре итогов Второй мировой войны. Необходимо отдавать себе отчет, что все основополагающие принципы и институты жизнеустройства современного человечества восходят к 1945 г. Соответственно, и попытки делегитимизации модели, установленной семьдесят лет назад, неизбежно повергают мир в состояние хаоса.

Делегитимизация итогов Второй мировой войны предполагает, соответственно, легитимизацию тех акторов и того устройства, которые были низвергнуты в результате Великой Победы. Не случайно сегодня, через семьдесят лет, вновь поднимают голову фашизм и нацизм. Предпринимаются попытки их исторической реабилитации. Переписываются под этим углом зрения учебники истории. И вот уже фашистская идеология оказывается масштабной политической силой. Над миром реально нависает угроза новой фашизации.

Целевые установки такого рода историографических ревизий – реконструируемы. Будучи державой, внесшей основной вклад в победу над фашизмом, СССР, в соответствии с моделью Ялтинского мироустройства, выступал естественным гарантом недопущения новых мировых угроз фашизации. Эта роль была унаследована от него в качестве правопреемника Российской Федерацией. Ревизия итогов Второй мировой войны подразумевает в качестве политического последствия оттеснение России на периферию мировой политики. Уже воспроизводятся частично контуры довоенной модели Версальско-Вашингтонской системы, в соответствии с которой Советская Россия оказывалась в положении «мирового изгоя». Санкции, перспективы всеобъемлющей блокады, выстраивание «санитарного кордона», создание приграничных зон военной эскалации – все эти современные реалии представляют собой достаточно известный исторически инструментарий.

Наступление на историю Великой Отечественной войны не ограничивается внешним давлением. Существует и внутрироссийская пропаганда. О факте ее наличия свидетельствуют высказывания ряда известных представителей оппозиции.

Александр Минкин: «Может, это лучше бы фашистская Германия в 1945 году победила СССР, а ещё бы лучше, в 1941-ом. Не потеряли бы мы свои то ли 22, то ли 30 миллионов людей, и это не считая послевоенных бериевских миллионов. Мы освободили Германию. Может, это лучше бы освободили нас?» [6].

Леонид Гозман: «У СМЕРШ не было некрасивой формы, но это, пожалуй,

единственное их отличие от войск СС. Само это слово «смерш» должно стоять в одном ряду со словами СС, НКВД и гестапо, вызывать ужас и отвращение, не выноситься в название патриотических боевиков» [3].

Евгений Ихлов: «Генерал Власов был прав. Лучшая участь для нашей страны - это разделиться на этнические государства, высшим достижением которых будет интеграция в Западную Европу на правах трудновоспитываемых младших братьев» [15].

Но, может быть, речь идет исключительно о некомпетентности политиков? Процитированные высказывания соотносятся с вполне определенной политической платформой. Однако и в профессиональном сообществе историков обнаруживаются созвучные позиции.

Обратимся к высказываниям до недавнего времени профессора МГИМО, известного историка Андрея Зубова. Его позиция по отношению к Великой Отечественной войне оказывается корреспондентной с позицией по современной украинской ситуации. Неправедность войны со стороны СССР – в первом случае и неправедность действий России – во втором.

По отношению к Великой Отечественной войне позиция возглавляемого А.Б. Зубовым авторского коллектива (в нем широкая группа известных историков) книги «История России. XX век» раскрывается даже через наименования параграфов. Едва ли не каждое наименование задает негативную матрицу восприятия образа Советского Союза [4]. Посмотрим, какие смысловые позиции задает оглавление соответствующего раздела.

Часть 4. «Россия в годы Второй мировой войны и подготовки к Третьей Мировой войне (1939–1953)»: 1. понятие Великая Отечественная война в книге не используется, применяется либо маркер «Вторая-мировая война», либо «советско-нацистская» война; 2. в качестве исторического субъекта указывается Россия, а не СССР, российский фактор отделяется, тем самым, от советского (посредством такого приема ретушируется тот факт, что Советский Союз вышел из войны победителем; 3. развязав вместе с Германией Вторую мировую войну, сталинский СССР будто бы готовился к развязыванию Третьей мировой.

4.1.1 «Расстановка сил в мире к 1939 г., агрессоры и их жертвы. С англофранцузами или с нацистами? Пакт Молотова – Риббентропа»: СССР будто бы выбирал – быть ли на стороне западных демократий или нацистов, выбрав в 1939 г. нацистскую сторону в конфликте.

4.1.2. «Завоевание и раздел Польши. Катынь»: 1. СССР представляется одним из агрессоров, виновников развязывания Второй мировой войны; 2. Катынь преподносится как советское злодеяние, единородное злодеяниям нацистов.

4.1.3. «Захват Балтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины»: тема советской агрессии получает дальнейшее развитие.

4.1.7. «Изменения в планах Сталина в связи с блицкригом Гитлера во Франции. Попытка Сталина переделить Балканы и Средний Восток»: Советскому Союзу приписываются планы дальнейшего раздела мира.

4.1.8. «Барбаросса» и планы Сталина, декабрь 1940 – июнь 1941 гг.»: из названия следует, что в противовес завоевательным планам нацистов суще-

ствовали аналогичные завоевательные планы со стороны СССР.

«Глава 2. Советско-нацистская война 1941-1945 гг. и Россия»: 1. война вместо Великой Отечественной, позиционируется как советско-нацистская; 2. Россия в предложенном наименовании не является стороной конфликта в советско-нацистской войне, что подразумевает наличие у нее собственных, отличных от СССР интересов (по сути, пролонгируется власовская альтернатива)

4.2.2. «Русское общество и советско-нацистская война в СССР. Отказ от эвакуации населения»: 1. используется маркер русского общества, отделяемого от общества советского, а соответственно, и от «советско-нацистской войны»; 2. советскому руководству предъявляется обвинение в отказе от эвакуации населения, обрекаемого во многих случаях на уничтожение или угон в Германию.

4.2.3. Советско-нацистская война и Зарубежье: тема противопоставления советского и русского получает развитие через указание на альтернативу, представляемую Зарубежной Россией.

4.2.8. «Новый внешнеполитический курс СССР. Присоединение к Атлантической хартии. Ситуация на фронтах Второй мировой войны к середине 1942 г. Проблема «второго фронта»: получается, что только подвергшись агрессии, СССР был вынужден изменить свой внешнеполитический курс, не Запад присоединялся к его борьбе с Германией, а напротив, он – к Западу.

4.2.11. «Военные действия в 1942 г. Неудачи СССР»: при акцентировке неудач нет ни одного названия параграфа, содержащего бы слова «успех» или «победа».

4.2.16. «Трагедия плена. Сталин и конвенция о военнопленных»: подразумевается, что массовые жертвы советских военнопленных связаны не с человеконенавистнической доктриной нацизма, а с неприсоединением СССР к Женевской конвенции («сами виноваты»).

4.2.17. «Русская Церковь и начало войны. Зарубежье, Внутренняя Россия, Псковская миссия»: акцентируется внимание не на поддержке РПЦ советской армии и правительства, а на прецедентах сотрудничества священнослужителей с германскими оккупационными войсками (таких, как «Псковская миссия»).

4.2.19. «Попытки создания Русской Освободительной Армии (РОА)»: деятельности РОА уделено четыре параграфа, что превращает его в авторском изложении в реальную, значимую альтернативу.

4.2.20. «Надежды в русском обществе в СССР на послевоенную свободную жизнь»: русскому обществу периода войны приписываются либеральные идеалы; создается миф, будто бы народ воевал за гражданские свободы, но оказался в итоге обманут властями.

4.2.22. «Новое изменение сталинской идеологии – курс на русский национализм»: реабилитация русской темы в СССР, начавшаяся, действительно, еще в предвоенный период, преподносится под маркером «национализм».

4.2.23. «Карательная система коммунистического режима в годы войны. Репрессии против военного и мирного населения, штрафные батальоны и заградительные отряды. Обращение с военнопленными»: создается образ

«кровавого красного террора», определяемого коммунистической сущностью режима.

4.2.24. «Репрессии против народов России. Насильственные депортации и геноцид»: обвинение СССР, страны, внесший решающий вклад в победу над геноцидным нацистским режимом, в политике геноцида во время Великой Отечественной войны – один из наиболее кощунственных мифов антисоветизма.

4.2.29. «Политика Сталина в отношении Восточной Европы. «Народная демократия»: в названиях параграфов отсутствует понятие «освобождение Европы», закладывается взгляд, что один оккупационный режим – нацистский, был заменен другим – коммунистическим.

4.2.32. «Создание русской армии на стороне Гитлера. Идеология РОА. РОА и Русское Зарубежье. Пражский манифест КОНР»: по сути, популяризируется власовское движение и принятые им документы, такие, как «Манифест КОНР», коллаборационизм преподносится как идеологическая альтернатива сталинскому коммунизму.

4.2.37. «Жертвы Ялты»: утверждается несправедливый, империалистический – с агрессивной стороной и жертвами характер установившейся по итогам войны системы мироустройства, из чего следует целесообразность ее ревизии.

4.2.39. «Итоги и цена Второй Мировой войны для России и сталинского режима. Невосполнимые потери»: 1. закладывается взгляд о неоправданно высокой цене победы, вину за которые несет сталинский режим; 2. различаются итоги войны для режима – позитивные и итоги войны для России – негативные (фактическое, имея в виду масштаб жертв, поражение).

И вот уже зубовский взгляд по ситуации на Украине: «Для России сейчас важно проиграть войну с Украиной… Те, кто в России соболезнуют Украине, сопереживает о своём собственном будущем и будущем всех стран бывшего СССР, мы смотрим на вас (обращается уклон к украинской стороне) с ожиданием, что с победой Украины процесс освобождения от советского станет необратимым. Вы – авангард общего постсоветского движения» [14].

Осуждается не только советское, сталинское государство, не только руководство СССР. Удар наносится и по персоналиям – героям войны. Составляющие кампании дегероизации можно условно классифицировать на пять групп.

Первый подход – самого факта подвига не было, прецедент отсутствовал. Подвиг оказывается вымыслом, развенчиваемым дегероизатором. Из этого разряда можно указать на попытки отрицания существования молодогвардейского подполья [13].

Второй подход – подвиг имел место, но был совершен другими. Соответственно, героями являются не те, кто официально почитался, а неизвестные никому люди. В данном случае показательным примером являются попытки лишения подвига Николая Гастелло [18].

Условно эти два подхода можно определить как «мягкие» технологии дегероизации. Но наряду с ними есть и «жесткие» технологии.

Третий подход состоит в представлении героев в качестве маргинализированных фигур, не достойных подражания. Пример такой дегероизации

– информационный вброс об уголовном прошлом Александра Матросова [20].

Четвертый подход – совершенные подвиги являлись преступлениями. Наиболее резонансный пример: определение Зои Космодемьянской в качестве террористки. Она в этой версии «сжигала дома мирных жителей, обрекая их на гибель при 30-градусном морозе», а потому «ее место на виселице» [21]. Таким же образом дезавуируются подвиги партизан [17].

Есть и пятый подход в дегероизации – «замещение героев». У молодежи в любом случае существуют свои герои. Это особенность юношеской психики, не раз объясняемая с позиции возрастной психологии. При вытеснении одних образов героев приходят другие. Зачастую – те, кто являлся противниками низвергнутых кумиров.

Манипуляция сознанием молодежи осуществлялась в значительной степени за счет создания образов ложных героев. Классический пример представляет в этом отношении современная Украина. «Евромайдану» предшествовала длительная кампания по популяризации образов украинских националистов, таких, как Степан Бандера или Роман Шухевич. И далее знаменем возрожденного фашизма стали именно эти исторические персонажи. Фигура Бандеры оказалась в самом эпицентре украинского противостояния. Для одних он – палач, нацистский преступник, для других – исторический герой [23].

Образы героев и псевдогероев оказались едва ли не главными мотиваторами войны. Своевременно должное внимание на рост популярности среди молодежи образов украинских националистов не было обращено. И если бы молодежь оперировала образами иных героев, возможно, политический контекст Украины оказался иным. Но альтернативного по отношению националистов ряда героев предложено не было.

Дефицит героев, чьи образы коннотируют с нравственными идеалами человечества, является общемировой проблемой. В условиях этого дефицита наблюдается рост популярности откровенных злодеев, фигур эпатажа. Не может не настораживать, в частности, рост популярности Гитлера. Гитлеровская эмблематика все более очевидно захватывает ниши символического пространства.

Обратимся к русскоязычному интернету. Дегероизационные версии изложения истории Великой Отечественной войны имеют в нем широкую циркуляцию, все более оттесняя версию, считающуюся официальной. Особо кумулятивной в своих антисоветских пафосах выглядит статья, выложенная на одном из оппозиционных сайтов, под названием «Идолы для детей». Ее автор не скрывает своей ненависти к советскому обществу и его героям: «Кульминация развития детского идолопоклонства в СССР приходится на 60-е годы прошлого века. В это время происходит активная икононизация, вместе с тем серьезная мифологизация героев войны 1941-1945 годов. С прославлением чекистов, политруков и бойцов РККА идет воспевание пионеров, их жития уже написаны. Становится модным проводить линейку возле портрета Толи Шумова, отмечая свое присутствие дробью по расстроенным барабанам и бешеным салютом при криках фанатичной во-

жатой. После таких линеек детская психика давала глубокую трещину. У ребенка появляется дикое чувство радости, пробуждавшее привязанность к юным мертвецам в красных галстуках… Рассказы настолько восхищают детвору, что в «Артеке», рассаднике интернациональной инфекции, проводятся конкурсы на лучшее звание подвигов мальчишей-кибальчишей. А когда настает заветный день – 22 июня, морально изнасилованные юнцы вспоминают храбрейших ровесников, повторяя мантру: Всегда готов! (под хриплые звуки алюминиевого горна)» [7].

Принципиально важно зафиксировать уровни подачи исторического материала. Борьба за историю ведется на информационном, концептуальном и парадигмальном уровне. Приведу пример такого уровневого восхождения. Информационный уровень – вбрасывается тезис, что в 1939 г. имел место раздел Европы между Сталиным и Гитлером. Почему, возникает вопрос, Сталин пошел на договоренность с нацистами? Отвечая на него, осуществляется переход на второй, концептуальный уровень: потому что в СССР существовала тоталитарная, империалистическая система, подобная фашистской. А почему такая система стала возможна? Ответ выводит уже на высший, парадигмальный уровень осмысления: потому, что Россия имманентно тоталитарна и империалистична. А дальше вновь осуществляется переход на уровень информационный, позволяющий выносить оценку текущих политических процессов. Кто, например, окажется виновен в развязывании войны на Украине? Из всей предыдущей когнитивной операции в области истории следует вердикт – виновата, конечно же, Россия, которая якобы всегда исторически развязывала войны и подавляла свободы.

История оказывается матрицей, форматирующей направление политического дискурса. Соответственно, если ставится задача противостояния в этой когнитивной войне, необходимо научиться вести ее не только на информационном, но также на концептуальном и парадигмальном уровнях. А с этим в современной России есть проблема. Деидеологизация истории привела к ее деконцептуализации. Не выработано по сей день, даже на уровне школьного учебника, единой концептуальной версии российского исторического процесса.

В ценностном плане история Великой Отечественной войны является в значительной мере ристалищем битвы за сознание российской молодежи. Современная российская молодежь расколота. Для одной ее части ориентир – выезд на постоянное место жительства за границу, жизнь на Западе. Но есть и совершенно иная, российско-ориентированная молодежь. Для этой патриотичной молодежи нужна опора на соответствующий ценностно-мировоззренческий фундамент. Такой фундамент вырабатывается, прежде всего, через формирование целевым образом исторического сознания.

Принципиально важно, вернусь к этой мысли, наличие у народа «священной истории». То, что для народа священно, должно быть законодательно ограждено от нападок. Прецеденты такого рода защиты в международном праве известны. Во многих государствах Европы существует, к примеру, запрет постановки под сомнение факта Холокоста. Для народов, которые

проживали в Советском Союзе, и для российского народа в частности, Великая Отечественная война является таким же сакральным образом, связанным с гекатомбами человеческих жертв. Поэтому есть все основания поставить вопрос о законодательном запрете на дезавуирование подвига народа в Великой Отечественной войне.

Сакральная историческая матрица – это фундаментальная основа бытия национальных сообществ. Разрушение этой матрицы приводит в конечном итоге социум к гибели. Поэтому сакрализация и ресакрализация подвига в Великой Отечественной войне есть на сегодня вопрос обеспечения национальной безопасности России. Именно так об этом и надо говорить, и именно таким образом к этому относиться.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Багдасарян В.Э. Государственная историческая политика и национальная безопасность России // Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал. 2014. № 7. С. 18-29.
2. Багдасарян В.Э., Абдуллаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов А.Э., Морозов А.Ю., и др. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. 376 с.
3. Гозман Л. «Подвигу солдат СС посвящается…» [Электронный ресурс] // http://www.echo.msk.ru/blog/leonid_gozman/1072194-echo/ (дата обращения: 18.01.2015).
4. История России. XX век, 1939-2007. Под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель, 2010. 475 с.
5. Кто развязал Первую мировую войну: 10 версий [Электронный ресурс] // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/02/140213_wwi_start_10_versions (дата обращения: 18.01.2015).
6. Минкин А. Чья победа? // Московский комсомолец. 2005. № 1690. 22 июня // http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/06/22/194712-chya-pobeda.html (дата обращения: 18.01.2015).
7. Новиков П. Идолы для детей [Электронный ресурс] // http://notistoria.narod.ru/business1idd.html (дата обращения: 18.01.2015).
8. Evans R.J. In Hitler's Shadow: West German Historians And The Attempt To Escape From The Nazi Past. London: I. B. Tauris, 1989. 196 p.
9. Howe Q. Ashes of Victory World War and lts Aftermath. N.Y., 1972. 542 p.
10. McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 311 p.
11. Reader's Digest Great Events of 20-th Centuary How they Change Our Lives.N.Y., 1977. 543 p.
12. Stimson H., Bundy M. On Active service in Peace and War. N.Y., 1949. 698 p.
13. Александр Фадеев – Самое интересное в блогах // http://www.liveinternet.ru/tags/%C0%EB%E5%EA%F1%E0%ED%E4%F0+%D4%E0%E4%E5%E5%E2/ (дата обращения: 18.01.2015).
14. Для России сейчас важно проиграть войну с Украиной – Зубов // http://www.ua-ru.info/news/28753-dlya-rossii-seychas-vazhno-proigrat-voynu-s-ukrainoy-zubov.html (дата обращения 18.01.2015).
15. Ихлов Е. Власовская альтернатива // http://www.kasparov.ru/material.php?id=4C340173653B2 (дата обращения: 18.01.2015).
16. Кэмерон и Обама приготовили новый заговор // http://dni.ru/polit/2015/1/15/291832.html (дата обращения: 18.01.2015).
17. Партизаны против крестьян. Крестьяне против партизан // http://www.e-reading.link/chapter.php/53367/6/Sokolov_-_Okkupaciya._Pravda_i_mify.html (дата обращения: 18.01.2015).

18. Подвиг Гастелло // http://alternathistory.org.ua/podvig-gastello (дата обращения: 18.01.2015).
19. Польский министр: Освенцим освобождали прежде всего украинцы, а Путин сам не захотел приехать // http://www.unian.net/world/1034322-polskiy-ministr-osventsim-osvobojdali-prejde-vsego-ukraintsyi-a-putin-sam-ne-zahotel-priehat.html (дата обращения: 18.01.2015).
20. Ролдугин О. Подвиг Матросова: что это было? // http://sobesednik.ru/publications/sobesednik/2009/02/4/matrosov_podvig (дата обращения: 18.01.2015) 18.
21. Рыбин Д. Девушки за Зою Космодемьянскую // http://maxpark.com/community/politic/content/1972615 (дата обращения: 18.01.2015).
22. Яценюк и советское вторжение в Украину и в Германию // http://rian.com.ua/view/20150110/361876454.html (дата обращения: 18.01.2015).
23. Пам'ятники Бандері є лише на Заході України // http://poglyad.te.ua/novyny/pamyatnyky-banderi-je-lyshe-na-zahodi-ukrajiny (дата обращения: 18.01.2015).

УДК 355:94"1939/1945"

Павленко В.Б.
Независимый исследователь (г. Москва)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСМОТРА РЕЗУЛЬТАТОВ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МИССИИ КРАСНОЙ АРМИИ В ЕВРОПЕ

Аннотация. Статья посвящена причинам, истокам и последствиям пересмотра итогов Второй мировой войны и принижения роли Советского Союза в победе над немецко-фашистскими захватчиками. Автором приводится ряд малоизвестных фактов, раскрывающих стратегический замысел Запада и его внутренней «пятой колонны», который заключается в установлении глобального централизованного «Нового мирового порядка».
Ключевые слова: Вторая мировая война, Восточная Европа, фальсификация истории, тоталитаризм, геополитика, цивилизация, регионализм, глобализация.

V. Pavlenko
Independent researcher, Moscow

CIVILIZATIONAL AND GEOPOLITICAL ASPECTS OF RECONSIDERATION OF THE RESULTS OF THE RED ARMY'S LYBERATING MISSION IN EUROPE

Abstract. The article deals with the reasons and consequences of the reconsideration of the results of World War II, aimed at diminishing the USSR's role in the victory over fascist Germany. The author mentions a number of little-known facts to prove the existence of a strategic plan to create "New World Order" initiated by the West and its "fifth column" in Russia.
Key words: World War II, Eastern Europe, history falsification, totalitarianism, geopolitics, civilization, regionalism, globalization.

По итогам Второй мировой войны сложилась определенная европейская и глобальная архитектура. Страны, освобожденные от немецко-фашистских захватчиков Красной Армией, перестали следовать в фарватере антисоветской политики Запада. Рухнул «санитарный кордон» черноморско-балтийской стратегии «Интермариум», которую под британским руководством проводила в жизнь польская разведка. Именно в ее недрах был разработан соответствующий антисоветский план «Прометей»[1]. После 1945 г. Россия в образе СССР приобрела на востоке Европы не только геополитическое, но и цивилизационное влияние. Оно зиждилось не на силе, а на безусловном авторитете страны, которая разгромила фашизм и освободила от него народы Европы. И в отличие от западных держав, не приложила руку к

[1] Политические межвоенные проекты, целью которых ставилось создание восточноевропейской конфедерации (Интермариум) и поддержка националистических движений за независимость основных нерусских народов, живших в пределах СССР (Прометей).

© Павленко В.Б., 2015.

появлению режимов Гитлера и Муссолини.

«Тоталитаризм» и геополитика Великой Победы

Для подрыва влияния и авторитета Советского Союза была предпринята идеологическая диверсия по внедрению в западную и мировую теоретическую мысль антинаучной идеологемы «тоталитаризма». Но пока жива была память о войне, СССР оставался естественным аттрактором для восточноевропейских стран, боявшихся возрождения Германии. И не случайно: стоило ей в 1990 г. объединиться, как в Европе стали происходить те же самые вещи, что и три четверти века назад, например распад Чехословакии и Югославии. Показательно: власти объединенной Германии действовали по гитлеровским лекалам, опираясь на словаков и католиков-хорватов, противопоставленных чехам и православным сербам.

Хотелось бы подчеркнуть: осуществить освободительную миссию и закрепить ее результаты – далеко не одно и то же. Там, где это удалось, сработала имперская модель межнациональных отношений. Формула «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь…» оказалась эффективной не только в СССР, но и в странах Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Стратегическая глубина сталинских представлений об объединении Европы и Азии в единую Евразию под советским лидерством и вытеснения морских англосаксонских держав на периферию глобальной политики наглядно проявилась в ряде говорящих эпизодов. «Русский и немецкий народы, которые понесли наиболее значительные потери во Второй мировой войне, как никакие другие доказали свою способность к историческому действию» [8, с. 11-12], – говорилось в поздравительной телеграмме советского лидера главам Восточной Германии В. Пику и О. Гротеволю с связи с образованием ГДР в октябре 1949 г. Другой пример: на Потсдамской конференции в июле 1945 г. один из членов американской делегации, собираясь польстить Сталину, сказал ему, что «рад видеть советские войска в центре Европы». И получил в ответ от вождя знаменитый афоризм о том, что «царь Александр дошел и до Парижа» [2].

Заметим, что и на Дальнем Востоке советская освободительная миссия ориентировалась на вытеснение американского влияния за пределы Евразийского континента. Правомерно утверждение, что с помощью ГДР и союзных СССР стран Азии И. В. Сталин строил евразийскую ось, которая проектировалась на всю континентальную Европу, вплоть до Франции. Ось, которую впоследствии, извратив до неузнаваемости, ограничили Европой и назвали «Париж – Берлин – Москва». Только провозгласили ее центром не Россию, а натовскую Германию и заложили в этот проект содержание, противоположное сталинскому. В результате эта континентальная ось превратилась в миф, который, в свою очередь, скрыл принадлежность этого проекта к другой, атлантической оси «Вашингтон – Лондон – Берлин». К сожалению, в позднем СССР было немало ее адептов, прекрасно понимавших масштаб извращения планов И.В. Сталина. Но идеологическая всеядность и стрем-

ление «быть своими» на Западе перевесили национальные интересы СССР. Курс на вхождение своим «славянским ядром» в атлантистскую Европу [6, с. 125], подрывавший не только классовые, но и цивилизационные основы советского проекта, продолжался даже тогда, когда стал ясен его полный крах. А именно после размещения в 1982 г. в Европе американских ядерных ракет средней дальности – «Першингов» и «Томагавков».

Именно в рамках этого курса осуществлялись приготовления к включению СССР в пресловутую «Евро-Атлантику», например:

– строительство нефте- и газопроводов в Европу, посадивших советскую экономику на «нефтяную иглу»;

– участие советских интеллектуалов в работе Римского клуба и его институтов, которое курировал академик Д. М. Гвишиани под покровительством его высокопоставленного тестя А.Н. Косыгина [4, с. 33-34];

– включение СССР и социалистических стран в создание и работу Международного института прикладных системных исследований (МИПСА) в Вене и Венского совета, которые заложили фундамент «конвергенции» с Западом на его условиях;

– учреждение при Ю.В. Андропове секретной Комиссии Политбюро ЦК КПСС по экономической реформе (Н.А. Тихонов – Н.И. Рыжков – Д.М. Гвишиани – С.С. Шаталин). В нее была включена вся будущая команда Гайдара, а осуществленные наработки впоследствии были использованы в ходе горбачевской «перестройки» и ельцинских «реформ».

Глобализация как стержень современной «Большой Игры»

Отдельной темой стало создание в стране тотального товарного дефицита и насаждение благодаря ему культа мещанского потребительства. А.А. Сазонов, в то время заместитель руководителя Аппарата Президента СССР М.С. Горбачева, приводит выдержки из стенограммы конференции Московского объединения избирателей (МОИ), состоявшейся 16-18 сентября 1989 г. в Московском энергетическом институте (МЭИ). Вот фрагмент из выступления Г.Х. Попова: «Для достижения всеобщего народного возмущения довести систему торговли до такого состояния, чтобы ничего невозможно было приобрести. Таким образом можно добиться всеобщих забастовок рабочих в Москве. Затем ввести полностью карточную систему. Оставшиеся товары (от карточек) продавать по произвольным ценам» [5, с. 45-46].

Не изжиты подобные рецидивы и сейчас. Упоминание о «Евро-Атлантике», например, содержится в действующей редакции Концепции внешней политики России 2013 г. Как видим, поздняя советская элита, как и царская, не говоря уж про постсоветскую, не просто позволила втянуть себя, но и деятельно участвовала в установлении прямых негосударственных связей с элитами Запада. Но надо сказать, что Вашингтон и Лондон и сами постарались закрепиться на западноевропейском и японско-корейском плацдармах, превратив их не только в потенциальные театры военных действий (ТВД), но и в цивилизационные разломы, отделившие Запад от Востока. Именно с этим связано нынешнее

доминирование англосаксонской субцивилизации над романо-германской в рамках самого Запада, а также прозападное перерождение цивилизаций востока, прежде всего Японии и Южной Кореи.

В соответствии с постулатами Х. Маккиндера, основателя классической морской англосаксонской геополитики, Европа, этот маленький полуостров-аппендикс громадной Евразии, с одной стороны, была объявлена оплотом «цивилизованного моря» против «сухопутной азиатчины». Консолидировав «старую» Европу с помощью «плана Маршалла» и НАТО, англосаксы взяли курс на ее объединение с «новой». Частью этого курса стало переоформление освободительной миссии нашей армии в оккупационную. С другой стороны, было предложено, чтобы «хвост-полуостров вилял континентом-собакой». Ради этого запустили охотно подхваченную нашей либерально-интеллигентской «пятой колонной» идею якобы принадлежности России к Европе. К цивилизации, точнее антицивилизации, разменявшей первородство христианской идентичности на «чечевичную похлебку» англосаксонского вассала.

Не углубляясь в подробности, ограничимся констатацией, что базовым принципом управляемых глобальных преобразований служит регионализм. Специалистам в сфере глобалистики хорошо известны два феномена. Один из них – «*глокализация*», означает эрозию государств и передачу их полномочий «наверх» (в транснациональные и глобальные структуры) и «вниз» (в локальные: региональные и местные). Второй – «*фрагмеграция*», соединяет фрагментацию религиозных, культурных, исторических и социальных идентичностей с интеграцией их экономик. В эволюционной форме эти феномены представлены управляемой кризисной стратегией «новой сборки» освобожденного от исторических корней человечества, которая реализуется в Европе. Это концепция и практика «еврорегионализации» – как инструмента раздробления и переориентации автохтонных идентичностей на Европейский союз. Она реализуется Советом Европы и обросла десятками официальных институтов – от ПАСЕ до Комитета регионов ЕС.

Революционная форма применяется на Ближнем и Среднем Востоке: американский план «Большого Ближнего Востока», основанный на концепции управления хаосом – так называемой «самоорганизующейся критичности». В прикладных целях она разрабатывалась Институтом проблем сложности в Санта-Фе. В форме войны, как концепция и стратегия «халифата», соединение феноменов «глокализации» и «фрагмеграции» апробируется и оттачивается с помощью исламского фундаментализма, например, идеологии и боевиков группировки «Исламское государство (Ирака и Леванта)». В настоящее время эти три формы – управляемый кризис, революция, война – объединяются в уже провозглашенном и реализуемом американском проекте «Черноморского ТВД», который интегрирует события на Украине и в Восточном Средиземноморье в единое целое, соединяя их общим стратегическим планированием и управлением. Это уже некий «двойной Интермариум», причем сугубо антироссийской направленности. На словах новая линия сдерживания нашей страны про-

черчивается по рубежу «Варшава – Бухарест – Баку», фактически же она пролегает через Украину, Дагестан и Узбекистан.

Очень важно, что в строгом соответствии с принципом регионализма выстраиваются все модели реформирования Совета Безопасности ООН. В них России отводится не самостоятельная роль главного победителя фашизма, а подчиненная – скромного участника европейской региональной группы, далеко не всегда входящего во влиятельные глобальные институты, где постоянные члены Совбеза ООН не наделены эксклюзивным статусом и правом вето. Таким образом, трансрегиональная «Большая Игра», которую в XIX в. вела против Российской Империи империя Британская, во второй половине XX в. возобновилась уже в глобальных масштабах, но теперь между США и СССР. За пределами Европы для этого была задействована «стратегия анаконды» – изобретение другого западного геополитика, американского адмирала А. Мэхана, заключавшаяся в охвате СССР, точнее, русского народа с юга и его вытеснении и удушении в «непригодных для жизни» северных широтах. В дополнение к силовому противостоянию, Западом был открыт новый фронт – информационно-психологической войны за образы, модели и смыслы прошлого, настоящего и будущего.

Метафизика прошлого, настоящего, будущего

Не станем акцентировать внимание на основных «закладках», формировавших диспозицию этого фронта. В частности, на хорошо знакомой специалистам-международникам «длинной телеграмме» основоположника идеологии холодной войны Дж. Кеннана. Фултонская речь У. Черчилля, прозвучавшая в присутствии президента США Г. Трумэна через две недели после этой телеграммы (5 марта 1946 г.) очевидным образом из нее вытекала. Именно в этом смысле и следует рассматривать подмену понятий, суть которой не распознали советские идеологи (да и какой идеолог был из троцкиста Хрущева!). *Высшее в смысловом отношении, подлинное, метафизическое противостояние Великой Отечественной войны – Третий Рим против Третьего рейха (Божественный свет против предвечной тьмы), которое объективно ставило на советскую сторону абсолютное большинство человечества, оставляя по другую, вражескую, западные элиты и в куда меньшей степени западные народы, значительная часть которых в этой борьбе тоже встала на сторону СССР, – подменили ДРУГИМ, ложным противостоянием.*

Высокий трансцендентный, метафизический смысл вульгарно отбросили, сведя его к имманентной, онтологической формуле «всемирного перехода от тоталитаризма к демократии». И хрущевский идеологический аппарат на это «купился», выдвинув встречную формулу «всемирного перехода от капитализма к социализму». Для этого в Третьей программе партии был по сути реанимирован концепт «мировой революции», только в «толерантной» форме «мирового революционного процесса». В результате из Третьего Рима – *Катехона*[1], т.е. силы,

[1] от греч. ὁ κατέχων – «Удерживающий», ранее богословский, а в настоящее время также политический термин.

«удерживающей» человечество от вселенской катастрофы, СССР в глазах окружающих народов превратился в одного из соискателей мирового господства, только менее предсказуемого и, главное, менее состоятельного в финансовом плане, чем привычный буржуазный Запад.

Именно это подорвало доверие к Москве, а с ним и формировавшееся даже не цивилизационное, а надцивилизационное единство народов социалистических стран, которые составляли настоящую глобальную альтернативу миропорядку Запада. Все, что было связано с пресловутой «доктриной Брежнева», лишь из этого вытекало, выступая катализатором усиления недоверия, перешедшего в цивилизационный надлом, разрыв и распад. В XXI в. это очередное, уже «сверхновое», издание «Большой Игры» приобрело очертания и масштабы второго раунда «холодной войны». Главным из последствий становится возвращение в Европу разделительных линий и рубежей. На наших глазах происходит формирование нового «железного занавеса», новой «Берлинской стены». И ее передвижение в Прибалтику, на Украину и в Белоруссию, и далее – в Закавказье и на Северный Кавказ.

Эта «стена» наделена ценностным, системообразующим смыслом и эксплуатирует в том числе и кризис нашей собственной идентичности. «Раньше мы ездили в Москву, чтобы прикоснуться к сокровищнице мировой русской культуры – Пушкину, Гоголю, Достоевскому. Сейчас – за учебником по маркетингу, изданным в Лондоне. Так не лучше ли выучить английский и читать его в оригинале, если Россию перестала интересовать ее собственная классика?», – таким горьким, но справедливым вопросом как-то задался один среднеазиатский профессор. В итоге, начав возвращение на путь суверенной политики, мы сегодня обнаружили себя уже не центром, а лишь «обочиной» новой глобальной альтернативы, которая формируется в рамках объединений стран БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества. В миросистемной типологии И. Валлерстайна – «полупериферией» этой альтернативы [1]. С одной стороны, претендовать на большее Россия пока объективно и не может. Препятствуют:

– деидеологизация и деконсолидация общества (та консолидация, что имеется, носит не фундаментальный мировоззренческий, а ситуативный, персоналистский характер);

– гигантский ценностный разрыв между индивидуализированно-потребительской элитой и обществом, остающимся преимущественно в советской коллективистской парадигме, хотя местами оно скатывается в пещерный «болотный» национализм;

– сохранение представителей компрадорской «пятой колонны» на ведущих позициях и постах в экономической, политической и информационной сфере, институтах и структурах государственного и корпоративного управления.

С другой стороны, и здесь надо обратиться к концепции миропроектной конкуренции С.Е. Кургиняна [3], а также к теории глобальных проектов М.Л. Хазина [7], свое место в такой конкуренции можно безнадежно проспать. И лишиться будущего: по типологии Арнольда Тойнби, всемирная история включает как минимум 21 цивилизацию, из которых всего лишь менее

десятка – действующие[1]. Новая *освободительная миссия*, как и в годы Великой Отечественной войны, »должна приобрести *проектный* характер. И начаться с внутреннего очищения страны от альянса либеральных и «уменьшительно-националистических» компрадорствующих оккупантов. Лишь после этого она может быть вынесена сначала в пределы бывшего СССР, а затем и за его рубежи. Дай Бог, чтобы этот новый Октябрь оказался консервативной революцией сверху. Потому что никакой альтернативы, совместимой с выживанием страны, ему просто не существует! Жизнь или заставит двинуться в этом направлении, или жестко спросит за промедление и тем более – за отказ ему следовать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира: альманах. Вып. 1 (Историческая макросоциология в XX веке) / сост. Н.С. Розов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 105-123.
2. Быков М. Когда закончилась война 1812 года: интервью // Эхо планеты. 2012. № 12. С. 29-31.
3. Кургинян С.Е. Суть времени – 1 // Центр Кургиняна [сайт]. URL: http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=80 (дата обращения: 17.04.2015).
4. Римский клуб: история создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / под ред. Д.М. Гвишиани, А.И. Колчина, Е.В. Нетесовой, А.А. Сейтова. М.: УРСС, 1997. 384 с.
5. Сазонов А.А. Кто и как уничтожал СССР? (Архивные документы). М.: ИСПИ РАН, 2010. 506 с.
6. Хаггер Н. Синдикат: история мирового правительства. М.: Алгоритм, 2009. 496 с.
7. Хазин М.Л., Гавриленков С.И. Развитие и взаимодействие глобальных проектов // Мировой кризис – хроника и комментарии [сайт]. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/110296?PARENT_RUBR=wc_glpr (дата обращения: 17.04.2015).
8. Josef Wissarionowitsch Stalin (1879-1953). [Berlin]: Hrsg. vom Kulturbund zur demokratischen Erneuerung Deutschlands, 1953. 88 s.

[1] Основное сочинение Тойнби – 12-томный труд «Исследование истории» (1934-1961 гг.), в котором анализируются процессы возникновения, роста, надлома и распада цивилизаций. В России в 1991 г. впервые вышел дайджест этого сочинения – «Постижение истории», составленный отечественными исследователями. К настоящему времени изданы новые переводы сокращенного варианта многотомного труда (сборники «Постижение истории» и «Цивилизация перед судом истории». – М.: Рольф, 2001-2002; Исследование истории: в 3-х т. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006).

УДК 327

Егоров В.Г.[1], Абрамова Ю.А.[2]
[1]Московский государственный областной университет
[2]Московский государственный индустриальный университет

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И ОБРАЗОВАНИЕ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена зарождению Потсдамской геополитической системы. Авторы показывают стремление западноевропейских держав создать наднациональную систему финансового интернационала и разъясняют причины недовольства Запада процессом превращения Советского Союза в сверхдержаву. В статье предпринята попытка раскрыть цивилизационный код СССР/России и доказать невозможность ее дальнейшего существования в проамериканском фарватере.
Ключевые слова: Вторая мировая война, послевоенные международные отношения, новая геополитическая система, цивилизационный код СССР, западноцентричный порядок, «холодная война».

V. Egorov[1], Yu. Abramova[2]
[1]Moscow State Regional University
[2]Moscow State Industrial University

GREAT VICTORY AND THE FORMATION OF A NEW GEOPOLITICAL SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the birth of Potsdam geopolitical system. The authors show the Western powers efforts to create a supranational system of financial internationals and explain the reasons for the discontent of the West with the process of turning the Soviet Union into a superpower. The article is an attempt to reveal the civilizational code of the USSR / Russia and to prove the impossibility of its further existence of the pro-American fairway.
Key words: World War II, postwar international relations, new geopolitical system, civilizational code of the USSR, western oriented order, "cold war".

После Второй мировой войны ситуация в мире кардинальным образом изменилась. Помимо прежних факторов, влиявших на мировой порядок, появился новый вектор развития международных отношений – новая расстановка сил, сложившаяся в результате Второй мировой войны.

СССР, как страна-победительница, завоевала статус сверхдержавы, что вполне предсказуемо вызвало противодействие Запада. Цивилизационный код СССР не вписывался в формирующийся западный универсум.

Партнеры по антигитлеровской коалиции никогда не доверяли друг другу. Это было результатом не столько идеологических разногласий, сколько «цивилизационного разлома».

Прежние геополитические системы (Вестфальская, Венская и Версальская) имели свою специфику, которая позволяла всей конструкции быть бо-

© Егоров В.Г., Абрамова Ю.А., 2015.

лее прочной и закрепить сложившуюся геополитическую реальность. Так, Вестфальская система стала итогом вступления планетарной цивилизации в эпоху буржуазного порядка. В национальных государствах элита контролировала ренту и ресурсы суверенных территорий.

Венский конгресс закрепил колониальный раздел мира. Материальной силой, создавшей Венскую систему, стал национальный капитал, стремившийся упрочить свой функционал за счет расширения рынков. Версальская международная архитектура, ставшая самой недолговечной, воплотила в себе неудачную попытку перераспределить мировые ресурсы между неравномерно развивающимися лидерами капитализма.

По сути, можно говорить о появлении финансового интернационала. Известный историк А. Тойнби в 1931 г. в Копенгагене заявил: «В настоящее время мы сотрудничаем со всеми, кто может заставить национальные государства нашего мира забыть о загадочной силе, называемой суверенитетом. И мы постоянно отрицаем то, что делаем в действительности» [12, с. 44].

Лидер британских лейбористов на съезде партии в 1934 г. повторил основную мысль А. Тойнби: «Мы сознательно ставим верность мировому порядку выше верности собственной стране» [12, с. 23].

Стали появляться структуры, направленные на достижение амбиций финансовых групп. Например, в 1921 г. в США был создан Совет по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*, CFR) – частная американская организация, занимающаяся международными связями, издающая один из самых авторитетных журналов в вопросах внешней политики – Фоорин афферс («Foreign Affairs») и финансируемая компанией, связанной с Ротшильдами.

Победивший войну Советский Союз явно не вписывался в тренд, продавливаемый мировой финансовой олигархией. Цивилизационная идентичность России и Советского Союза, не дающая оснований для перспективы встраивания в западноцентричный порядок, всегда препятствовала их геополитической интеграции в формате, определяемом трансатлантическим сообществом.

Российский этнос, в какой бы идеологической оболочке он не находился, был трансцендентным в системе западных ценностей. Западное мировоззрение основано на незыблемом приоритете индивидуального над коллективным, ограниченно-осязаемом альтруизме, процедурно-минималистской демократии [16, с. 242, 269, 284].

Российская идентичность вырабатывает особый архетип мировосприятия, основанный на общинности, поглощающей индивидуализм, и очерченный не замкнутым пространством, а границами «Большого русского мира», цементированного скрепами «народности».

В России сложилась многовековая традиция отношения к власти, точнее, ее лидеру как к носителю «высшей истины», гаранту общественного блага. В отличие от господствующего на Западе институционального представления о власти как результате свободного выбора граждан,

Обладая значительными естественными и культурными ресурсами, Российская империя, а затем и СССР объективно несли в себе нежелательный

для Запада потенциал Центра континентального мира. Тем более, что в западном общественно-политическом сообществе уже сложилось представление о важной роли Евразийского континента в достижении мирового господства. Директор Лондонской Экономической Школы Хэлфорд Джон Маккиндер (1861–1947 гг.) обосновал «срединное» центральное положение Евразийского континента в архитектуре планетарной цивилизации.

Следует также помнить, что возможность имплементации российской державности и международного статуса всегда усиливалась цивилизационным мессианством: до октября 1917 г. добровольным обязательством освобождения и защиты славянских народов, поддержкой угнетенных капиталом. Победа в войне против «коричневой чумы» многократно усилила притягательную силу российской цивилизации.

Уже при создании Венской геополитической системы западные страны, в том числе те, что восстановили свой суверенитет благодаря победе России над Наполеоном, стремились к закулисным договоренностям, направленным против ее утверждения в качестве центра континентального мира. Позиция объединенного противодействия положению России, претендовавшей на роль европейской сверхдержавы, привела христианские Францию и Англию к союзу с исламской Турцией. Моральное и военное поражение России в Крымской войне было направлено на деривацию ее миссии по охранению славянского и русского мира.

Российский «колониализм» принципиально отличался от западноевропейского и был «комплиментарным», «цивилизаторским», «внутренним». Американский исследователь А. Эткинд заметил, что включение в состав Российской империи новых территорий оборачивалось значительно более интенсивным противоположным потоком освоения метрополии колониями [17, с. 52]. В результате обоюдонаправленных хозяйственно-культурных векторов формировалось уникальное качество цивилизации, отличающееся от американского «плавильного котла» или универсализирующего европейского мультикультурализма.

Несмотря на нарастающее противостояние с Западом, России удавалось иногда за счет использования противоречий между «континентальными» и «океанскими» державами, внутриконтинентальных разногласий обеспечить самобытное развитие, оставаясь важным «игроком» мировой политики.

Однако тенденция интеграции трансатлантического единства в противоборстве с незападной Россией усиливалась и проявлялась в качестве важнейшего геополитического фактора. Можно с уверенностью утверждать, что если бы условия Версальского мира не были столь «беспримерными по беспощадности к побежденным», конфигурация противоборствующих блоков не сложилась бы так противоестественно с точки зрения сохранения единства Запада.

Архитекторы порядка, установленного после Первой мировой войны, сами заложили «мину замедленного действия» под шаткое здание европейского мира. Немецкая нация, консолидированная гитлеровской идеей реванша, была нацелена на пересмотр унизительных условий Версаля. Раз-

вязав войну, Гитлер был обречен не только направить свой главный удар против «ненавистного коммунистического режима», но и «переиграть» с европейскими конкурентами проигранную военную кампанию начала XX столетия.

Шведский ученый-географ Юхан Чаплен (1864–1922 гг.) еще задолго до начала Второй мировой войны предсказал направления перестройки европейского мироустройства. В своей книге «Великие державы» крайне правый мыслитель предлагал проект «срединной Европы», в результате осуществления которого должен был сложиться Центрально-Европейский комплекс под эгидой Германии, охватывающий все страны, расположенные между Атлантическим океаном, Балтикой, Персидским заливом и Адриатическим морем. Проект объединенной Европы в контексте интеграции антироссийского единства, несмотря на разногласия с великими державами, обусловленными Версалем, начиная с 1942 г., разрабатывался политиками Третьего рейха. В 1944 г., по инициативе шефа внешней разведки (СД) в. Шелленберга, командованием СС был принят документ «Идея мира для Европы 1944/1945 (Die europache Friedenside 1944/1945)», который гласил: «Германия ведет войну ради создания Европейской конфедерации как ассоциативного и социалистического сообщества народов Европы» [3, с. 20]. Разъясняя этот документ в советском плену, обергруппенфюрер СС Р. Гильдебрандт отметил, что предполагался «…отказ от всякой претензии на немецкое господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа», а также «…создание Соединенных Государств Европы на основе равенства прав всех вошедших в них народов. Подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели» [4, с. 111-112].

Весной 1945 г. рейхсфюрер СС Гиммлер по нелегальным каналам передал этот документ генералу де Голлю, возглавлявшему французское Сопротивление, указав «тех людей в Рейхе, которые готовы повести Германию по новому пути». Таким политиком стал канцлер ФРГ К. Аденауэр, который вместе с де Голлем подписал Елисейский договор (1963 г.), заложивший фундамент франко-германской интеграции.

Противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции нарастали по мере сужения коридора, разделявшего их вооруженные силы в Европе. Последняя встреча глав союзных государств, демонстрировавшая единство взглядов на послевоенное мироустройство, состоялась в Ялте с 4 по 11 февраля 1945 г.

Глава советского правительства И.В. Сталин согласился с планами президента США Ф. Рузвельта о создании Организации Объединенных Наций и предложением премьер-министра Великобритании У. Черчилля относительно предоставления Франции зоны в оккупированной Германии. Лидеры западных стран одобрили советское видение устройства послевоенной Польши, кроме западных границ, и согласились на выплату Германией репараций Советскому Союзу в натуральном виде, приветствовали обещания И.В. Сталина о вступлении СССР в войну с Японией в течение трех месяцев после окончательной победы на Западном фронте.

Специальный советник президента США Г. Гопкинс по поводу ялтинской встречи отзывался с большим энтузиазмом: «Мы действительно верили в душе, что это рассвет нового дня, о наступлении которого молились… Русские доказали, что могут быть разумными и дальновидными. У президента и у всех нас не было сомнений, что мы всегда в обозримом будущем сможем с ними жить мирно и сохранять хорошие отношения». В сообщении Военному кабинету 19 февраля 1945 г. У. Черчилль говорил о твердой уверенности, что Россия стремится к согласию с обеими англоязычными демократическими странами. «Премьер Сталин – человек могущественный, которому он вполне доверяет» [10, с. 538].

Сторонник сохранения единства великих держав после разгрома гитлеровской Германии Ф. Рузвельт высоко оценивал договоренность о создании Организации Объединенных Наций. В своей последней речи перед Объединенной сессией Конгресса 1 марта 1945 г. он заявил: «Мир, который мы строим, не может быть американским или британским миром, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместных усилиях всех стран... Конференция в Крыму была поворотным пунктом, я надеюсь, в нашей истории так же, как и в истории всего мира. Вскоре сенату Соединенных Штатов и всему американскому народу будут представлены для ратификации ее великие решения, которые определят судьбу Соединенных Штатов и всего мира на период жизни будущих поколений...

Ни один план не является совершенным... В то, что будет одобрено в Сан-Франциско (Рузвельт имел в виду предстоящую конференцию Организации Объединенных Наций, которая должна была утвердить ее устав. – В.Е.), несомненно, время от времени будут вноситься изменения, как было с нашей собственной Конституцией... Крымская конференция... призвана обозначить конец системы односторонних действий, замкнутых блоков, сфер влияния, баланса сил и всех других подобных же методов, которые использовались веками и всегда безуспешно. Мы предлагаем поставить на их место всемирную организацию, которая, в конечном счете, объединила бы все миролюбивые нации» [2, с. 301, 350].

Однако вопреки усилиям рузвельтовской администрации, в США крепло лобби жесткого курса в отношении СССР, поддерживаемое военно-промышленными кругами и финансистами, для которых мирная перестройка обернулась бы большими потерями в прибыли. О росте настроений в духе Pax Americana в телеграмме от 17 октября 1944 года предупреждал советский посол А.А. Громыко. По его мнению, враждебные Советскому Союзу настроения усиливаются и составляют «солидную величину» [8, с. 240].

Позитивный ялтинский настрой союзников был основан на уверенности в том, что СССР, разгромив Германию, отступит в пределы собственных границ или, по крайней мере, границ 1941 г. [2, с. 289], предоставив западному миру самостоятельно решать судьбу послевоенного пространства. Эта уверенность стала быстро убывать по мере проявления намерений главного победителя нацизма создать вокруг

своих границ геополитическую зону безопасности в виде дружественных государств. Безусловно, дружественными могли быть только коммунистически ориентированные режимы. При этом насаждение коммунистической идеологии странам послевоенного мира не являлось целью советского руководства. Английский исследователь А. Тейлор пишет по этому поводу: «Русские не стремились властвовать, не хотели распространять коммунизм. Они желали безопасности, и лишь коммунисты или их попутчики могли ее обеспечить» [10, с. 359].

На Потсдамской конференции глав правительств СССР, Англии и США (17 июля – 2 августа 1945 г.) с целью демилитаризации и искоренения нацизма в Германии был создан Контрольный Совет, состоявший из главнокомандующих союзных государств. Однако в силу нарастающих противоречий на конференции не удалось достичь договоренностей по основным вопросам послевоенного европейского порядка. Достижению долгосрочных соглашений препятствовали две неразрешимых проблемы: границы между Польшей и Германией и репараций в пользу СССР. Отсутствие договоренности относительно количественных параметров репараций привело к тому, что США, начавшие субсидировать западные зоны Германии, отказались договариваться по этому вопросу. Западные союзники не признавали передачу СССР Польше территорий к востоку от Одера и западнее Нейсе, за исключением присоединенной части Восточной Пруссии, вошедшей в его состав. До 1973 г. германо-польская граница существовала только де-факто и только в этом году была признана де-юре.

Контрольный Совет, деятельность которого сопряжена с возрастающими противоречиями, в марте 1948 г. фактически прекратил существование.

В нарушение достигнутых договоренностей и в ответ на активные усилия СССР по созданию «пояса безопасности» и инициированию коммунистических движений в странах, где присутствовали советские войска, западные державы осуществили слияние американской, английской, а затем и французской оккупационных зон. 8 мая 1949 г. Парламентский Совет, состоящий из представителей Ландтагов западных оккупационных зон Германии и Западного Берлина, принял Конституцию Федеративной Республики Германия (ФРГ). 23 мая она была опубликована и вступила в силу. 7 сентября на совместном заседании обеих палат парламента она была утверждена, а также были избраны президент страны Т. Хейс (СВДП) и первый канцлер К. Аденауэр.

Ответным шагом в эскалации противоречий между Западом и формирующейся послевоенной коалицией под эгидой СССР стало принятие 7 октября 1949 г. Немецким Национальным Советом своей Конституции и провозглашение создания Германской Демократической Республики (ГДР) в зоне советской оккупации. 12 октября было сформировано Временное правительство ГДР во главе с О. Гротеволем.

Несмотря на начавшиеся сразу после окончания войны противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции, конструктивный дух Ялты в первые послевоенные годы продолжал оказывать влияние на формирование системы миротворчества. Идея устойчивого послево-

енного миропорядка была заложена в Уставе ООН, принятом 26 июня 1946 г. участниками конференции в Сан-Франциско. Стремление к сотрудничеству проявилось в работе Совета министров иностранных дел на сессиях в Лондоне (1945 г.), Париже (1946 г.) и совещании министров иностранных дел в Москве (1945 г.), созданного для подготовки проектов мирных договоров. Однако уже на Парижской мирной конференции (1946 г.) проявилось откровенное желание США доминировать в вопросах мирного урегулирования.

Было бы неверным полагать, что послевоенное урегулирование лежало исключительно в политической плоскости, расколовшейся на две зоны геополитического влияния. Источник противоречий, разделивших мир, лежал значительно глубже внешних проявлений политических столкновений бывших союзников. Даже А. Гитлер, находясь у последней черты, прозрев, в своем политическом завещании указал на силу, латентно управляющую войной – «интернациональных финансовых и промышленных заговорщиков»[1].

Бесперспективность усилий Запада, направленных на подчинение мирового пространства интересам финансового капитала и выстроенной под его доминирование Бреттон-Вудской системе (1944 г.) (Bretton Woods system), встретивших противодействие со стороны незападного Советского Союза, определила направления силовых геополитических линий, сформировавших биполярный миропорядок.

Уже в конце мая 1945 г., когда стали очевидными противоречия бывших союзников по антигитлеровской коалиции относительно послевоенного мира, премьер-министр Великобритании У. Черчилль дал задание Объединенному штабу планирования о подготовке операции «Немыслимое» («OperationUnthinkable»), предполагавшей нанесение удара по Советской армии с оккупации Восточной Европы. В помощь британо-американским войскам при осуществлении агрессии планировалось направить десять дивизий вермахта [15, с. 30]. Однако Британский Объединенный комитет начальников штабов, изучив предложение У. Черчилля, пришел к выводу о том, что «начиная войну с русскими, необходимо быть готовым к длительной и дорогостоящей тотальной войне…», «численный перевес русских на суше делает крайне сомнительным возможность достижения ограниченного и быстрого (военного) успеха». Вместо наступательного плана англичане подготовили оборонительный план с таким же названием»: «Немыслимое».

Однако общественность США, окончательно не преодолевшая антианглийские настроения, не была готова поддержать жесткий антисоветской курс британского истеблишмента.

В опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 30 мая 1945 г. статье военный обозреватель Х. Болдуин писал: «Многим американцам, возможно, покажется странным, что Россия, с ее многочисленным населением и громадной территорией может беспокоится о своей безопасности в военном отношении. Но Россия, так же как и Соединенные Штаты, желает, чтобы война была подальше от ее границ, поскольку, начиная с 1800 года ее территория

[1] Политическое завещание А. Гитлера. 29 апреля 1945 г. [18, с. 230].

не раз подвергалась опустошительным нашествиям. Так что и создание в Восточной Европе государств, находящихся под влиянием России, продиктовано соображениями безопасности России».

Такая позиция присутствовала и в официальных кругах Америки. Государственный секретарь Дж. Брикс 21 октября 1945 г. заявил: «Соединенные Штаты никогда не присоединятся к блоку какой-либо группы европейских держав, враждебных России. Мы с симпатией наблюдаем за усилиями, который прилагает Советской Союз для установления более близких и дружественных отношений со своими соседями в Центральной и Восточной Европе. Мы полностью признаем его особые интересы в этих странах с точки зрения безопасности… Мы ценим решимость русского народа никогда не допустить в этих странах политики, преднамеренно направленной против безопасности Советского Союза» [1, с. 234-307].

С целью склонить американцев к открытому противостоянию с СССР У. Черчилль, уже в качестве представителя оппозиции в Британском парламенте, посетил США и произнес свою историческую речь в Фултоне (5 марта 1946 г.), которую Б. Шоу охарактеризовал «равносильной неофициальному объявлению войны России» и закладывающей «основы предстоящей войны».

В своей речи У. Черчилль призвал США, пользуясь своим могуществом, выполнить «гуманную миссию», взяв на себя «ответственность за будущее». В реализации исторической миссии Америка должна опереться на «братское объединение» народов, говорящих на английском языке, и установление «особых отношений между правительствами Британской империи и Соединенных Штатов». По его мнению, эти «особые отношения» должны были дойти до «полного слияния англосаксонского мира».

Если отбросить политическую риторику и обязательные при публичном выступлении реверансы в сторону неукоснительного соблюдения принципов ООН, отказа от посягательств на чужие территории и богатства и от тотального контроля над собственными гражданами; а также уважения мужества и вклада СССР в Победу во Второй мировой войне, то У. Черчилль в рамках «слияния англосаксонского мира» предложил отказаться от изжившей себя, с его точки зрения, доктрины политического равновесия между государствами. По его мнению, нормальные отношения с Россией и, как следствие, гарантированная безопасность человечества, возможны только с помощью «мускул мира», т.е. всей мощи англоязычных стран и их союзников [14, с. 364-382].

В изменении официального курса Вашингтона решающую роль сыграли нефтяные тресты США, заключившие 26 декабря 1946 г. соглашение с английскими партнерами, открывавшие путь к освоению нефти Среднего Востока. Нефтяные магнаты развернули в стране бурную кампанию, охватившую Белый дом, государственный департамент и Пентагон, чтобы навязать президенту Г. Трумэну решение об «антикоммунистической линии США».

С речью, знаменовавшей поворот во внешней политике Америки, Г. Трумэн выступил в Конгрессе 11 марта 1947 г. В своих мемуарах он писал: «Эта речь

была ответом Америки на волну экспансии коммунистической тирании, и я хотел, чтобы он был недвусмысленным. Надо было, чтобы речь была ясной, свободной от всяких колебаний и задних мыслей». С целью «противостоять» ей, он рекомендовал «Конгрессу действовать немедленно», а так же определить «перед всем миром позицию, которую Соединенные Штаты намерены занять перед лицом вызова, брошенного новым тоталитаризмом» [1, с. 258].

Обнародованная «Доктрина Трумэна» знаменовала поворот внешней политики США в сторону жесткого противостояния расширяющемуся влиянию СССР. Вдохновитель англосаксонского единства У. Черчилль обратился в 1947 г. к сенатору-республиканцу С. Бриджесу с просьбой убедить Г. Трумэна нанести ядерный удар по СССР.

16 апреля в ходе дебатов в Конгрессе советник Б. Барух, характеризуя советско-американское соперничество в политической, экономической и пропагандистской областях, впервые применил метафору «холодная война». Термин, хорошо раскрывающий содержание отношений формирующихся полюсов мира, надолго вошел в общественно-политический лексикон.

Существенным фактором, повлиявшим на разворот западного политического вектора в сторону конфронтации с Советском Союзом, стало нарастающее в странах Запада коммунистическое движение. Под знаком борьбы с «подрывной деятельностью коммунистов» была инициирована кампания против коммунистических партий, которых представляли в качестве «агентов Москвы». В 1947 году коммунистов удалили из правительства Франции и Италии, Англия и США наложили запрет на замещение коммунистами должностей в армии и госаппарате, ФРГ запретила компартию.

Для укрепления влияния США среди стран западного сообщества 5 мая 1947 г. госсекретарь США Дж. Маршалл заявил о намерении оказать помощь для восстановления Европы («План Маршалла»). План предусматривал оказание помощи по восстановлению экономики европейских стран на условиях, предложенных американской стороной, включая согласование политической позиции. По сути, реализация плана расширяла конкретные возможности американского капитала в Европе.

Созидание послевоенного мира вопреки принципам, объединяющим союзников в годы войны, стало осуществляться на блоковой основе. В европейской «оси» трансатлантической интеграции значительное место отводилось поверженной Германии. Подписанный 21 мая 1949 г. тайный договор, так называемый канцлер-акт, ставил внутреннюю и внешнюю политику ФРГ в зависимость от Вашингтона. Срок действия договора предусматривал подчиненное положение немецкой политики вплоть до 2099 года [19]. Осуществление «панъевропейского» проекта, как части биполярной архитектуры, было возложено на созданный в 1949 г., по инициативе У. Черчилля, Совет Европы. В качестве цели европейского единства провозглашалось «достижение большего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу» [11].

С конца 1940-х гг. противостояние консолидированных геополитических образований вступило в острую фазу, продолжавшуюся на всем протяжении «холодной войны». Первым планом на случай войны против СССР и его союзников был «Тоталити» («Totality»), разработанный в конце 1945 г. при американском президенте Г. Трумэне в штабе генерала Д. Эйзенхауэра и предусматривавший сброс 20-30 атомных бомб на 20 советских городов [21, с. 30-31].

В 1946 г. появился план «Пинчер» («Peancer»), в соответствии с которым предусматривалось нанесение по СССР атомного удара с применением уже 50 атомных бомб по семи жизненно важным районам Советского Союза [5].

1948 г. ознаменовался появлением значительного количества планов войны с СССР. Если план «Пинчер» ставил своей целью ограниченное разрушение военного потенциала СССР, то план «Бройлер» («Broiler») предусматривал «освобождение» Восточной Европы и капитуляцию Советского Союза [6]. Из-за Берлинского кризиса 1948-49 гг. он был трансформирован в план «Фролик» («Frolic»), по которому намечалось проведение воздушного нападения на СССР с американских бомбардировщиков с авиабаз Великобритании, Пакистана, Индии и о. Окинава [5].

Также в действие вступил план «Чариотир» («Charioteer»), согласно которому за 3 года на Советский Союз планировалось сбросить 270 атомных бомб. В том же году был создан план «Флитвуд» («Fleetwood»). Предполагалось, что война начнется до 1 апреля 1949 года, а «атомные бомбы будут использоваться в масштабах, которые будут сочтены целесообразными». Следующий план «Тройал» отличался от предыдущего тем, что определял дату начала войны – 1 января 1950 г. [7].

По плану «Сиззл» («Sizzle») 1948 г. планировалось применить 133 ядерных авиабомбы по 70 городам СССР (8 по Москве и 7 по Ленинграду). В случае, если война продлилась бы около двух лет, то, по расчетам Пентагона ВПК, США изготовил бы приблизительно 200 атомных бомб, которые уничтожили бы 40% советской промышленности и 7 млн. советских людей [5].

В 1949 г. в США разработали, пожалуй, самый известный план «Дропшот» («Dropshot»), согласно которому предполагалось на первом этапе бомбардировка 100 советских городов 300 атомными (по 50 килотонн) и обычными бомбами общим весом 200 тыс. тонн, из них 25 атомных бомб предназначались для уничтожения Москвы, 22 – Ленинграда, 10 – Свердловска, 8 – Киева, 5 – Днепропетровска, 2 – Львова и т.д. Планом предусматривалось уничтожение до 100 млн. мирных жителей. Начало боевых действий было запланировано на 1 января 1957 г. [20].

К сожалению, «Дропшот» не был последним. В 1950 г. был разработан и утвержден план «Шейкдаун» («Shakedown»), предусматривавший нанесение ядерных ударов 220 атомными бомбами по 104 городам СССР (20 бомб по районам Москвы и Горького и 12 по Ленинграду) [5]; а в 1960 г. – «СИОП-62», предусматривавший ядерный удар по 3423 целям на территории СССР [9].

В 1948 г. Англия, Франция и страны Бенилюкса подписали Брюссельский договор о коллективной системе

обороны сроком на 50 лет. Создание регионального военно-политического блока шло вразрез с принципами международной коллективной безопасности, провозглашенными в Ялте и Потсдаме. Следующим шагом на пути оформления блоковой организации стало подписание 4 апреля 1949 года в Вашингтоне правительствами Англии, Бельгии, Дании, Исландии, Италии, Канады, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, США и Франции Североатлантического договора. Позднее в НАТО были включены Греция, Турция и Западная Германия.

К концу 1940-х гг. противоположный западному сообществу социалистический лагерь сформировал собственные институты экономического и военно-политического сотрудничества. В 1949 г. был образован Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Учредителями вновь созданного международного объединения были Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. Позже к ним присоединились Албания, Германская Демократическая Республика.

В ответ на ремилитаризацию Западной Германии и ее прием в НАТО в 1955 г. Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Советский Союз, Чехословакия подписали Варшавский Договор о военно-политическом взаимодействии. В результате изменения послевоенной геополитической ситуации, роста международного влияния Советскому Союзу удалось осуществить историческую задачу формирования вокруг цивилизационного «ядра» геополитического континентального блока, ставшего на долгие годы гарантией стабильности в Европе и безопасности страны.

Геополитический ландшафт планеты освободился от «коричневой чумы», а мир приобрел, пусть и не окончательно сложившийся, но все же иммунитет к фашизму и экстремизму.

Планетарная цивилизация обрела важный инструмент внеблокового миростроительства – Организацию Объединенных Наций. При всем несовершенстве этого механизма его роль в формировании порядка на основе всестороннего учета интересов всех субъектов международных отношений, предотвращении новой глобальной войны, преодолении бедности и нищеты на планете трудно переоценить.

В то же время направляемое разнополярными векторами политических сил послевоенное геополитическое пространство из многополярного трансформировалось в биполярное, разделенное на два противоборствующих лагеря: СССР и его союзники, с одной стороны, и Трансатлантическое сообщество – с другой.

Применение к их характеристики англо-саксонских академических паттернов об океанической и континентальной конфигурациях геополитических предпочтений лишь отчасти отражало сущностные качества сложившихся лагерей мировой силы.

Стремящийся адаптировать геополитические концепты к послевоенной политической реальности, С. Хантингтон писал о том, что «во время “холодной войны” глобальная политика стала биполярной, а мир был разделен на три части. Группа наиболее процветающих и могущественных держав, ведомая Соединенными Штатами, была втянута в широкомасштабное идеологическое, экономическое и временами военное противостояние группе небо-

гатых коммунистических стран, сплоченных и ведомых Советским Союзом. Этот конфликт, в значительной степени, проявлялся за пределами двух лагерей – в третьем мире» [13, с. 14-15].

В результате Второй мировой войны сложилось консолидированное Трансатлантическое сообщество, агрессивно навязывающее универсальную модель миропространства, продиктованную интересами финансового капитала. Впервые военно-политический и экономический центр западного мира переместился из Западной Европы в Северную Америку.

СССР, естественно доминируя на Евразийском континенте, обеспечивал порой ценой больших материальных и военных затрат функциональное пространство, не адаптированное к западной универсализации. Заложенный цивилизационный потенциал, не смотря на усилия западных партнеров, способствует сохранению социокультурной идентичности в постсоветскую эпоху.

Геополитический дискурс, безусловно, присутствовал в выработке послевоенной западной стратегии. Его содержание выразил президент США Г. Трумэн: «Метод геополитической картографии, который описывает международный ландшафт общедоступными терминами, подготавливая таким образом почву для сложной стратегии сдерживания, каковой суждено вскоре появиться. Мировоззрения и каузальные теории являются неотъемлемыми ориентирами международной политики» [13, с. 26].

Сдерживание Советского Союза являлось главной задачей американской геополитики. К моменту актуализации этой задачи в Америке уже существовала подходящая, с точки зрения проблем текущего момента, теория, созданная Н. Спайкменом (1893–1943 гг.), возглавлявшим Институт международных отношений в Йельском университете. В книгах «Стратегия Америки в мировой политике» (1942 г.) и «География мира» (1944 г.) Н. Спайкмен обосновал собственное видение геополитической формулы глобальной безопасности США, существо которой, по его мнению, заключалось в «интегрированном контроле над территорией» для достижения мирового господства. Геополитическая концепция Спайкмена определялась метафорой «хартлендримленд». В отличие от концепции Макксиндера, упор в достижении господства сделан не на «хартленд» (Евразийский континент, который находился под контролем СССР), а «римленд» (rim – дуга, обод), т.е. зону, соответствующую географическому «внутреннему полумесяцу» или «материковой кайме», опоясывающей «хартленд».

Гигантская территория «римленда» охватывала морские страны Европы, Ближний и Средний Восток, Индию, Юго-Восточную Азию и Китай и являлась, в представлении Спайкмена, зоной противостояния между океаническим гегемоном США и доминантной континентальной державой – СССР.

Одним из влиятельных политиков, направивших теоретические построения Спайкмена в практическое русло внешней политики, стал советник-посланник посольства США в Москве (1946 г.) Дж. Кеннан. В «Длинной телеграмме» Дж. Кеннан изложил направления реализации «политики сдерживания» в отношении Советского Союза. Полагая, что советское руководство «крайне чувствительно к до-

водам силы», он тем не менее не считал войну неизбежным средством ведения диалога. В ядерном оружии он видел не инструмент решения конфликтных ситуаций, а механизм «сдерживания», не применимый в реальной войне. Геостратегический курс в отношении СССР, по мнению Дж. Кеннана, должен заключаться в его политической и экономической изоляции. В связи с реализацией изоляционистских планов Дж. Кеннан уделял большое значение плану Маршалла, направленному на возрождение экономического потенциала западных партнеров США и Японии. Практическое воплощение стратегии сдерживания реализовалось в создании условий военной, политической, финансовой зависимости партнеров от США, военного присутствия Америки в регионах, непосредственно примыкающих к геополитической зоне влияния СССР, и создании атмосферы неприятия экономических и культурных отношений со странами, входящими в противоположный лагерь.

Политическая конкуренция противоборствующих центров мировой силы создала условия для крушения колониальной системы. В 1945 г. колонии занимали площадь в 38,5 млн. кв. км с населением 871, 5 млн. чел., а уже в 1960 г. площадь колониальных владений сократилась до 13,2 млн. кв. км с населением 82,4 млн. чел. [18, с. 360].

Суверенное существование стран «третьего мира» заложило основу многополярной планетарной цивилизации, черты которой все отчетливее проявляются в современной архитектуре мироустройства. Однако СССР и России с ее цивилизационным кодом сложно, скорее – невозможно, вписаться в вектор развития Запада и систему его ценностей. Агрессивное стремление западной цивилизации к всеохватному поглощению всего и вся является деструктивным элементом настоящего и будущего мирового пространства.

Тем не менее активная борьба за многополярность планетарной цивилизации России и других «несогласных» с западноцентричным порядком стран вселяет надежду на будущее.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дзелепи Э. Секрет Черчилля (К Третьей мировой войне – 1945…) / Пер. с франц. Н. Яковлева. Предисловие В.И. Антюхиной-Московченко. М.: Прогресс. Редакция литературы по истории, 1975. 307 с.
2. Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М.: Мысль, 1988. 350 с.
3. Павленко В., Штоль В. Проект «Глобализация: роль и место во всемирно-историческом процессе» // Обозреватель – Observer. 2013. № 5. С. 5-28.
4. Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя / Пер. с фр. В. Карпеца. СПб.: Амфора, 2006. 447 с.
5. Перов Я. Пентагон: ставка на победу в ядерной войне (История и современность) // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 5. С. 7-13; то же: [сайт]. – URL: http://pentagonus.ru/publ/pentagon_stavka_na_pobedu_v_jadernoj_vojne/19-1-0-1290 (дата обращения: 3.03.2015).
6. План «Пинчер» // Институт социально-политических исследований [сайт]. URL: http://ispr.ru/voennaya-politika-ssha/plan-pincher.html (дата обращения: 2.12.2014).
7. Планы ядерного нападения на Советский Союз // Hakuna Matata [сайт]. URL: http://drsoft.ucoz.ru/publ/4-1-0-10 (дата обращения: 1.03.2015).
8. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны,

1941-1945: Документы и материалы / М-во иностр. дел СССР. В 2-х т. Т. 2. 1944-1945. М.: Политиздат, 1984. 575 с, ил.
9. США: планы ядерного нападения на Советский Союз // Семейные истории [сайт]. URL: http://www.famhist.ru/famhist/chertok/00117c76.htm (дата обращения: 2.02.2015).
10. Тейлор А. Вторая мировая война // Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 375-555.
11. Устав Совета Европы (ст. 1 п.а.) // URL: www.conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/001.htm (дата обращения: 03.02.2014).
12. Хаггер Н. Синдикат. История грядущего мирового правительства. М.: Столица-принт, 2007. 768 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. под общей редакцией К. Королева. Послесловие С. Переслегина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603, [5] с.
14. Черчилль У. Как я воевал с Россией / Перев. М. Минц и В. Чухно, с англ. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 384 с. Проект «АнтиРоссия».
15. Штоль В. Россия: многообразие цивилизаций и собственная цивилизационная проектность // Обозреватель – Observer. 2011. № 6. С. 17-32.
16. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия / Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с. (Экон. наследие).
17. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
18. Якобсен Г.-А. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 7-374.
19. Bates D. Winston Churchill's bid to nuke Russia to win Cold War-uncovered I secret FBI files // Mail Online [сайт]. URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2826980/Winston-Churchill-s-bid-nuke-Russia-win-Cold-War-uncovered-secret-FBI-files.html. (дата обращения: 01.12.2014).
20. Brown A. Dropshot: the United States plan for war with the Soviet Union in 1957. NY 1978 // All world wars [сайт]. URL: http://www.allworldwars.com/Dropshot%20-%20American%20Plan%20for%20War%20with%20the%20Soviet%20Union%201957.html (дата обращения: 03.02.2015).
21. Kaku M., Axelrod D. To Win a Nuclear War: The Pentagon's Secret War Plans. Boston, South End Press, 1987, 228 p.

УДК 355:94"1939/1945"

Штоль В.В.
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

ЯЛТА – ПОТСДАМ … ЧТО ЖДЁТ МИР ДАЛЬШЕ?

Аннотация. В статье рассмотрены значение Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и причины возникновения «холодной войны». Автор доказывает, что противостояние Запада и России (как бы оно ни называлась) неизбежно, что связано с их цивилизационными различиями. В этом свете документы, подписанные в Ялте (февраль 1945 г.) и Потсдаме (июль–август 1945 г.) и отражающие вклад СССР в победу над фашизмом, являются логическим продолжением традиционной, на протяжении веков, российской политики по защите своих рубежей и сохранению своей государственности.
Ключевые слова: Ялта – Потсдам, Вторая мировая война, Сталин, Рузвельт, Черчилль, Трумэн, СССР, Россия, США, Великобритания, Третий рейх, «холодная война».

V. Shtol
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow

YALTA – POTSDAM … WHAT WILL HAPPEN WITH THE WORLD NEXT?

Abstract. The article describes the importance of the Yalta-Potsdam system of international relations and the causes of the Cold War. The author argues that the confrontation between the West and Russia (no matter how it is called) is inevitable, due to their civilizational differences. From this point of view the documents signed in Yalta (February 1945) and Potsdam (July-August 1945) and reflecting+ the contribution of the Soviet Union in the victory over fascism are a logical extension of the traditional, long-term Russia's policy to protect its borders and preserve its statehood.
Key words: Yalta – Potsdam, World War II, Stalin, Roosevelt, Churchill, Truman, the Soviet Union, Russia, the US, the UK, the Third Reich, the Cold War.

Июль 1945 года. Пригород Берлина, Потсдам.

Идут переговоры между союзниками по антигитлеровской коалиции, подводится итог Второй мировой войны с учётом Ялтинских соглашений (от 4–11 февраля 1945 г.). Уже к концу войны весьма влиятельные круги в США и Великобритании были недовольны достигнутыми в Ялте договорённостями между И.В. Сталиным, Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем, считая их условия слишком большими уступками СССР, а себя – несколько ущемлёнными в части мирового лидерства, а именно в праве, как после Первой мировой войны, диктовать всем странам (как победителям, так и побеждённым) свои условия. Но в феврале 1945 г. во время

© Штоль В.В., 2015.

конференции в Крыму войска Советского Союза стояли у «ворот» Берлина, а англо-американские войска, застряв сначала в Нормандии, а потом – в Арденах, не имели весомых аргументов, чтобы диктовать свои условия на конференции, а ещё США необходимо было согласие Москвы на участие в военных действиях против Японии.

Кроме того, во время войны сложились весьма неординарные отношения между лидерами антигитлеровской коалиции. Несмотря на существовавшие противоречия, недоверие и разницу в мировоззрении и миропонимании между Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, судя по их переписке, было уважение друг к другу и чёткое представление, если процитировать У. Черчилля, что хуже плохого союзника может быть только война без союзников.

Теперь к Потсдаму. Климат на переговорах и расстановка сил несколько изменились; в США – новый президент Гарри Трумэн, а во время переговоров меняется и лидер Великобритании – премьер-министром становится Клемент Р. Эттли. Так что обстановка в Берлине совсем не та, что была в Тегеране и Ялте.

Итак, на переговорах два новых участника, не объединённых общим военным прошлым, а за спиной у них элита, не желающая уступать лидерство в мировых делах.

И всё-таки в потсдамских документах были закреплены предыдущие договорённости между СССР, Великобританией и США: страны Восточной Европы будут находиться в сфере влияния СССР, Австрия и Финляндия станут нейтральными, в Греции сохранится английское влияние, и через три месяца Советский Союз начнёт военные действия против Японии. Но, подписав соглашение в Потсдаме, судя по последующим событиям, англосаксонский Запад остался не удоволетворён: с одной стороны, у него была атомная бомба, взорванная накануне Потсдама в пустынной местности штата Нью-Мексико, но с другой – был высокий международный авторитет СССР, подкреплённый потенциалом частей Советской армии, расквартированных в Европе.

Г. Трумэн, сообщивший И.В. Сталину о первом успешном испытании атомного оружия, не понял его реакции: то ли Сталин не осознал, с чем столкнётся мир в ближайшее время, то ли всё знал и не показал виду, что понял серьёзность скрытой угрозы, исходящей от Запада.

Известно, что в СССР ядерной физикой весьма успешно занимались ещё в 30-е гг.

В 1942–1943 гг. в Москве уже знали, что Германия приостановила свои работы над атомным оружием, а Британия, ввиду финансовых и экономических трудностей, передала лидерство в атомной сфере США. В Кремле понимали, что атомное оружие будет весомым аргументом как для завершения войны, так и во взаимоотношениях с союзниками по антигитлеровской коалиции [4].

В 1943 г., после Сталинграда, академик И.В. Курчатов ознакомился с разведданными по разработке в Штатах атомной бомбы. Именно тогда перед его лабораторией были поставлены чёткие задачи и выделены, несмотря на сложности военного времени, необходимые ресурсы и кадры [9, с. 81].

Военные методы, конечно, действенны, но, как показала война Германии против СССР, могут и не достичь

поставленных целей. Именно поэтому в недрах американских спецслужб разрабатывались планы идеологической войны, подрывающие самую основу СССР, искажающие цивилизационный код как русских, так и других народов, населяющих страну. В середине 40-х гг. Алленом Даллесом были сформулированы принципы, взятые впоследствии на вооружение западными спецслужбами. «Окончится война, – писал он, – всё кое-как утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем... всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность... Литература, театры, кино – все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не будут нужны, превратятся в пережиток прошлого... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махровым цветом...

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит... Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем... опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это и сделаем» [2, с. 72–73].

Не остались в стороне и политики... Прошло всего несколько месяцев после окончания войны, а из рядов союзников звучат воинственные речи. 5 марта 1946 г. в Фултоне (штат Миссури) выступал У. Черчилль, в частности, он заявил: «...Никто не может сказать, чего можно ожидать в ближайшем будущем от Советской России… Нам понятно желание русских обезопасить свои западные границы и тем самым устранить возможность новой германской агрессии... Мы рады тому, что Россия заняла принадлежащее ей по праву место среди ведущих стран мира. Мы рады видеть её флаг на широких просторах морей... В то же время считаю своим долгом обратить ваше внимание на некоторые факты, дающие представление о нынешнем

положении в Европе... Коммунистические партии восточноевропейских государств, никогда не отличавшиеся многочисленностью, приобрели непомерно огромную роль в жизни своих стран... Во Франции и Италии, да и в других странах, где влияние коммунистов чрезвычайно ощутимо, коммунистические партии представляют из себя пятую колонну, растущий вызов и угрозу христианской цивилизации...

Обращаясь в годы войны с нашими русскими друзьями и союзниками, я пришёл к выводу, что больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную... Мы не должны допустить повторения подобной катастрофы (войны. – *Авт.*) и добиться этого сегодня, в 1946 году, возможно лишь путём налаживания нормальных отношений и всеобъемлющего взаимопонимания с Россией под эгидой Организации Объединённых Наций. Поддержание таких отношений... должно обеспечиваться не только авторитетом ООН, но и всей мощью США, Великобритании и других англоязычных стран и их союзников» [8, с. 480, 484, 487].

Итак, тон был задан, противник установлен, средства определены – это военный потенциал Запада, опирающийся, в том числе, на атомное оружие США.

Надо себе отдавать отчёт и о состоянии экономики СССР и США после Второй мировой войны, на какой промышленный потенциал мог бы рассчитывать военно-промышленный комплекс стран. Известно, что к Первой мировой войне валовой национальный продукт (ВНП) США составлял 33% от мирового, а после Второй – уже 50%. А вот Советский Союз хоть и победил, но в экономическом отношении мало чем отличался от Германии 1945 г. А по существу положение было значительно более тяжёлым. Это было связано с:

– огромными человеческими жертвами: около 22 млн человек [3, с. 229, 231, 252], что несопоставимо с потерями союзников по антигитлеровской коалиции [12];

– разрушениями практически до основания городов и сёл наиболее промышленно развитых и густонаселённых западной и центральной частей страны, оккупированных агрессором.

Военные действия по этой территории прокатились два раза в течение трёх лет: сначала с запада на восток, а потом обратно, при усилении партизанского движения и, как ответ – карательных операций оккупантов;

– уничтожением промышленности и её инфраструктуры.

В этих условиях после войны ВНП СССР, по разным оценкам, вряд ли достигал 5% от мирового, а стране надо было восстанавливать экономику, строить города и сёла, создавать атомную бомбу, не терять научно-технического потенциала, созданного за счёт мобилизационной экономики, не забывать о ненадёжных восточноевропейских демократиях, агрессивных планах бывших союзников и поддерживать статус великой державы-победительницы.

Задач и проблем было много, а ресурсы – весьма ограниченны.

Фултонское выступление У. Черчилля – это начало «холодной войны». В своей речи он объединил как бывших врагов, так и союзников, а в изгои негласно попали лишь непонятные русские, отвергавшие западные ценности и протестантско-католическую этику.

У. Черчилля поддержал и возглавивший Соединённые Штаты после смерти Ф.Д. Рузвельта 33-й президент Г. Трумэн, который отказался от политики сотрудничества с Советским Союзом, проводившейся его предшественником. 12 марта 1947 г. он обратился с посланием к американскому конгрессу об ассигновании 400 млн долл. на срочную военную помощь Греции и Турции, чтобы сохранить их в рамках «свободного мира». Послание опиралось в какой-то мере и на телеграммы американского поверенного в делах США в Москве Дж.Кеннана, утверждавшего, что СССР невосприимчив к «логике разума», но в высшей степени чувствителен к «логике силы» [22].

Обращаясь к конгрессменам, Трумэн заявил: «Свободные народы мира обращаются к нам за поддержкой для сохранения своих свобод. Если мы будем колебаться в нашем лидерстве, то можем поставить под угрозу мир во всём мире и, конечно, поставим под угрозу благополучие нашей собственной нации» [18].

В послании содержались положения, ставшие известными как «доктрина Трумэна». Одновременно «с доктриной Трумэна» правительство США провозгласило доктрину «сдерживания коммунизма».

Итак, в 1947 г. в американском политическом лексиконе появился термин «сдерживание», который стал наиболее чётким выражением политики США по отношению к Советскому Союзу. Диалог вёлся с кольтом и винчестером (в виде атомного оружия) наперевес. Но чтобы ни у кого в самой Западной Европе не закрались сомнения в серьёзности намерений американцев обеспечить своё господство над западным миром, они предприняли целый ряд мер. Прежде всего, необходимо отметить план Маршалла [15], в рамках которого западноевропейским странам выделялось 17 млрд долл. безвозмездной помощи. Политические шаги были подкреплены решением Совета национальной безопасности США (июль 1948 г.) о посылке двух групп бомбардировщиков Б-29 с атомным оружием на борту для размещения в Англии.

Атомное оружие американцы, правда, несколько раз теряли то в Испании, то на островах Северной Европы, но во всех случаях размещение американского атомного оружия можно расценивать, с одной стороны, как добровольно-принудительную меру, направленную на консолидацию западноевропейских стран, а с другой – как угрозу стране, не вписавшейся в послевоенное мироустройство по-американски.

В дальнейшем в США была разработана программа помощи развивающимся странам, основные идеи которой были изложены в речи Г. Трумэна в конгрессе (20 января 1949 г.) при его вступлении в должность президента на второй срок, а также в специальном послании Трумэна конгрессу (июнь 1949 г.), так называемый «четвёртый пункт программы Трумэна» «Мир и свобода» [17].

Этот план прежде всего был направлен на то, чтобы через оказание технической помощи развивающимся государствам помешать развитию их отношений с СССР и странами народной демократии.

Всё это означало начало полномасштабной «холодной войны».

Имеет смысл рассмотреть как само понятие «холодная война», так и её причины в понимании политологов.

По утверждению А. Шлезингера, «в своём первоначальном виде термин "холодная война" обозначал, по-видимому, смертельный антагонизм, в котором сочеталось соперничество великих держав, идеологическая борьба, военная отстранённость, участие (или поддержка какой-либо из сторон) в чужих войнах и постоянная угроза взаимного ядерного уничтожения» [21, V. 46, P. 22].

Среди политологов, особенно западных, идут споры об истоках «холодной войны».

Одна точка зрения господствовала в 50-е и 60-е гг. Её возникновение связывают с крахом союзнических отношений во время войны, а причины видят в распространении советского влияния в Европе, в том числе образование стран народной демократии, авторитет коммунистических партий и влияние социалистической идеологии в Западной Европе, рост национально-освободительных движений в Африке, Азии, Латинской Америке, испытание СССР своей первой атомной бомбы (1949 г.), что позволило ему стать второй атомной державой мира. Сюда же относят провозглашение Китайской Народной Республики на огромной материковой части Китая (1949 г.) и неудачи США в Корейской войне (1950–1953 гг.).

В 1950 г. между СССР и КНР был подписан Договор о союзе. И здесь Запад оказался лицом к лицу перед объединённой мощью Советского Союза и Китая.

В 60-е гг., во время Вьетнамской войны, появилась иная точка зрения, а именно: политика США – основная причина «холодной войны», а русские зачастую просто действуют в ответ на агрессивные американские притязания на рынки и политический доступ в условиях большой асимметрии в балансе сил [14].

Но, конечно, появились высказывания, в которых утверждалось, что обе стороны виноваты в создании международной напряжённости, так как и США, и СССР преследуют свои собственные цели, защищают свои интересы и поэтому ошибочно трактуют действия другой стороны, а «структурная асимметрия в приложении к силе и политическим системам затрудняет взаимопонимание» [19]. Отсюда делался вывод, что русские, в частности И.В. Сталин, больше беспокоились о своей безопасности (так, как они это понимали), что и послужило поводом создания советской сферы влияния в Восточной Европе (об этом говорят и материалы Ялтинской и Потсдамской конференций), чем мировым господством и агрессивными планами в отношении Западной Европы. Но в то же время даже пассивная забота Советского Союза о собственной безопасности рассматривалась как угроза западным интересам. Вывод: противостояние СССР/Россия – Запад неизбежно.

Ожесточённым противостоянием объединённого Запада под эгидой США, с одной стороны, и союзом СССР и Китая – с другой, воспользовались афро-азиатские страны. За 25 лет, очень быстро, практически полностью изменилась политическая карта мира. Метрополии вели долгую и изнурительную борьбу за свои колониальные владения, пока не поняли, что влияние там можно обеспечить и

экономическим путём, сохранив или получив «доступ к торговле и мировым сырьевым источникам», как об этом говорится в Атлантической хартии, подписанной Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем (август 1941 г.).

Однако «освобождённые народы Востока», даже назвав свои новые независимые государства «социалистическими», «народными» или «демократическими», не встали на социалистический путь. Как следствие, возникло Движение неприсоединения, которое возглавляли безусловно яркие личности (И.Б. Тито, Дж. Неру, А.-Г. Насер, Ф. Кастро). Эта организация не примкнула к советскому блоку, хотя и отошла от западного, что позволило странам и их народам сохранить (или восстановить) свою традиционную культуру и национальную идентичность.

Новые независимые государства Азии, Африки и Латинской Америки получали помощь как от СССР и его союзников, так и от западных стран, но размеры этой помощи были несоизмеримы: СССР не мог «тягаться» с возможностями МВФ и всей банковской системой Запада. Это был проигрыш в экономике; а в идеологии – во второй половине XX в. лидеры африканских и азиатских стран легко меняли принципы и убеждения в зависимости от текущего момента.

На начало и середину 60-х гг. приходится, по оценкам экспертов, первый пик американского главенства на Западе. США нарастили огромный стратегический потенциал и готовы были к «тотальному интервенционизму» по всему миру.

Политика США – их утверждение «мы сильнее всех» – вполне соответствовала термину «самонадеянность силы», впервые введённому сенатором Дж.У. Фулбрайтом в 60-е гг. XX в. для характеристики американской внешней политики [7, с. 17].

Согласно аналитическим данным, приводимым А. Уткиным, США превосходили СССР по численности средств доставки ядерного оружия в 10 раз, но к концу десятилетия это превосходство растаяло. В начале десятилетия ВНП США в три раза превышал объединённый западноевропейский и японский, а через 15 лет показатели сравнялись.

Ещё в начале 60-х гг. десятки новых государств «стучались в двери ООН», а через десятилетие возникли их авторитетные организации: «Группа 77» (1964 г.), Движение неприсоединения (1961 г.), Организация стран –экспортёров нефти (1960 г.) [5, с. 352].

Конечно, Америка не стала слабее, просто вырос экономический потенциал стран третьего мира, а СССР к концу 60-х гг. достиг определённого стратегического паритета с США: страна, восстановив народное хозяйство, разрушенное войной, создала новые производственные мощности на современном научно-техническом и технологическом уровнях; решала социальные задачи; наука, образование и медицина в целом соответствовали западным стандартам, а по целому ряду позиций (в частности, в образовании) превосходили их, с военным потенциалом тоже всё было в порядке.

Но с течением времени во внешней и внутренней политике СССР появились тенденции к самоуспокоенности. Лозунги формулировались, цели определялись, но дальше этого дело не шло. Руководство страны дряхлело и все

новые руководители были калибром меньше и, обладая огромной властью, использовали её на мелочевку, теряя авторитет не только в стране, но и на международном уровне. В идеологическом плане всё строилось на взглядах, представлявших уже пройденный этап и являвшихся атавизмом в конце XX в.

В международных отношениях появились термины «разрядка», «мирное сосуществование», успокаивающе действовавшие на мировую общественность, но на Западе под ними скрывались всё те же сформулированные А. Даллесом ещё в далёких 40-х гг. цели. Поэтому события конца 80-х – начала 90-х гг. были для судьбы СССР вполне логичными.

По мнению известного отечественного историка И.Я. Фроянова, «желание Запада "прибрать к рукам" советскую страну имело прежде всего две побудительные причины: экономическую и военно-политическую» [6, с. 42]. «Цели и средства наступления были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности (*NSDD*)... в 1982 и 1983 гг. ...» [10, с. 13].

Если очень кратко, то в этих документах под грифом «совершенно секретно» рекомендовалось:

– осуществить «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе;

– поддержать различными мерами и другими методами антисоветские организации в Восточноевропейском регионе;

– проводить политику, направленную на подрыв советской экономики, особенно тех её отраслей, на которых базировался военно-промышленный комплекс, и не забывать о необходимости бороться за ресурсы.

В целом предлагалось разработать и реализовать мероприятия наступательной политики по всем направлениям с целью фундаментального изменения советской системы.

В рассуждениях М. Горбачёва «Европа – общий дом»[1] не только Запад, но и страны соцлагеря уловили неуверенность руководства СССР, стремление понравиться западным лидерам, сдать свои принципиальные позиции. Ну и почему бы этим не воспользоваться?

А возможен ли вообще в Европе «общий дом» и что под этим понимать?

Из небольшого экскурса в историю следует, что испокон веков на территорию Руси покушались захватчики. Что их могло здесь привлекать? Леса, непроходимые болота, скудные земли, суровый климат и редкие поселения с несговорчивым населением? Но захватчики всё шли и шли.

Наиболее активными и крикливыми из них были польско-литовские. Поляки на протяжении XVII–XVIII веков никак не могли выбрать себе правителя: то приглашали представителей французской и шведской династий, в том числе Карла XII, то саксонских королей. Наверное, в том числе, именно из-за непредсказуемости власти в Польше все русские самодержцы стремились создать кордон на западных границах империи, а Екатерина II вместе с Пруссией и Австрией приняла самое активное участие в разделах Речи Посполитой (1792 г., 1793 г. и 1795 г.).

В 30-е – 40-е гг. XIX в. при Николае I после подавления восстания польской элиты Российская империя обрела

[1] Идею об «европейском доме» в своё время высказал Президент Франции Ш. де Голль, а Горбачёв исказил её до абсурда.

определённый покой на своих западных границах. Это было как раз то, к чему Россия всегда стремилась – к незыблемости своих границ.

А что представляет собой история Европы? Это война за войной, захват, раздел и передел территорий. Там нет ни одного метра земли, который не был бы в то или иное время местом кровопролитного боя. А кто воевал? Одна родня против другой, так как все правящие династии находились в кровном родстве. Так что «цивилизованная» Европа, «колыбель культуры» – это как ещё посмотреть!

Российская империя никогда не была инициатором захватнических походов в Западную Европу, военные действия с выходом на территорию противника практически всегда провоцировались Пруссией, Францией, Австро-Венгрией, Швецией, Польшей. Можно, как отдельный эпизод, вспомнить лишь Итальянский поход Суворова (1799 г.), в который его отправил император Павел I воевать за чуждые австрийские интересы, вдохновившись рыцарской этикой Мальтийского ордена.

Да и в Первую мировую войну Российская империя вступила за чужие интересы, запутавшись в англо-французских и австро-германских интригах [11]. И опять это была война родственников. Николая II по крови уже нельзя было признать русским из-за многочисленных браков с представительницами европейских династий [13, с. 286].

Версальский мир не принёс покоя континентальной Европе, он оставил слишком много вопросов, обострив борьбу между союзниками (Англия – Франция, США – Англия, США – Япония, Италия – державы Антанты). Версальский мир не покончил с войной, а превратил её в постоянную угрозу существующему миропорядку. А в Советской России после революций проблем было ещё больше.

В 20-е – 30-е гг. Советскому Союзу пришлось тяжело. Это не только Гражданская война и интервенция, но и разруха в экономике, бесконечные конфликты в руководстве в борьбе за власть. Каждая из группировок втягивала во внутрипартийную борьбу массу людей, весьма далёких от политики, но, как всегда, оказавшимися «крайними». Великая Отечественная война была испытанием не только для страны, но и прочности государственной власти.

В Ялте и Потсдаме советская делегация, как и делегации США и Великобритании, выработали на условиях компромисса принципы послевоенного устройства мира. СССР, освободив Восточную Европу от власти Третьего рейха, создал кордон для защиты своих западных рубежей. Советский Союз действительно освободил восточноевропейские территории от фашизма, но большинство этих стран воевали на стороне Германии вполне добровольно за обещания Гитлера поделиться с ними плодами своей победы.

Конечно, продавали и предавали народы своих стран элиты, но великодушие победителя тоже надо уметь принять, а то в памяти народной остаётся неприятный осадок. К этому добавляются исторические обиды, мнимые или реальные. Всё это используется манипуляторами человеческих душ – политиками, церковью, СМИ. И вот уже комплекс ущемлённости готов, нужно только направить его в со-

ответствующее русло. Что и было сделано в конце 80-х – начале 90-х гг. Как следствие – прежние союзники превратились в заклятых врагов, а Запад ещё использовал и приманку, утверждая, что наконец-то они вернулись в лоно своей цивилизации и уже почти «настоящие европейцы». Ещё посулили и мечту в духе Капитана Флинта Р. Стивенсона: «пиастры, пиастры... и бутылка рома». Против этого аргумента не могла устоять никакая «братская» дружба народов.

Западная тотальная антирусская политика никогда не прекращалась: то это были разнообразные ландскнехты и рыцарские ордена, направляемые Ватиканом, то интервенция, то изоляция, то дисседентствующая интеллигенция и «шестидесятники», а теперь ещё и Болотная площадь вместе с санкциями и нарушениями «прав человека». Таким образом, поводов много, а цель всегда одна – любым способом уничтожить страну или заставить её забыть свои корни, забыть, что ты русский, отречься от своей веры, своих традиций.

В 90-х гг. вопрос «холодной войны» – в ракурсе, кончилась ли она с ликвидацией социалистического лагеря или нет – обсуждался достаточно широко в среде политиков, дипломатов и политологов. Ельцинско-козыревская дипломатия как продолжение пораженческой дипломатии Горбачёва – Шеварднадзе считала, что противостояние СССР и его правопреемницы Российской Федерации с Западом себя исчерпало, наступит эра «общеевропейского дома», куда Россию примут тепло и нежно. Это было не так, и это не могло произойти просто по определению. Россия как государство, как самобытная независимая страна Западу не нужна, и при этом он испытывает перед её потенциальной мощью хронический, на уровне подсознания, страх.

Дальнейшие события во взаимоотношениях России и Запада только ещё раз подтвердили, что противостояние как было, так и есть, и конца ему в обозримом будущем не видно.

Ещё в 30-е – 40-е гг. XX в. русский религиозный философ И.А. Ильин утверждал, что войну против России ведут её хорошо всем известные враги. По его убеждению, у нашего народа есть «давние религиозные недруги, не находящие себе покоя от того, что русский народ упорствует в своей “схизме”, или “ереси”, не приемлет “истины” и “покорности” и не поддаётся церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костёр его не поведёшь, то остаётся одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые будут для него или “спасительным чистилищем” или же “железной метлой”, выметающей Православие в мусорную яму истории». При этом у России есть и такие враги, «которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом “терпимости” – безбожие, под видом “республики” – покорность закулисным мановениям и под видом “федерации” – национальное обезличение. Это зложелатели – закулисные, идущие “тихой сапой”» [1, с. 169].

В иных терминах, но о той же самой угрозе для самого существования России как самостоятельного государства и её народа говорил и митрополит

Иоанн: «Оглянемся вокруг: какие ещё доказательства нужны нам, чтобы понять, что против России, против русского народа ведётся подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная. Борьба эта – не на жизнь, а насмерть, ибо по замыслу её дьявольских вдохновителей уничтожению подлежит страна целиком, народ как таковой – за верность своему историческому призванию и религиозному служению, за то, что через века, исполненные смут, мятежей и войн, он пронёс и сохранил святыни религиозной нравственности, сокровенное во Христе понимание Божественного смысла мироздания, твёрдую веру в конечное торжество добра» [2, с. 73].

После ликвидации социалистической системы в лице СССР и восточноевропейских стран народной демократии во взаимоотношениях новой либеральной России и Запада, особенно в эпоху Ельцина, появилась новая лексика. Она наполнилась либеральными терминами-поучениями о том, как жить, как приватизировать, что делать с социальной сферой, что есть, пить и смотреть, каким богам молиться и как забыть своё прошлое.

Запад, используя временную слабость России, не только подчинил её своим экономическим интересам, укрепив союз с новой олигархией, но и придвинул свой военный альянс вплотную к российской границе и тем способствовал реанимации «синдрома, связанного с российским окружением» [16].

И как во все исторические времена, Россия сначала глухо сопротивлялась агрессии Запада, а затем стала постепенно, хотя и очень медленно, возвращать себе позиции на международной арене. На Западе это было расценено в том смысле, что Россия вновь вспомнила о своём прошлом, прочно связанном с традиционными имперскими инстинктами, с которыми в настоящее время невозможно справиться из-за авторитарной трансформации современной политической системы [20].

Таким образом, какой бы Россия ни была – самодержавной, социалистической, либерально-капиталистической, «с человеческим лицом» или без – Запад будет недоволен. Поэтому «холодная война» не может ни начаться заново, ни пережить некую «вторую волну» по той причине, что она никогда, начиная с 1946 г., не прекращалась, в том числе и в последние почти четверть века, которые прошли после распада Советского Союза. Прекращались разговоры о ней, и то – в основном со стороны наших либералов.

Ведь задача, которую ставил перед собой Запад, начав «холодную войну» против нашей страны, с разрушением СССР не была решена: преемницей Советского Союза стала Российская Федерация. А ещё британский историк А. Тойнби – крупная и влиятельная фигура в западном истеблишменте – говорил, что Россия, подобно сердцу, сжимается в трудные времена, разжимаясь в более благоприятной обстановке, подобно пружине. Запад продолжил «холодную войну» для того, чтобы на этот раз «пружина» не разжалась, а лопнула.

Подтверждением этого служит расширение НАТО: сначала были поглощены бывшие союзники СССР по Организации Варшавского договора, затем республики Прибалтики, входившие в состав Советского Союза.

Потом начались манёвры вокруг Грузии и Украины, завершившиеся «цветными революциями». Конечной целью было вовлечение в НАТО и этих республик, но жёсткая позиция, занятая Россией, примером которой может служить знаменитая мюнхенская речь Президента Владимира Путина (февраль 2007 г.), посеяла у европейских союзников США сомнения в целесообразности дальнейшего расширения НАТО. И в результате на Бухарестском саммите НАТО (апрель 2008 г.) Грузия и Украина приглашения не получили.

После этого инициатива по втягиванию, например, Украины, в западный альянс была передана Европейскому союзу, который через «Восточное партнёрство» намерен был заключить с Украиной договор об ассоциации и тем самым развернуть её против России. Однако в последний момент Виктор Янукович, поняв, чем чреват для Украины этот договор, отказался его подписывать.

Это и положило начало нынешнему кризису, за которым стоит, как всегда, политика США и НАТО, нацеленная на реализацию старой, как мир, «стратегии анаконды», изобретённой ещё адмиралом А. Мэханом: окружить Россию, выдавив её из Европы на северо-восток, и тем самым создать условия для её полного распада, которым грезили все американские и западные стратеги – от советника президента США Вудро Вильсона полковника Хауса, который ещё в 1918 г. сказал: «... остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделённая европейская часть страны», до Гитлера и Бжезинского.

Вот эта неизменность целей и задач, рассчитанных на уничтожение нашей страны, и есть главное, что определяет внутреннюю логику поведения Запада: Россия должна прекратить существование. Нынешним киевским властям отводится в этом проекте роль внешнего тарана, а российской «болотной оппозиции» – внутреннего.

Порой в наших СМИ высказываются взгляды на некоторые события в международной жизни (например, недовольство в Австрии, Сербии, Венгрии и даже Германии и Франции антироссийскими санкциями или трактовка результатов визита В.В. Путина в Венгрию в феврале 2015 г.) о возможности внести раскол в тесный союз западноевропейских стран и США.

Но это говорит только о принципиальном непонимании ситуации.

Конечно, различия экономических интересов между США и Европейским союзом имеются, но не надо забывать, что в отличие от Америки Европа не обладает собственной субъектностью и потому вопреки национальным интересам своих стран соглашается на антироссийские санкции. Это взаимоотношения ведущего и ведомого. И, конечно, не все страны Европы довольны своим нынешним положением в ЕС. Отчасти это связано с завышенными ожиданиями, которые были перед вступлением в Евросоюз. К таким странам можно отнести, например, Венгрию, Грецию, Румынию и Болгарию. Многие восточно- и центральноевропейские страны не в восторге от срыва проекта «Южный поток», которым хотели попользоваться как страны-транзитёры.

Сотрудничество с Российской Федерацией для таких стран может

принести много пользы. Но не стоит обольщаться: и Венгрия, и Греция, и Словакия, как и все остальные члены ЕС, – участники антироссийских санкций. Они, вольно или невольно, с большей или меньшей охотой, под нажимом немцев или американцев, но присоединились к санкциям против России. И это – принципиальный момент в отношениях Москвы и любого европейского государства. В ЕС есть дисциплина, есть ведущие игроки в лице Германии и Франции, есть американский диктат. Так что в Старом Свете все действия согласованы, централизованы, чётко действуют принципы «демократического централизма», никаких попыток «самодеятельности» быть не может. Но в рамках двусторонних отношений Россия может решать некоторые задачи.

У членов ЕС есть право вето. Но это то право (и это понятно всем), которым лучше не пользоваться. Выгоды от использования своего права намного меньше тех негативных последствий, которые могут наступить.

Вот один из таких примеров. В 2003 г., пусть не в рамках ЕС, а в рамках Североатлантического альянса, лидеры Германии, Франции и Италии попытались высказать самостоятельную точку зрения: они не хотели вводить свои войска в Ирак. И тогда было много разговоров на тему, как Россия пытается вбить клин между союзниками в западном мире. Мы не собирались этого делать, просто наша позиция была близка к позициям этих государств. Закончилось всё очень просто: в Италии, Германии и Франции поменялась высшая власть. И это был ответ Вашингтона на попытку проявления собственной позиции. Но ведь в данном случае речь шла о ведущих европейских странах с сильной экономикой. Что же тогда говорить о средних и малых странах Европы? Понятно, что рисковать никто не хочет.

Но в целом в стратегическом плане у стран Старого Света и США совпадают и экономические интересы. Между Северной Америкой и Европой строится зона свободной торговли, создание которой приторможено из-за обиды европейцев на США после разоблачений Э. Сноудена. Но американцы своё возьмут. В чём, например, логика нового плана «сдерживания России», который изложил Дж. Фридман, шеф близкого к ЦРУ агентства «Стратфор»? Его идея не нова: он предложил провести новый «санитарный кордон» вокруг России по линии Варшава – Бухарест – Баку, т.е. за пределами Украины.

Расчёт на то, что Россия завязнет в украинском кризисе, конечно же, присутствует. Но не только. Более важным представляется стремление напугать Европу российской угрозой, укрепив над ней американский контроль, прежде всего в сфере безопасности с помощью Североатлантического блока.

Конечно, НАТО, принимая новых партнёров, порою весьма проблемных, может превратиться в малоуправляемую организацию. Но даже признавая сложности кооптации новых членов, американцы придумывают всё новые и новые формы, расширяют географические границы, на которые распространяется сфера ответственности альянса. За счёт новых членов американцы решают целый комплекс задач. Так, бывший глава Пентагона Д. Рамсфелд заявил о том, что есть «старая» Европа, а есть «новая». И «новая» Европа

нужна для того, чтобы не допустить сближения и координации между Россией, Германией и Францией. Или, по крайней мере, чтобы управлять этим процессом из Вашингтона, опираясь на амбиции новоиспечённых сателлитов вроде Польши, которые, как любые неофиты, самые шумные и крикливые и готовы за одобрение Вашингтона буквально рыть землю.

Самое главное – в евроатлантических отношениях на первом месте стоит военно-политическая зависимость Европы от США, причём абсолютная. Это касается отношений в рамках НАТО и целого ряда международных институтов так называемого «интегрированного Запада». Проблемы экономики отходят на второй план, на первом месте стоят вопросы политический дисциплины.

В стратегическом плане ничего не будет меняться. Пока США остаются лидером объединённого Запада, куда входят Европа, Северная Америка, Австралия, Япония, никаких судьбоносных перемен ждать не стоит. Другое дело, что отдельными государствами могут предприниматься тактические шаги, которые, правда, не будут менять общего положения вещей.

Тем не менее ограничения у НАТО существуют и сегодня, их создаёт объективная реальность. США сильнее всех и могут, условно говоря, уничтожить любого оппонента, скажем, десять раз. Или двадцать. А конкурент, например, может сделать это только два раза. Но ведь и Америке этого достаточно, и будет рассматриваться как «неприемлемый ущерб». Так что вероятность многократного уничтожения не гарантирует безопасность. В этих условиях и начинает действовать другая логика, в частности, логика «холодной войны».

Современное положение России можно охарактеризовать следующим образом: «Ни одна страна в мире за свою историю не перенесла столько тяжелейших испытаний, как Россия. Русские одолели девять наиболее крупных нашествий: хазар, половцев, монголо-татар, поляков, шведов, осман, французов, дважды немцев. Но в 1990 годы объединённый Запад в сговоре с предателями, захватившими в стране власть, разгромил Советский Союз, уничтожил социалистический строй и, перегруппировав силы, приготовился к решающему броску против русского государства.

Смертельная схватка с врагом уже идёт. Россия стоит перед дилеммой: либо отстоять свободу, либо быть порабощённой агрессивными силами Запада и Востока, намеревающимися расширить своё "жизненное пространство" за счёт нашей страны. Свобода или несвобода – другой альтернативы у русских и других народов России нет» [13, с. 354].

Итак, «холодная война» против СССР/Российской Федерации не прекращалась ни на одно мгновение, она была многовариантна. Но если рассматривать в ретроспективе те решения, которые были приняты и образовали Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений, то можно с гордостью сказать, что они обеспечили мир в Европе на протяжении 50 лет (до югославской трагедии 90-х гг.).

Для Российского государства в лице СССР Ялтинско-Потсдамские соглашения представляли собой не только итог Второй мировой войны, но и продолжение российской политики на

протяжении всей истории существования Руси/России как самостоятельного государства. Основная её цель – это обезопасить свои границы, в первую очередь на западе. Так что СССР в данном случае был абсолютным политическим правопреемником Российской империи.

Развивая идеи традиционной национальной российской политики, следует идти по пути дальнейшего укрепления России, нашей национальной и военной безопасности, чему будет способствовать выстраивание глобальной альтернативы – мировой системы, объединяющей ведущие незападные страны. ОДКБ, ШОС, БРИКС – это зарождающиеся элементы данной системы.

Самое опасное сегодня – отстать от жизни, динамики её развития и застыть на неизменном уровне кругозора, понимания и анализа. Распад СССР – результат именно такого отставания, вызванного неспособностью советской политической элиты выйти за рамки устаревшей и потерявшей актуальность идеологической догматики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин И.А. О грядущем России. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
2. Митрополит Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1995. 349 с.
3. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 611 с.
4. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 317 с.
5. Уткин А. Вызов Запада и ответ России. М.: ЭКСМО-Алгороитм, 2003. – 608 с.
6. Фроянов И. Погружение в бездну. М.: Алгоритм, 2001. 528 с.
7. Фулбрайт Дж.У. Самонадеянность силы. М.: Международные отношения, 1967. 256 с.
8. Черчилль У. Речь в Вестминстерском колледже I // Мускулы мира. М.: ЭКСМО, 2006. 528 с.
9. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: ТЕРРА, 1991. 623.
10. Швейцер П. Победа / пер. с польск. Минск: СП «Авест», 1995. 464 с.
11. Штоль В.В. Мировая политика накануне Первой мировой войны // Обозреватель–Observer. 2014. № 9. С. 5–18.
12. Штоль В.В. Цена Второй мировой войны // Обозреватель–Observer. 2014. № 6. С. 6–27.
13. Шутов А.Д. Последнее испытание России М.: Onebook.ru, 2014. 372 с.
14. Alpperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. N.-Y.; Pluto Press, 1985. – 402 p.
15. American Foreign Relation. 1947. Vol. IX. Princeton University, 1949.
16. Cohen S.F. Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia. N.-Y., 2000. 320 p.
17. Cooperative Program for Aid in the Development of Economically Underdeveloped Areas. Wash., 1950.
18. Documents on International Affairs 1947–1948. London – N.Y. – Toronto.
19. Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford, 1997. – 448 p.
20. Russia's Wrang Direction. What the United States can and Should Do. N.-Y., 2006. 96 p.
21. Schlezinger A. The Origins of the Cold War // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. P. 22.
22. URL: www.gwu.edu/-nsarchiv/colwar/documtnts/episode-1/kennan.htm

УДК 94(470+571)"1941/1945"

Бочарников И.В.
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ВЫСШЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ПАТРИОТИЗМА И СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Аннотация. В статье определяются важнейшие условия и факторы, предопределившие победу советского народа в Великой Отечественной войне. Акцентируется внимание на патриотизме руководства страны, воинов армии и флота, гражданах страны, сплотившихся на отражение вооруженной агрессии нацисткой Германии. Анализируются ключевые этапы Великой Отечественной войны, освобождения территории СССР и стран Восточной и Центральной Европы. Определяется исключительность феномена общероссийского патриотизма как важнейшего фактора победы в Великой Отечественной войне и становления СССР в качестве ведущего государства мирового сообщества в послевоенный период.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, нацистская Германия, Победа Советского народа, патриотизм, подвиг, битва за Москву, блокада Ленинграда, Сталинградское сражение, Курская дуга, освобождение Украины, Молодая гвардия, партизанское движение, бандформирования, освободительная миссия Красной Армии.

I. Bocharnikov
Bauman Moscow State Technical University

SOVIET PEOPLE'S FEAT IN THE GREAT PATRIOTIC WAR AS THE HIGHEST MANIFESTATION OF PATRIOTIZM AND FAITHFULNESS TO MOTHERLAND

Abstract. In article the major conditions and factors which predetermined the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War are defined. The attention is focused on the patriotism of the country leaders, soldiers of army and fleet, and the citizens of the country who rallied on repulse of the Nazi Germany's armed aggression. The author analyses the key stages of the Great Patriotic War, the liberation of the territory of the USSR and the countries of Eastern and Central Europe. The article defines the exclusiveness of the all-Russian patriotism phenomenon as the most important factor of the victory in the Great Patriotic War, and the formation of the USSR as the leading state inthe world community during the post-war period.
Key words: the Great Patriotic War, the USSR, Nazi Germany, Victory of the Soviet people, patriotism, feat, battle of Moscow, Siege of Leningrad, Stalingrad battle, Kursk arch, liberation of Ukraine, Young Guard, guerrilla movement, bands, liberating mission of the Red Army.

Семь десятилетий отделяют нас от 9 мая 1945 г., когда советским народом в ходе Великой Отечественной войны была одержана Великая победа над нацисткой Германией и ее сателлитами.

Великая победа мая 1945 г., а иначе ее именовать нельзя, побуждает нас с уважением и благодарностью вспомнить всех тех, кто самоотверженно

© Бочарников И.В., 2015.

сражался с нацистами, кто отдал свою жизнь во имя жизни миллионов других людей, а также суверенитета не только нашей Родины, но и большей части государств Европы.

Великая Отечественная война не была обычной войной между двумя государствами. Нацистское руководство Германии ставило цель не просто нанести военное поражение, его целью являлась ликвидации СССР – России, порабощение и истребление русского и других народов Советского Союза, а также народов большинства стран Европы, всех тех, кто не относился к «великой арийской расе» и, по мнению нацистов, являлись попросту «недочеловеками» (untermenschen).

В значительной мере эти замыслы стимулировались той легкостью, с которой гитлеровская Германия покорила большинство стран Европейского континента.

В марте 1938 г. была аннексирована Австрия, осенью того же года в результате Мюнхенского сговора утратила значительную часть своей территории Чехословакия. При этом непосредственное участие в «дележе мюнхенского наследства» приняли ее соседи – Польша и Венгрия. В марте 1939 г. остатки Чехии были оккупированы немецкими войсками, Словакия же, в которой был установлен профашистский режим, стала сателлитом нацистской Германии. Все это было сделано фактически без единого выстрела или, как заявлял сам А. Гитлер, – «элегантно». Столь же элегантно в марте 1939 г. был аннексирован Клайпедский (Мемельский) край Литвы.

Было очевидно, что Германия готовится к большой, мировой, войне. Лидеры же мирового сообщества того времени, в лице Великобритании и Франции всячески игнорировали призывы руководства Советского Союза к совместным действиям по обузданию агрессора.

В результате война, вошедшая в анналы истории под названием Второй мировой, разразилась 1 сентября 1939 г. И первой жертвой нацисткой агрессии стала Польша, главными доминантами внешнеполитического курса которой были антисоветизм и русофобство. Фактически чуть более месяца (до 6 октября) Германии понадобилось для того, чтобы сломить сопротивление польской армии. Примечательно, что уже 18 сентября территорию страны покинули президент, правительство и главнокомандующий вооружёнными силами, бросив страну на произвол судьбы. Таким образом, Польша была обречена, несмотря на гарантии её западноевропейских союзников (Великобритании и Франции) и попытки сопротивления польских патриотов.

В последующем немецкий военный каток прокатился по столицам западноевропейских государств. Всего несколько дней нацисткой Германии потребовалось для захвата таких стран, как Дания и Нидерланды. Бельгия была оккупирована за 18 дней, Франция капитулировала на 44-ый день войны. Английские войска, попытавшиеся оказать помощь Франции, были фактически сброшены в море. Уже к концу июня 1940 г. большая часть Европы была окрашена в коричневый нацистский цвет.

С этого же времени (21 июня 1940 г. – дня капитуляции Франции) началась и разработка плана нападения на СССР. Первоначально план носил на-

звание «Фриц» и был разработан генералом Э. Марксом, в последующем разработкой плана занимался генерал Ф. Паулюс. В период с 29 ноября по 7 декабря 1940 г. по плану, получившему к тому времени название «Отто» была проведена военная игра. 18 декабря 1940 г. А. Гитлер подписал Директиву № 21 с окончательной редакцией плана вторжения на территорию СССР. План получил символическое название «Барбаросса», по имени Фридриха Барбароссы (Рыжебородого), который был зачинателем серии походов на Восток. При этом в целях соблюдения секретности вооруженные силы союзников Германии – Венгрии, Италии, Румынии, Словакии и Финляндии – должны были получить конкретные задачи только перед началом войны. Подготовку к войне должны были завершить к 15 мая 1941 г.

Опьяненное успехом блицкригов в Европе военно-политическое руководство нацисткой Германии полагало, что и война с Россией едва ли займет много времени. По планам гитлеровского командования, военная кампания в отношении «колосса на глиняных ногах» должна была занять не более трех месяцев. К середине августа гитлеровцы планировали взять Москву и до 1 октября разгромить СССР, выйти на рубежи: Архангельск – Куйбышев – Астрахань.

Ранним воскресным утром, 22 июня 1941 г., нацистская Германия при поддержке своих союзников без объявления войны напала на СССР. В 3 часа 30 минут утра, когда германские войска получили условный сигнал «Дортмунд», по советским пограничным заставам и укреплениям был внезапно нанесен артиллерийский удар, а через несколько минут дивизии первого эшелона вторглись в пределы СССР. Крупные силы германской авиации начали бомбардировку Риги, Минска, Одессы, Киева, Севастополя, Смоленска и других советских городов.

Армия вторжения насчитывала порядка 5,5 млн. человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов, 47 200 орудий и минометов.

Ей противостояли силы пяти советских западных приграничных округов и трех флотов, которые почти вдвое уступали противнику.

Особенно подавляющим было превосходство немецко-фашистских войск на направлениях главных ударов. К исходу первого дня войны их мощные танковые группировки на многих участках фронта вклинились вглубь советской территории на расстояние от 25 до 35, местами даже до 50 км. К 10 июля глубина вражеского вторжения на решающих направлениях составила уже от 300 до 600 км.

Атакованные внезапно части Красной Армии были вынуждены вступать в тяжелые бои без необходимой подготовки и без завершения стратегического развертывания. Под ударами наступавшего агрессора воины Красной Армии попадали в окружение, терпели тяжелые поражения и неудачи. За три недели войны противнику удалось полностью разгромить 28 советских дивизий. Кроме того, более 72 дивизий понесли потери в людях и боевой технике (от 50 % и выше). Общие наши потери только в дивизиях без учета частей усиления и боевого обеспечения за это время составили около 850 тыс. человек, до 6 тыс. танков, не менее 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. противотанковых ору-

дий, около 12 тыс. минометов, а также около 3,5 тыс. самолетов. Противник же потерял около 100 тыс. солдат и офицеров, более 1700 танков и штурмовых орудий и 950 самолетов [3]. Что свидетельствовало об ожесточенности сопротивления Красной Армии. И все же, несмотря на это, безусловно, начальный период войны для СССР был катастрофическим.

Все это стало следствием целого ряда просчетов в подготовке к войне. По устоявшейся российской традиции, к войне готовились, но она, как всегда, разразилась неожиданно. Не готовым к войне оказалось, прежде всего, высшее военно-политическое руководство страны. Более того, советская бюрократия сделала все, чтобы Красная Армия не была готова к отражению вражеского вторжения. Следует отметить, что в войну советские вооруженные силы вступили с устаревшим планом стратегического развертывания, утвержденным наркомом обороны еще в ноябре 1938 г. Подготовленный Главным оперативным управлением Генерального штаба РККА проект Плана стратегического развертывания в мае 1941 г. И.В. Сталиным утвержден не был. По преданию, И.В. Сталин на представление начальником Генерального штаба генерала армии Г.К. Жукова данного проекта отреагировал фразой: «Вы мне больше записки для прокурора не направляйте».

Это было следствием твердой убежденности как самого И.В. Сталина, так и его окружения в том, что гитлеровское руководство не решится в ближайшее время нарушить заключенный с СССР договор о ненападении. Все сведения, получаемые по различным каналам источников о предстоящем нападении немцев рассматривались И.В. Сталиным как провокационные, направленные на обострение отношений с Германией. Этим можно объяснить и оценку руководства страны, переданную в заявлении ТАСС 14 июня 1941 года, в котором слухи о готовившемся нападении Германии объявлялись провокационными.

Только лишь 21 июня, в самый канун войны, наркому обороны маршалу С.К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба генералу армии Г.К. Жукову удалось убедить И.В. Сталина в необходимости приведения войск прикрытия границы в боевую готовность. Соответствующая директива Г.К. Жуковым была направлена командующим западными округами в период с 21.00 21 июня до 00.30 минут 22 июня 1941 года [2, с. 9]. Непосредственно же в войсках округов директива была получена тогда, когда война уже началась. Безусловно, ни о какой готовности к войне речи быть не могло. И именно этим объясняются многочисленные потери, понесенные Красной Армией в начальный период войны.

К концу первой декады июля немецкие войска со своими сателлитами (Румынией, Венгрией, Словакией) захватывают Латвию, Литву, Белоруссию, значительную часть Украины, Молдавии и Эстонии. Основные силы советского Западного фронта были разгромлены в Белостокско-Минском сражении. Гитлеровские войска вплотную подошли к Смоленску, Киеву и Ленинграду. И все-таки «легкой элегантной прогулки» у гитлеровцев не получилось.

Части и соединения Красной Армии, оказавшиеся в окружении, не ка-

питулировали перед превосходящим противником, как это было в Европе с ее ценностями самосохранения, а прорывались с боями к линии фронта, неся при этом большие потери. Небольшой гарнизон Брестской крепости почти на месяц приковал к себе большие силы немцев, более 250 дней держал осаду город русской воинской славы Севастополь. Ожесточенные сражения развернулись за Киев, Одессу, Могилев, Воронеж и многие другие города страны. В тылу врага разворачивалось мощное партизанское движение.

На войну с нацистами поднималась вся Великая страна. В первый же день войны поэтом В.И. Лебедевым-Кумачем было написано стихотворение «Священная война», опубликованное уже 24 июня одновременно в двух газетах – «Известиях» и «Красной Звезде». На следующий день (25 июня) А.В. Александровым была написана музыка к этим стихам, и уже 26 июня легендарная песня «Вставай, страна огромная», ставшая символом патриотического подъема граждан СССР, гимном Великой Отечественной войны впервые прозвучала на перроне Белорусского вокзала перед красноармейцами, отправляющимися на фронт, и москвичами. Начиная же с 15 октября 1941 г., каждый радиоэфир начинался с исполнения этой всенародной песни.

К чести советского руководства, оно смогло отойти от шока поражений периода вторжения и, самое главное, преодолеть приверженность идеологемам о классовой солидарности пролетариата. На страну напал внешний враг, но далеко не классовый, к войне с которым готовилась Красная Армия.

Осознав же всю степень опасности, исходящей от этого «неклассового» врага, советское руководство сделало правильный вывод, опираясь на патриотизм народов Советского Союза, сумело мобилизовать население страны на всенародную священную войну против захватчиков. И именно обращение к основам общероссийского патриотизма явилось одним из решающих факторов, способствовавших победе над фашисткой Германией.

Переломным в этом плане стало выступление 3 июля 1941 г. по радио И.В. Сталина. Его выступление было кратким, отрезвляюще честным, взволнованно мобилизующим и патриотическим. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К Вам обращаюсь я, друзья мои! Над нашей Родиной нависла серьезная опасность. Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты? – Конечно, нет!».

В речи И.В. Сталина прозвучала твердая уверенность в победе: «Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!».

Обращение к идее патриотизма сыграло решающую роль в мобилизации всей страны к обороне. Особое значение имело то обстоятельство, что патриотизм был проявлен на уровне

высшего военно-политического руководства страны, которое тем самым продемонстрировало, что в период тяжелейших испытаний оно оказалось и будет вместе с народом. Это придало мощный импульс всенародному патриотическому подъему.

И, безусловно, более, чем прав легендарный маршал Победы – Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, отметивший позднее в своих воспоминаниях, что «крупнейшие битвы и целые войны выигрывают те войска, которые отличаются железной волей к победе, осознанностью цели, стойкостью духа и преданностью знамени, под которым они идут в бой» [2, с.12]. Таковы и были Красная Армия и Красный флот уже в 1941 г. Лозунг же, который не любят сейчас вспоминать: «За Родину, за Сталина», был, по сути, ответом илущих в бой бойцов и командиров, главе государства, сумевшему мобилизовать, объединить и возглавить священную войну против нацистов, оккупировавших территорию страны.

Стойкая оборона городов Могилева, Смоленска, Киева, Одессы, Севастополя, Ленинграда и других срывала нацистские планы «блицкрига». До июля – августа 1941 года гитлеровцы считали, что все идет по плану, что русские в сущности уже разгромлены и война выиграна. Но под Смоленском продвижение немецких войск было остановлено почти на месяц. Здесь Красная Армия не только смогла сдержать натиск гитлеровцев, но и нанести им первое серьезное с начала войны поражение. Речь идет о ликвидации ельнинского выступа – захваченного немецкими войсками плацдарма для дальнейшего наступления на Москву.

Примечательно, что наступление советских войск (24-й армии) осуществлялось при соотношении 1:1,1 в пользу немцев, и тем не менее, 70-тысячная группировка войск противника не выдержала натиска красноармейцев и вынуждена была сдать свои позиции, понеся при этом значительные потери (более 50% личного состава). Ельнинская наступательная операция была одной из первых в Великой Отечественной войне, в ходе которой осуществлялись прорыв сильной очаговой обороны противника, разгром его группировки и изгнание со значительной части советской территории.

В ознаменование этого события дивизиям, наиболее отличившимся в разгроме ельнинской группировки противника, по решению Ставки Верховного Главнокомандования Приказом Народного комиссара обороны СССР № 303 от 18 сентября 1941 г. было присвоено наименование «гвардейские». Этот день стал днем рождения Советской гвардии, явившейся в последующем символом воинской доблести и беззаветного служения Отечеству. Учреждение института гвардейских частей, соединений и объединений явилось свидетельством приверженности советского руководства героическим традициям России и стало еще одним мощным стимулом в борьбе с немецко-фашистскими агрессорами. Право быть гвардейцами бойцы и командиры, части, корабли, соединения и объединения завоевывали в ходе ожесточенных сражений. Всего же за годы Великой Отечественной войны стали гвардейскими 11 общевойсковых и 6 танковых армий, 40 стрелковых, 7 кавалерийских, 12 танковых, 9 механизированных и 14 авиационных корпусов, 215 дивизий, 18 боевых

кораблей и большое количество частей различных видов Вооруженных сил и родов войск.

Служба в гвардейских частях, соединениях и на кораблях и в послевоенный период была почетной. И, конечно же, тот факт, что на исходе «лихих» 90-х гг. XX столетия чиновниками Минобороны России День Советской гвардии был вычеркнут из перечня памятных дат Вооруженных сил России, а заменен Днем гвардии петровского периода (2 сентября), является не просто проявлением глупости, а глупости осознанной, конъюнктурной. Результатом подобного рода конъюнктуры стало то, что в современной России не отмечается ни День петровской, ни День Советской гвардии. И это при том, что и по сей день живы ветераны-гвардейцы, получившие это звание в годы Великой Отечественной войны, в том числе и в боях под Ельней. Большего оскорбления нанести им было нельзя.

Важнейшим же значением битвы под Ельней явилось то, что были сорваны планы гитлеровского командования о взятии Москвы уже к середине августа 1941 г. Напротив немецкие войска на этом направлении перешли к обороне, а к окраинам Москвы они смогли подобраться только лишь к началу октября.

Битва под Москвой состояла из трех этапов: стратегически-оборонительная операция – с 30 сентября по 5 декабря 1941 г.; наступательная операция – с 6 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г.; Ржевско-Вяземская наступательная операция – с 8 января по 20 апреля 1942 г.

В этот период произошло еще одно событие, сыгравшее исключительно важную роль в обеспечении победы над врагом – военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 г.

На параде с трибуны Мавзолея И.В. Сталин, обращаясь к бойцам Красной Армии и Флота, сказал: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» [4].

Торжественным маршем по Красной площади Москвы прошли бойцы Красной Армии, направляясь после парада не в казармы, а на передовые позиции зашиты столицы государства. То, что парад проходил в условиях, когда немецкие войска находились на подступах к Москве, вызывало бешенство у врагов, уважение у союзников, и убежденность в Победе у советских людей.

Попытка взять Москву провалилась. В ходе зимней кампании 1941 – 1942 г. было проведено контрнаступление под Москвой. Советские войска отбросили противника на западном направлении на 80 – 250 км, завершили освобождение Московской, Тульской областей, а также ряда районов Калининской и Смоленской областей.

Впервые в ходе Второй мировой войны немецкие войска потерпели сокрушительное поражение. Миф о непобедимости вермахта был развеян. «Блицкриг» полностью провалился.

Тем не менее, до Победы оставалось еще долгих 3 года. И далеко не на всех участках фронта складывалась благоприятная для СССР ситуация. На юго-западном направлении части и соединения Красной Армии вели тяжелые бои за Киев, Севастополь, Одессу, на северо-западном немецко-фашистские войска вышли к Ленинграду и окружили город.

В этот период был проведен ряд неудачных для Красной Армии операций. Прежде всего, речь идет об обороне столицы Советской Украины г. Киева, а также провалившемся контрнаступлении в декабре 1941 г. под Ростовом[1].

Г.К. Жуков, будучи еще начальником Генерального штаба, предложил И.В. Сталину оставить Киев и отступить за Днепр, чтобы не допустить разгрома войск. Хрестоматийной стала реакция И.В. Сталина на это предложение: «Сдать Киев – мать городов русских!?».

В результате войска Юго-Западного фронта Красной Армии были окружены. 26 сентября Киевская стратегическая оборонительная операция советских войск была закончена. По данным, опубликованным в 1993 г. Генеральным штабом Вооруженных Сил РФ, советские потери составили свыше 700 тыс. человек, из них 627,8 тыс. безвозвратно. Началась первая нацистская оккупация Киева.

Для самого же Г.К. Жукова несогласие с мнением Верховного главнокомандующего обернулось снятием с должности начальника Генерального штаба и назначением командующим Резервным фронтом. И только необходимость организации контрнаступления под Москвой востребовала полководческий талант Г.К. Жукова. К чести И.В. Сталина, он сумел преодолеть свой «вождизм» и поручил Г.К. Жукову возглавить и оборону столицы, и организацию последующего московского контрнаступления.

В последующем именно ему, Маршалу Победы, Верховный главнокомандующий доверял подготовку и проведение наиболее значимых стратегических операций вплоть до взятия Берлина в апреле 1945 г.

В январе же 1942 г. наиболее критическим было положение на северо-западном направлении, где нацистам удалось блокировать г. Ленинград. Но взять его, так же как и Москву, не смогли. Воины армии и флота, жители Ленинграда превратили город в неприступную крепость и самоотверженно защищали его. Все это время на заводах осажденного города ни на минуту не прекращался выпуск танков, орудий и боеприпасов для нужд обороны города. 871 день длилась блокада Ленинграда — самая продолжительная и страшная осада города за всю историю человечества – одна из наиболее трагических и великих страниц российской истории, продемонстрировавшая всему миру патриотизм, самоотверженность и стойкость советских людей. За время блокады Ленинграда от голода и обстрелов погибло, по разным данным, от 641 тысячи жителей одного миллиона. И только в январе 1944 г. в ходе Ленинградско-Новгородской наступательной операции она была прорвана. Произошло воссоединение второй столицы страны с «Большой землей».

Впереди было еще много сражений на фронтах Великой Отечественной

[1] В ходе этой операции погиб дед автора статьи – рядовой Бочарников Дмитрий Семенович

войны. Немецкая «военная машина» была по-прежнему сильна и не позволяла относиться к себе пренебрежительно, наказывая поражением за недооценку своей мощи.

Одним из таких поражений стало поражение советских войск под г. Харьковом в мае 1942 г. Командование Юго-западным фронтом в лице маршала С.К. Тимошенко и члена Военного Совета генерал-лейтенанта Н.С. Хрущева в стремлении проявить себя с наилучшей стороны настояло на проведении наступательной операции по освобождению Харькова. По замыслу фронтового командования фронта, планировалось разбить противостоящие силы противника и выйти на Средний Днепр, к Гомелю, Киеву, Черкассам и далее Первомайску и Николаеву. Это была утопия. Без всяких доказательств было сделано категорическое заключение, что в весенне-летний период 1942 г. южное направление станет для немецкого командования второстепенным, главный удар будет якобы наноситься на Москву. На самом же деле именно южное направление в этот период было главным для противника и именно здесь были сосредоточены его наиболее мощные и укомплектованные войсковые группировки. Просчеты одного военачальника и откровенный авантюризм другого дорого обошлись Красной Армии и непосредственно войскам Юго-западного фронта. Начавшееся 12 мая наступление советских войск уже к 17 мая было остановлено и войска перешли к обороне. Непринятие же должных мер командованием фронта привело к тому, что в окружение попали сразу 3 армии, более 200 тыс. человек. Из окружения удалось вырваться только 22 тысячам воинов.

В июле 1942 г., после 250 дней героической обороны, советские войска вынуждены были оставить Севастополь, а затем и Крым. В июле того же года нацисты захватили Ростов-на-Дону, форсировали Дон и вышли к Сталинграду.

Сталинградское сражение – одна из крупнейшей сухопутных битв в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн. Благодаря мужеству защитников Сталинграда была одержана победа, означавшая коренной перелом в Великой Отечественной войне, а слова «Сталинград», «Мамаев курган», «Дом Павлова» – прогремели на весь мир. Значение Сталинграда не только для отечественной, но и для мировой истории можно выразить словами из книги В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»: «…Каждая эпоха имеет свой мировой город – он её душа, её воля. Вторая всемирная война была эпохой человечества, и на некоторое время её мировым городом стал Сталинград. Он стал мыслью и страстью человеческого рода». 70 лет назад городом всего человечества был именно наш Сталинград [1, с.20].

Эта битва ознаменовала начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. Закончилось победное наступление немецко-фашистских войск и началось их изгнание с территории Советского Союза, продолжавшееся на протяжении 1943 и 1944 г.

В ходе зимнего 1943 г. наступления Красной Армии и последовавшего контрнаступления немецких войск на Восточной Украине в центре советско-германского фронта образовался выступ глубиной до 150 и шириной до 200 км, обращённый в западную

сторону (так называемая «Курская дуга»), ликвидацией которой немецкое командование планировало взять реванш за поражением под Сталинградом и вновь развернуть наступление на московском направлении.

Для советских войск битва под Курском включала проведение трех стратегических операций: Курскую оборонительную (5 – 12 июля); Орловскую (операция «Кутузов» 12 июля – 18 августа) и Белгородско-Харьковскую (операция «Румянцев» 3 – 23 августа) наступательные. Само название этих операций (наступательных) свидетельствовало об обращении советского военного командования к героическому прошлому страны и использовании этого фактора для мотивации солдат и офицеров Красной Армии на победу в этих операциях.

Немецкая сторона свою наступательную часть сражения называла операцией «Цитадель». Для ее проведения немцы сосредоточили группировку общей численностью порядка 900 тысяч человек.

5 июля одновременно с двух направлений (орловского и белгородского) немецкие войска попытались прорвать оборону советских войск. На протяжении нескольких дней шли ожесточенные сражения. Советские войска не только сдержали натиск, но и фактически измотали противника, нанеся ему значительные поражения в живой силе и технике. Кульминационным моментом первого этапа Курской битвы стало небывалое в истории танковое сражение 12 июля под Прохоровкой. В нем с обеих сторон участвовало около 1200 танков. В ходе сражения был окончательно развеян миф о каком-либо превосходстве немцев, в том числе и в технике. Советский танк Т-34 оказался лучше и «Тигров», и «Пантер», во многом благодаря мужеству и мастерству советских танкистов.

Операция «Цитадель» была последней наступательной операцией немецких войск в ходе Великой Отечественной войны. 15 июля советские войска перешли в контрнаступление и уже 5 августа были освобождены города Орел и Белгород, а 23 августа – г. Харьков.

Победа на Курской дуге создала предпосылки для освобождения от нацистов Советской Украины. В ходе Донбасской наступательной операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.) были освобождены важнейшие промышленные центры Донбасса, в том числе его столица – г. Сталино (современный г. Донецк).

Следует отметить, что именно на Донбассе оккупанты встретили наиболее ожесточенное сопротивление. И если в ряде областей на западе Украины нацистов встречали цветами, то на Донбассе была развернута целая сеть подпольных организаций, в том числе легендарная Молодая гвардия, средний возраст членов которой был 18-19 лет, действовали партизанские отряды. И не случайно именно на Донбассе оккупационный режим был наиболее жестким, в отличие от ряда других регионов Украины.

Битва за освобождение Украины, которая длилась 680 суток, стала важнейшим этапом на пути к победе над нацистской Германией и ее союзниками. При этом в ряде регионов Украины, прежде всего, западных Красной Армии противостояли не только немецкие войска, но и бандформирования бандеровцев, а также целые

эсэсовские дивизии, такие, например, как дивизия СС «Галичина», хотя и сформированная из украинских добровольцев-националистов, но под немецким командованием (генерал-майора Фрица Линдеманна).

Территория Украины в 1943 – 1944 гг. была ареной тяжелых боев. В стратегических и фронтовых операциях, проведенных в январе 1943 – октябре 1944 г., на территории Украины погибло и было ранено 3,5 миллиона воинов Красной Армии. Только при освобождении Киева, который почему-то нужно было взять к очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, погибло порядка 418 тысяч воинов Красной Армии.

В январе 1944 г. началось освобождение Прибалтики. Здесь Красной Армии, так же как и на Украине, пришлось столкнуться с пособниками нацистов из числа местного населения.

Летом 1944 г. Красной Армией были проведены грандиозные по масштабу стратегические наступательные операции, завершившие освобождение Белоруссии (операция «Багратион») и Молдавии (Ясско-Кишиневская).

А 26 марта 1944 г. произошло событие, которого ждала вся страна – восстановление Государственной границы СССР и переход Красной Армией советско-румынской границы в районе реки Прут по результатам Уманско-Ботошанской операции 2-го Украинского фронта. Тогда советские войска восстановили небольшой – всего 85 км – отрезок границы СССР.

Примечательно, что на охрану освобожденного участка границы заступил полк, пограничники которого здесь приняли первый бой 22 июня 1941 г. А уже на следующий день, 27 марта, войска 2-го Украинского фронта перешли советско-румынскую границу. Начался новый этап Великой Отечественной войны – освободительная миссия Красной Армии.

Значение Ясско-Кишиневской операции 20-29 августа 1944 г., в освободительной миссии обусловлено тем, что в ходе нее были разгромлены основные силы группы армий «Южная Украина» и выведена из войны на стороне гитлеровской Германии Румыния, были созданы реальные предпосылки для освобождения ее самой, а также других стран Юго-Восточной Европы.

Примечательно, что саму операцию называют Ясско-Кишиневскими Каннами. Настолько блестяще она была проведена, что свидетельствовало о полководческом таланте советских военачальников, руководивших этой операцией, а также высоких качествах, в том числе профессиональных и моральных, командиров, ну и, конечно же, его Величества – Советского Солдата.

Ясско-Кишинёвская операция оказала большое влияние на дальнейший ход войны на Балканах. Хотя освобождение самой Румынии продолжалось до конца октября 1944 г., уже в начале сентября 1944 г. Красная Армия приступила к освобождению Болгарии.

Итоги операции оказали настолько деморализующее воздействие на ее тогдашнее руководство, что уже 6-8 сентября власть в большинстве городов и населенных пунктов Болгарии перешла к антифашистскому Отечественному фронту. 8 сентября войска 3-го Украинского фронта генерала Ф.И. Толбухина перешли румыно-болгарскую границу и фактически без единого выстрела продвигались по ее территории. 9 сентября освобождение

Болгарии было завершено. Таким образом, фактически освободительная миссия Красной Армии в Болгарии уложилась в два дня.

Освобождение Болгарии создало предпосылки для освобождения Югославии. Следует отметить, что Югославия – одно из немногих государств, посмевших бросить вызов нацисткой Германии еще в 1941 г Примечательно, что именно здесь было развернуто и наиболее мощное в Европе партизанское движение, которое отвлекало на себя значительные силы нацисткой Германии. Несмотря на то, что территория страны была оккупирована, значительная ее часть находилась под контролем Народно-освободительной армии Югославии под руководством И. Тито. Обратившись первоначально к англичанам за помощью и не получив ее, И. Тито 5 июля 1944 г. написал письмо И. Сталину с пожеланием, чтобы Красная Армия помогла НОАЮ изгнать фашистов.

Это стало возможным в сентябре – октябре 1944 г. В результате Белградской наступательной операции войска Красной Армии во взаимодействии с Народно-освободительной армией Югославии разгромили немецкую армейскую группу «Сербия», освободили восточные и северо-восточные районы Югославии с ее столицей Белградом (20 октября).

Тем самым были созданы благоприятные условия для подготовки и проведения Будапештской операции, начавшейся через 9 дней после освобождения Белграда (29 октября 1944 года) и продолжавшейся вплоть до 13 февраля.

В отличие от Югославии, Венгрия, так же как и Румыния, и Болгария, фактически являлась сателлитом нацисткой Германии. В 1939 г. она присоединилась к Антикоминтерновскому пакту и участвовала в расчленении Чехословакии, нападении на Югославию и СССР. Поэтому у значительной части населения страны были опасения относительно того, что Красная Армия будет не освобождать, а завоевывать Венгрию.

Для того, чтобы развеять эти опасения, командование Красной Армии в специальном воззвании заверило население, что она вступает на венгерскую землю «не как завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского ига».

К 25 декабря 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов окружили в Будапеште 188-тысячную группировку противника. 18 января 1945 г. была освобождена восточная часть города – Пешт, а 13 февраля западная – Буда.

В результате другой стратегической наступательной операции – Балатонской (6 – 15 марта 1945 г.) войсками 3-го Украинского фронта при участии 1-й болгарской и 3-й югославской армий была разгромлена перешедшая в контрнаступление в районе севернее о. Балатон группировка немецких войск. 195 дней продолжалось освобождение Венгрии. В результате тяжелых сражений и боев потери советских войск здесь составили 320 082 человека, из которых 80 082 – безвозвратные.

Еще более значимые потери советские войска понесли при освобождении Польши. За ее освобождение отдали свои жизни более 600 тыс. советских воинов, ранено 1 416 тыс. человек, – практически половина всех потерь Красной Армии при освобождении Европы.

Освобождение Польши было омрачено несогласованными с командованием Красной Армии действиями польского эмигрантского правительства, инициировавшего восстание в Варшаве 1 августа 1944 г.

Восставшие рассчитывали на то, что им придется воевать с полицейскими и тыловиками. А пришлось сражаться с опытными фронтовиками и эсэсовцами. Восстание было жестоко подавлено 2 октября 1944 г. Такова цена, которую пришлось заплатить польским патриотам за амбиции политиков.

К освобождению Польши Красная Армия смогла приступить только лишь в 1945 г. Польское или точнее варшавско-берлинское направление было основным с начала 1945 г. и вплоть до окончания войны. Только на территории Польши в современных ее границах Красная Армия провела пять наступательных операций: Висло-Одерскую, Восточно-Прусскую, Восточно-Померанскую, Верхне-Силезскую и Нижне-Силезскую.

Самой крупной наступательной операцией зимой 1945 г. была Висло-Одерская операция (12 января – 3 февраля 1945 г.). Ее цель заключалась в том, чтобы завершить освобождение Польши от немецко-фашистских оккупантов и создать выгодные условия для проведения решающего наступления на Берлин.

За 20 дней наступления советские войска полностью разгромили 35 дивизий противника, а 25 дивизий понесли потери от 60 до 75% личного состава. Важным результатом операции явилось освобождение 17 января 1945 г. совместными усилиями советских и польских войск Варшавы. 19 января войска 59-й и 60-й армий освободили Краков. Гитлеровцы намеревались превратить город во вторую Варшаву, заминировав его. Советские войска спасли архитектурные памятники этого древнего города. 27 января был освобожден Освенцим – крупнейшая фабрика уничтожения людей, которую создали нацисты.

Завершающая битва Великой Отечественной войны – Берлинская наступательная операция, продолжавшаяся с 16 апреля по 2 мая 1945 г. принадлежит к числу наиболее крупных и кровопролитных сражений Второй мировой войны. Здесь сложили головы более 300 тысяч советских солдат и офицеров.

20 апреля был начат штурм рейхстага, и 30 апреля в 14 часов 25 минут на фасаде здания было установлено полковое красное знамя 674-го стрелкового полка (150-я стрелковая дивизия), являющееся сегодня Знаменем Победы. Хотя сопротивление нацистов продолжалось вплоть до 9 мая 1945 г., уже 8 мая в 22:43 по центрально-европейскому времени (в 00:43 9 мая по московскому) в берлинском предместье Карлхорст был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Советские граждане об этом узнали из сообщения Совинформбюро 9 мая 1945 г. в 2 часа 10 минут ночи по московскому времени, из уст легендарного диктора Юрия Левитана. Утром того же дня с обращением к советскому народу выступил глава государства И.В. Сталин.

Великая Отечественная война была завершена Победой советского народа. Это была действительно всенародная война и Победа в ней была достигнута всем народом, его патриотизмом, самоотверженностью. В этой связи очевидно, что слова из песни легендарно-

го фильма «Офицеры»: «нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой», пожалуй, наиболее емко характеризуют этот всенародный подвиг.

За годы Великой Отечественной войны более 11 603 человек стали Героями Советского Союза, порядка миллиона – кавалерами ордена Славы III степени, более 46 тысяч – II степени и 2672 – I степени. Всего же за подвиги, проявленные в годы войны, орденами и медалями СССР было награждено более 7 млн. человек. Соединениям, частям и кораблям Советских Вооруженных сил вручено 10900 боевых орденов.

Среди удостоенных государственных наград были не только воины Красной Армии. Миллионы советских людей вели борьбу на оккупированной врагом территории. Неувядаемой славой покрыли себя пионеры-герои: Валя Котик, Володя Дубинин, Зина Портнова, Марат Казей, Леня Голиков, Нина Куковерова и тысячи других ребят и девчонок, многим из которых не было даже 14 лет. Героически сражались с оккупантами участники подполья Бобруйска, Витебска, Киева, Львова, Минска, Таганрога и других оккупированных советских городов. Многим из них не было и 20 лет.

Поистине массовый характер получило партизанское движение. В Белоруссии, на Украине, в Брянской, Калининской, Ленинградской, Смоленской и некоторых других областях в период оккупации действовали целые партизанские районы, куда ни оккупанты, ни их пособники из числа местного населения не смели сунуться.

Всего в годы войны в тылу врага насчитывалось более 6 тыс. партизанских отрядов, в которых сражалось свыше 1 млн. человек. В ходе проведенных операций партизаны уничтожили, захватили в плен и ранили 1 млн. фашистов, вывели из строя 4 тыс. танков и бронемашин, 65 тыс. автомашин, 1100 самолетов, разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов, пустили под откос 20 тыс. эшелонов.

Драматическим проявлением мужества, воли и патриотизма советских людей является перебазирование промышленных предприятий из западных областей в восточные. В течение только второй половины 1941 г. было переброшено в тыл свыше 2,5 тысяч промышленных предприятий, которые на новых местах вводились в строй за 1-2 месяца. Работа начиналась еще до сооружения корпусов заводов и цехов, под открытым небом, в дождь, грязь, снег и холод, днем и ночью. С учетом того, что кадровую основу заводов, фабрик, колхозов и совхозов составляли женщины, дети (некоторым не было и 10 лет), а также старики, именно они и ковали победу на фронте.

Нельзя не отметить и подвиг советской творческой интеллигенции, для которой приоритетными были не абстрактные псевдолиберальные ценности, а патриотизм, гражданственность, ненависть к оккупантам, посягнувшим на суверенитет нашего государства. Все это нашло отражение не только в творческих произведениях того периода, но и их выступлениях перед бойцами и командирами Красной Армии и Флота, в том числе непосредственно на передовой, зачастую с риском для жизни.

Общая беда сплотила все народы России. Поэтому более чем очевидно, что одним из важнейших условий Великой победы советского народа в Великой Отечественной войне явился проявленный в годы суровых испыта-

ний интернационализм народов Советского Союза, ставший закономерным следствием наличия общей опасности для всех народов СССР и ненависти к оккупантам, проводившим на завоеванных территориях политику расовой дискриминации. Поэтому вполне закономерно произошла интеграция общности, объединенной общими суровыми испытаниями и общей идеей освобождения страны от немецко-фашистской оккупации и последующего преодоления разрухи и других последствий агрессии внешнего врага.

Все это в совокупности сыграло решающую роль в обеспечении победы над нацизмом и явило всему миру пример духовно-нравственной консолидации советского общества, основу которой составил патриотизм граждан Великой страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Гроссман В.С. Жизнь и судьба http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt. (Дата обращения 23 марта 2015).
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Олма-Пресс, 2002. 505 с.
3. 1941 год – уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. http://militera.lib.ru/h/1941/03.html. (Дата обращения 27 марта 2015).
4. Речь И.В. Сталина на параде 7 ноября 1941 года http://www.izstali.com/stalinlive/147-1941-3.html. (Дата обращения 29 марта 2015).

УДК 32.019.5

Федорченко С.Н.[1], Федорченко Л.В.[2]
[1]Московский государственный областной университет
[2]Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)

АНТИСОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Аннотация. Авторами анализируются приемы информационно-пропагандистской агрессии нацистской Германии против СССР. В статье рассмотрены три основных технологии политической пропаганды – «белая», «серая» и «черная». Показаны конкретные случаи нацистских манипулятивных практик. Актуализируя проблему манипулятивного воздействия пропагандистских техник на современных граждан, авторы поднимают вопрос о профилактических, защитных мерах для общества.
Ключевые слова: пропаганда, Советский Союз, информационно-пропагандистская война, нацистская Германия, манипуляции.

S. Fedorchenko[1], L. Fedorchenko[2]
[1]Moscow State Regional University
[2]Moscow State University of Mechanical Engineering

ANTI-SOVIET PROPAGANDA OF NAZI GERMANY

Abstract. The authors analyze the techniques of informational-propagandistic aggression of Nazi Germany against the Soviet Union. The article describes the three basic technologies of political propaganda - "white", "gray" and "black". Concrete cases of Nazi manipulative practices are shown. Actualizing the problem of manipulative influence of propaganda techniques on modern citizens, the authors raise the question of preventive and protective measures to protect the society.
Key words: propaganda, the Soviet Union, informational-propagandistic war, Nazi Germany, manipulations.

Вся военная пропаганда, все крики, ложь и ненависть,
исходят всегда от людей, которые на эту войну не пойдут.
Джордж Оруэлл

Пропаганда не только направляется властью на собственное население, но и используется в информационной войне против внешнего врага. Как технология, пропаганда представляет собой многогранное повторение одного и того же информационного сообщения с конкретной целью [6, с. 338]. Под информационно-пропагандистской войной принято понимать комплекс мероприятий по информационному и пропагандистскому воздействию на сознание большого числа людей для изменения их поведения, мировосприятия и навязывания им выгодных противнику ментальных моделей. В оборонительном аспекте – это борьба с осуществлением противником манипулятивного воздействия в его целях, а также защита от такого воздействия [7].

© Федорченко С.Н., Федорченко Л.В., 2015.

Подобного рода война проходит в самых разных сферах жизни общества и государства и мало поддаётся какому-либо правовому регулированию (подобному Гаагскому праву войны). Но в отличие от межличностных технологий манипуляций сознанием, объектом воздействия в информационно-пропагандистской войне является массовое сознание противника, учитываются коллективные особенности больших групп людей. Цель информационно-пропагандистской войны – достижение информационного доминирования.

Значение информационного противоборства в системе обеспечения национальной безопасности любого государства неуклонно возрастает. В настоящее время ведущие страны мира располагают мощным информационным потенциалом – США, Германия, Франция, Япония [4].

Обычно пропагандисты учитывают психологию человека. К примеру, когда человек получает какое-либо сообщение, его взаимодействие с памятью делится на два этапа: сначала происходит пассивное запоминание, затем информация перерабатывается рассудком и если она будет мало-мальски убедительной, интересной и эмоционально окрашенной, сообщение закрепляется в памяти и начинает воздействовать на сознание.

В условиях глобализации и развития массовой культуры этические решения намного меньше руководят человеческой деятельностью, поэтому манипуляторы часто активируют слепое движение масс. По мнению В. Одайника, для того чтобы в этих условиях управлять массами, политикам необходимы ложь и полуправда, становящиеся рабочими принципами политической практики. И, поскольку индивидуальное развитие становится для государственной политики чем-то второстепенным, место моральной ответственности индивида занимают государственные решения [5, с. 70].

Исследователи пропаганды пришли к печальному выводу для обычного человека: информация в результате частого повторения прочно запоминается и действует на сознание независимо от того, вызывает ли это утверждение, возражение или одобрение: «Эффективность убеждения измеряется числом людей, у которых данное сообщение вызывает определённую реакцию, направленность же этой реакции несущественна» [3, с. 201]. В ходе «информационного прессинга» любая личность может начать осознавать внушённые ей интересы как свои собственные.

Современная Россия нуждается в создании эффективной системы защиты от информационной войны, рассматриваемой зарубежными интересантами как мощный инструмент реализации внешней политики. Вот почему так важно проанализировать хотя бы элементарные азы информационно-пропагандистских войн нацистской Германии против СССР.

Нацистские пропагандисты использовали особенности человеческой психики с целью информационно-пропагандистского воздействия на советских граждан [10; 12]. Саму же нацистскую пропаганду можно отнести к «вещательной модели» политической коммуникации, так как она предполагала одностороннее распространение информации из центра одновременно многим адресатам на периферии [9].

Организатором информационно-пропагандистской войны против Советского Союза был министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс. Он являлся основоположником технологии широкого применения всех видов пропаганды: «белой», «серой» и «чёрной». Проанализируем информационно-пропагандистскую войну нацистской Германии против СССР на конкретных примерах.

Белая пропаганда

Согласно наставлению армии США «Ведение психологической войны», белая пропаганда – это пропаганда, которая распространяется и признаётся источником или его официальными представителями [11].

Изначально многие годы нацисты вели антибольшевистскую пропаганду. Однако накануне войны, когда был заключён пакт Молотова-Риббентропа, как по волшебству, немцы вдруг обнаружили, что русские – очень милые и приятные соседи и что можно жить с коммунистическим государством под боком. При этом добрососедские отношения между Германией и СССР подчёркивались всеми доступными средствами. В течение двух лет рейхом велась активная «белая» пропаганда за мир и дружбу с русскими. Между тем та же «белая» пропаганда, к примеру, была использована Геббельсом с целью дезинформации советского руководства, которое действительно поверило, что целью продвижения немецких армий в южном направлении было отвлечь резервные части Красной Армии от Москвы и ослабить московский фронт [6, с. 317]. Параллельно нацисты подкрепляли канал любой своей пропаганды специальной манипулятивной технологией. Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное выполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [2, с. 59]. Технология политической манипуляции нацистов предполагала активное воздействие на массовое сознание и включала следующие компоненты:

1. внедрение в сознание советских граждан под видом объективной информации неявного, но желательного для нацистов содержания («Красная Армия будет разбита», «сопротивление против Германии бессмысленно», «скоро близится конец власти большевиков» и т.п.);

2. воздействие на «болевые точки» советского общественного сознания, возбуждающие страх, тревогу, ненависть (политика нацистов по стравливанию советских народов, пропаганда национального суверенитета, актуализация истории советских народов с целью межэтнических столкновений);

3. реализация неких замыслов и скрываемых целей, достижение которых нацисты связывали с поддержкой общественным мнением своей позиции [1, с. 81].

В случае с дезинформацией советского руководства по поводу московского фронта немецкой «белой» пропагандой была использована манипулятивная технология *тоталитаризма источника сообщения* [8]. Важным условием успешности этой технологии является отсутствие реального диалога между СМИ и гражданами по животрепещущим проблемам. Об этом приеме позже писал Че Гевара, отмечая, что во время войны сообщения из-за рубе-

жа должны по возможности ограничиваться комментированием фактов. Между тем он категорически расходился с Геббельсом по поводу основного принципа пропаганды – достоверности передаваемой информации, считая, что ложь, как бы она красиво ни звучала, всегда хуже самой скромной правды. Эффективную пропаганду Че Гевара называл «народной».

Другим примером «белой» пропаганды нацистов против Советского Союза служит «Катынское дело». Немцы устроили грандиозное представление из торжественного захоронения останков польских офицеров в присутствии ксёндзов, немецких и иностранных корреспондентов. Геббельс не упустил возможность оказаться в центре внимания, стараясь сделать из большевиков настоящих чудовищ. Здесь была применена манипулятивная технология *сенсационности и срочности сообщения*, которая часто используется с целью отвлечения внимания от другой информации [6]. Данная технология общего действия обеспечивает «информационный шум» и необходимый уровень нервозности, подрывающие психологическую защиту от манипуляции.

Технология *повторения сообщения* используется в различных видах современной пропаганды, за что её даже назвали «методом Геббельса». Это маркер любой пропаганды – повторение действует на подсознание, которое человек плохо контролирует. Не случайно этот манипулятивный приём сейчас активно используется как в коммерческой, так и в политической рекламе на телевидении и в интернет-сегменте.

Белая пропаганда использовалась рейхсфюрером СС Г. Гиммлером на советских оккупированных территориях в рамках античеловеческой политики сокращения покорённого населения [7]. Программа нацистской «демографической политики» на территории Советского Союза включала такие компоненты, как пропаганда абортов и противозачаточных средств. Депопуляция на полном серьёзе рассматривалась нацистским руководством как средство окончательной геополитической победы над славянским миром.

Серая пропаганда

Нацистское руководство применяло против Советского Союза и «серую» пропаганду. Как правило, серая пропаганда – это пропаганда, которая не идентифицирует специально свой источник, умалчивает о нём [7].

Так, в качестве примера можно привести тот факт, когда через четыре часа после начала войны Геббельс обвинил СССР, что он никогда и не собирался соблюдать условия о ненападении, подписанное рейхом, особо подчёркивая и тайный заговор большевистских плутократов. Естественно, первоначальный источник такой информации был неизвестен. Здесь нацистами использовалась манипулятивная технология *дробления целостной фактологической картины* – в случае, когда СМИ хотят исказить истинный смысл информации, они передают её не целостно, а отдельными элементами.

В другом случае нацистская «серая» пропаганда делала упор на создание негативного образа советского государства. Например, в статье от 6 июля 1941 г. Геббельс писал: «тех русских, которые будут слушать передачи германского радио на русском языке, ждёт казнь». Источник информации

также был не обозначен. С другой стороны, любая пропаганда может идентифицироваться как манипуляция в виду некогерентности суждений самих пропагандистов. Так, вслед за указанной статьёй уже 17 августа 1941 г., Геббельс заявил: «Несколько вероломных негодяев, затесавшихся в наши ряды, приговорены к каторжным работам. В них проснулась тяга к знаниям, и они слушали вражеские программы. В высшей степени примечательно, что Лондонское радио встало на их защиту» [6, с. 317]. Это именно тот случай, когда «серая» нацистская пропаганда, направленная против Советского Союза, вступила в противоречие с «белой» нацистской пропагандой, нацеленной на немцев.

Ещё пример. 15 марта 1945 г. германская пресса опубликовала сообщение, которое можно отнести к «серой» пропаганде. В заметке говорилось, что всё мужское население городка Ольс в Силезии было отправлено в Сибирь. Источник этой информации также не упоминался. При этом использовался манипулятивный приём *активизации стереотипов*, являющийся наиболее грубой технологией. Между тем, такая «серая» пропаганда в конце войны полностью провалилась, вызвав сильную панику у немецкого населения [6].

Чёрная пропаганда

Теперь рассмотрим применение нацистской Германией «чёрной» пропаганды против Советского Союза. В наставлении армии США по ведению психологической войны подчеркнуто, что чёрная пропаганда – это информационная фальсификация для снижения морального духа противника, т.е. пропаганда, которая выдаётся за исходящую из иного источника, чем подлинный [11, с. 8].

В качестве примера «чёрной» нацистской пропаганды можно упомянуть сообщение о так называемом прорыве немцами «линии Сталина». Министр пропаганды рейха пошёл на элементарный обман, сообщив, что ранее в радиопередачах и газетных статьях пропаганда Москвы и Лондон хвастливо утверждала, что немцам никогда не прорвать «Сталинскую линию обороны», а теперь говорит, что этой линии никогда не существовало. Это было прямое указание на ложный источник информации. На самом деле целостной «линии Сталина» никогда не было, зато существовали так называемые укрепрайоны, построенные на границе ещё 1929-1935 гг., но когда граница Советского Союза отодвинулась на запад, старые укрепрайоны были частично ликвидированы. Обычно в такой «чёрной» пропаганде для большей убедительности используется манипулятивная технология *подмены информации мнением* либо приём *изъятия из контекста* [3, с. 815]. В этом случае подспорьем «чёрной» пропаганды служат те же слухи, гиперболизация и эмоциональный резонанс.

***

Таким образом, нацистская Германия вела против Советского Союза не только фронтальную (полевую, воздушную, морскую), но и довольно мощную информационно-пропагандистскую войну, что, несомненно, увеличивает цену Победы советского народа. Информационно-пропагандистская война нацистов против советского государства проводилась по трём каналам пропаганды: «белой», «серой»

и «чёрной». Кроме того, каждый вид пропаганды использовал разнообразные технологии манипулятивного характера: *тоталитаризм источника сообщений*; *сенсационность и срочность сообщения*; *повторение сообщения*; *дробление целостной фактологической картины; активизация стереотипов; подмена информации мнением*; *изъятие из контекста*. В то же время советские пропагандисты вскоре научились давать достойный отпор той же «чёрной» нацистской пропаганде, применяя манипулятивные приёмы захвата и присоединения аудитории, а также прикрытия авторитетом.

После крушения нацистского режима в Германии подобная трёхканальная пропаганда («белая-серая-чёрная»), подкреплённая манипулятивными технологиями, активно использовалась США и странами НАТО против Советского Союза в ходе «холодной войны» [7].

Неподготовленному гражданскому населению порой сложно сопротивляться грамотно организованной тотальной информационно-пропагандистской войне. Для начала нужно осознать, что любой вид пропаганды предполагает различные способы контроля массовым сознанием. Ведущий российский специалист по манипулятивным технологиям С.Г. Кара-Мурза предлагает защитные технологии противостояния манипуляции сознанием для гражданского населения:

– *уход от захвата* – прерывание контакта на время с целью нарушения ритма манипулятивного приёма захвата и присоединения аудитории;

– *отсеивание информационного шума* – нужно стараться отсеивать поток никчёмных сообщений, способных запутать сознание и заставить человека принять неверное решение;

– *диалогичность мышления* – манипуляция не удаётся, если ни одно утверждение не принимается без вопросов;

– *отключение эмоций и включение здравого смысла* – по возможности не поддаваться общеизвестным стереотипам;

– *создание альтернатив и собственных контекстов* – не доверять ложной и искусственно встроенной проблеме в контекст истинного сообщения;

– *поиск корня проблем* – пытаться самому объяснить причины явления и процессов.

– *проекция в будущее* – желательно самостоятельно приучать себя прогнозировать ход различных процессов [3, с. 818-824].

Подобные защитные технологии должны стать общеобязательными при подготовке и организации информационной составляющей «гражданской обороны» среди населения во время тотальной информационно-пропагандистской войны. Тем более что информационная сфера является ключевым элементом национальных интересов современной России, определяющим стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амелин В.Н. Социология политики. – М.: Изд.-во МГУ, 1992. 186 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: Феномены, механизмы и защита. М.: Вагриус, 1997. 343 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
4. Маруев А.Ю. Информационная безопасность России и основы органи-

зации информационного противоборства // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. № 1. Т. 3. С. 47-53.
5. Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. СПб.: Азбука-классика, 2010. 256 с.
6. Рисс К. Геббельс. Адвокат дьявола. М.: Центрполиграф, 2000. 492 с.
7. Федорченко С.Н. Информационно-пропагандистская война нацистской Германии против Советского Союза // Наука и молодёжь: взгляд в будущее. М., 2011. С. 17-29.
8. Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 200 с.
9. Bordewijk J.L., Kraam B. van. Towards a classification of new teleinformation services //Intermedia. 1986. №. 1. Vol. 14. P. 16-21.
10. Bytwerk R. The Argument for Genocide in Nazi Propaganda //Quarterly Journal of Speech. 2005. Vol. 91. N 1. P. 37-62.
11. US ARMY SPECIAL WARFARE. Its Origins Psychological and Unconventional Warfare, 1941-1952 by Alfred H. Paddock, Jr. National Defense University Press Fort Lesley J. McNair. Washington. DC, 1982. 222 p.
12. Zimmermann C. Medien im Nationalsozialismus: Deutschland 1933-1945, Italien 1922-1943, Spanien 1936-1951. Wien: UTB, 2007. 316 p.

УДК 342.5:94(470+571)"1941/1945"

Ситников А.В.
Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ (г. Москва)

ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ, МОРАЛЬНАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация государственных и общественных институтов во время Великой Отечественной войны. Автор анализирует моральные и политические аспекты созданной в военное время централизованной модели власти и управления, которая обеспечила необходимую для победы военную и трудовую мобилизации. Данная модель партийно-бюрократической диктатуры с присущими ей издержками была в послевоенные годы перенесена в страны Восточной Европы. Автор разбирает, как отношение общества к этой модели оказалось в дальнейшем связано с оценкой роли СССР в победе над фашизмом.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, власть, управление, диктатура, насилие, идеология, либерализм.

A. Sitnikov
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

THE INSTITUTIONS OF POWER IN WAR CONDITIONS: EFFICIENCY, MORAL AND IDEOLOGICAL GROUNDS

Abstract. The article deals with the transformation of state and public institutions during the Great Patriotic War. The author analyzes the moral and political aspects of the centralized model of Authority and Governance created during the wartime which provided military and labor mobilization the necessary for the victory. This model of party-bureaucratic dictatorship in the postwar years was transferred to Eastern Europe. Today the attitude of the society to this model involves assessing the USSR's role in the victory over fascism.
Key words: the Great Patriotic War, authority, governance, dictatorship, violence, ideology, Liberalism.

Победа во Второй мировой войне – безусловная заслуга народа и армии Советского Союза. Мужество и героизм советских солдат, талант и воля полководцев, огромные усилия и самоотверженный труд всего народа одолели военную машину гитлеровской Германии. Во время войны неизбежно происходит трансформация государственных и общественных институтов, изменяется политический режим, расширяется сфера правительственного контроля во всех сферах жизнедеятельности, в том числе устанавливается контроль над обществом и идеологией. Мобилизация нации требует огромного напряжения сил, огра-

© Ситников А.В., 2015.

ничений свобод гражданского населения. Эти процессы играют большую роль: от них зависит боеспособность и эффективность армии, но одновременно они ведут к установлению тоталитарных тенденций, которые нельзя исследовать в отрыве от породившего их военного контекста.

В настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты этого процесса. Представляемый текст не является историческим исследованием, но принадлежит, скорее, к области политической философии. Мы оставим за скобками много важнейших вопросов, таких, как причины войны, ее ход и результаты. Опираться мы будем на известные отечественные и зарубежные исследования и источники по истории России и мировых войн XX в., а также на идеи известных социальных мыслителей.

Централизация управления в условиях Великой Отечественной войны

С началом войны высшими органами государственной власти ввиду чрезвычайного положения было принято постановление об образовании Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО), который первоначально состоял из 5 человек (потом был расширен до 9) и сосредоточил в своих руках всю полноту власти. С образованием ГКО было упразднено разделение на партийные, государственные и военные органы. ГКО обладал неограниченными полномочиями. Любые вопросы управления решались узким кругом лиц, а в основном председателем ГКО (поскольку ГКО регулярно и в полном составе не собирался). Постановления и распоряжения этого чрезвычайного органа имели силу законов военного времени. Все граждане и организации были должны их выполнять неукоснительно и беспрекословно. Военное управление означало ограничение прав и свобод граждан, сужение деятельности законодательных и судебных органов. В частности, были отменены неприкосновенность жилища, свобода передвижения, тайна переписки, установлен особый режим рабочего времени, упрощенный порядок следствия и судопроизводства. Правовой, судебный и внесудебный произвол, сокращенные сроки производства по уголовным делам, которые составляли от одного до трех дней, включая и приведение приговора в исполнение, неизбежно способствовали репрессиям и массовой гибели и страданиям невинных людей.

В условиях войны сложилась крайняя централизация управления. Полномочия тех, кто находился на вершине пирамиды власти, никто и ничто не ограничивало, первое лицо было ни перед кем не ответственно, его никто не контролировал [6, с. 328-329]. Безмерная концентрация власти у очень узкого круга лиц, занимавших одновременно несколько постов и должностей в высших руководящих органах (ГКО, Ставки ВГК, Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР), давала ощутимый положительный эффект, поскольку позволяла оперативно и без траты времени на согласования решать любые вопросы. Но, как отмечают исследователи, слишком узкий состав высшего руководства «таил в себе опасность субъективизма, произвола, бесконтрольности, недостаточной проработки некоторых решений. По существу одни и те же лица при-

нимали решения, организовывали их выполнение и контролировали результаты работы. В случае неудач всегда отыскивались «козлы отпущения» среди подчиненных исполнителей. Поэтому кадровая чехарда, особенно на начальном этапе войны, была обычным делом»[6, с. 330-331].

Советская сверхцентрализованная командно-репрессивная государственная система оказалась прочнее и крепче гитлеровской, и во многом благодаря ей была одержана победа. Она позволяла не просто мобилизовать значительное количество людей на ту или иную необходимую для фронта деятельность, но нередко требовала от индивида готовности умереть, требовала пожертвовать жизнью ради победы, отдать все силы труду во имя высшей цели. Благодаря этому были достигнуты боеспособность Красной Армии и максимальная эффективность советской экономики. Уже «на протяжении всего 1942 года рост промышленного производства в СССР продолжался из месяца в месяц. Валовая продукция всех отраслей промышленности СССР с января по декабрь 1942 года увеличилась более чем в 1,5 раза, в 1943 году еще на 17 %» [4, с. 46].

После окончания Великой Отечественной войны ГКО был упразднен, чрезвычайное положение прекращено. Но созданная в предвоенное и военное время «диктаторская» модель со всеми ее достоинствами и недостатками, присущими жесткой централизованной власти, еще долго оставалась образцом, эталоном и сутью советской политической системы. Именно эта модель обеспечила победу над сильным противником, а затем и торжество советских идеалов во всем мире. Можно ли было избежать этого крена в тоталитаризм? Является ли он неотъемлемой частью формирующихся в условиях войны институтов власти?

К чему ведет в условиях войны «либеральная модель»?

Попробуем сопоставить «диктаторскую» модель с тем, что мы условно назовем «либеральной». Эти две противоположные по сути модели были реализованы, соответственно, во время Великой Отечественной войны и во время Первой мировой войны. Первая мировая война закончилась для России полным крахом, страна понесла значительные потери, была свержена династия, правившая 300 лет, произошло крушение политической и экономической структуры, наступил хаос и Гражданская война. Великая Отечественная война была гораздо более серьезным испытанием для народа, для страны, враг был сильнее, но окончилась она величайшей победой Красной Армии.

Во время Первой мировой войны в Российской империи не было политического единства, интеллигенция активно действовала против власти, буржуазия, воспользовавшись войной, стремилась укрепить свое политическое влияние, бюрократия всеми силами этому препятствовала. Правящая династия показала полную неспособность управления страной и военными действиями, которые часто были децентрализованы, проводились без единой стратегии. Российской армии не хватало винтовок, боеприпасов, артиллерии. Российская промышленность с большим запозданием смогла наладить поставки всего необходимого на фронт.

Самое трагичное было в том, что некоторые политические силы стремились использовать возникающий в ходе войны политический и экономический кризис для падения самодержавия, «в сентябре 1914 года Ленин провозгласил лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую» [7, с. 366]. Его последователи активно вели антиправительственную пропаганду и агитацию, в том числе и в армии.

Возникший в сентябре 1915 г. Прогрессивный блок думских фракций, который насчитывал 236 из 442 членов Думы, вел настоящую войну с российским правительством [7, с. 373-378]. В 1915-1916 г. правительство нередко оказывалось в состоянии войны на два фронта: первый – это боевые действия против Германии и Австрии, а второй – политические баталии со своими противниками в тылу. Главная причина поражения России в 1917 г. и ее выход из войны – в непрекращающейся борьбе правительства и оппозиции.

Представленная в Думе позиция общества была непримиримой и бескомпромиссной. Либералы и социалисты пытались воспользоваться военной обстановкой для укрепления парламентского строя за счет монархии, внутренняя борьба во имя достижения своих политических целей была для оппозиции важнее, чем победа российской армии на фронте. Война рассматривалась буржуазией как уникальная возможность добиться политической власти, получить политическое преимущество над самодержавием. «Такого противоборства власть имущих и общества в период войны, как в России, нигде более не наблюдалось. И это весьма пагубно отразилось при мобилизации сил на внутреннем фронте. Непреодолимая неприязнь, с какой смотрели друг на друга лидеры деловых и политических кругов и бюрократия, препятствовала их взаимодействию. Бюрократия была убеждена – и не без основания, – что политики, воспользовавшись войной, хотят завладеть всем политическим аппаратом. Оппозиционные политики, со своей стороны, верили, – и тоже имея на это достаточно оснований, — что в стремлении любой ценой сохранить власть бюрократы не остановятся и перед поражением на фронте, а в случае же победы неминуемо ликвидируют конституционный строй и восстановят монархию» [8, с. 237].

Цель думской оппозиции состояла в том, чтобы получить право назначать министров, то есть подчинить Думе российскую бюрократию. Это противостояние общества и правительства, интеллигенции и монархии, их неспособность идти на компромисс не улучшали военную обстановку на фронте и привели к Февральской революции 1917 г., прямым следствием которой стали резкое падение экономики, развал Российской армии и страны.

Стоит отметить, что в странах Антанты в 1914-1918 г. произошли существенные ужесточения политических систем. Институты власти трансформировались в сторону диктатуры даже в Великобритании, где значительно расширились полномочия правительства, а влияние парламента, напротив, сильно уменьшилось. Кабинет министров издавал законы посредством указов без участия законодательного органа страны. Была введена цензура. Лидеры ведущих английских партий, либеральной и консервативной, уста-

новили перемирие и «на период войны отказались от публичной критики друг друга. В результате политическая оппозиция практически перестала существовать» [7, с. 298]. Даже выборы в Британии в годы войны не проводились, а по истечении срока полномочий действующего парламента в 1915 г. его полномочия были продлены на неопределенное время.

Диктатура как институт власти в чрезвычайных условиях

Принято считать, что сосредоточение власти в одних руках – это большая опасность, которая порождает насилие и произвол. Напротив, ослабление власти, ее разделение на законодательную, исполнительную и судебную помогает избежать этих негативных явлений, приумножает свободу, демократию и права человека. Естественно, что возможность всех социальных групп и индивидов участвовать в управлении страной – это важное демократическое достижение. В мирной жизни, когда все спокойно и никакой внешний враг не угрожает существованию народа, либеральные принципы устройства власти вполне адекватны и могут способствовать решению таких стоящих перед государством целей, как повышение уровня благосостояния, умножение гражданских свобод, демократии и законности, защите прав человека, приросту национального богатства, социальной справедливости и проч.

Однако в условиях войны и, соответственно, чрезвычайного положения появляются иные задачи, цели и критерии эффективности власти. Высокая концентрация государственной власти – условие достижения необходимой военной и трудовой мобилизации. Чрезвычайное положение актуализирует и нуждается в тех проявлениях власти, которые могут в обычной ситуации представлять опасность. В Римской республике в чрезвычайной обстановке назначался диктатор, задача которого состояла в том, чтобы устранить опасность, ставшую причиной его назначения. Он был не связан законами или ограничениями какой-либо инстанции, мог отдавать любые распоряжения без возможности их обжалования, располагал неограниченной властью карать и миловать.

Карл Шмитт, посвятивший явлению диктатуры специальное исследование, полагал, что «диктатор вправе предпринимать именно все те действия, которых требует положение дел. Таким образом, вопрос здесь ставится уже не о правовых соображениях, а о том средстве, которое в данном конкретном случае годится для достижения конкретного результата. Ход действий здесь тоже может быть правильным или неправильным, но эта оценка относится только к тому, правильны ли принятые меры в ситуативно-техническом смысле, целесообразны ли они. Оглядка на препятствующие права, на согласие третьих лиц, чьи интересы ущемляются, учет благоприобретенных прав, следования по инстанциям или возможности обжалования могут быть «противны сути дела», т.е. стать вредными и неправильными в ситуативно-техническом смысле. Поэтому-то при диктатуре превалирует исключительно цель, освобожденная от всех правовых препятствий и определяемая только необходимостью достичь того или иного конкретного состояния» [11, с. 30]. Исполнительной власти в

этой ситуации не предшествует никакая норма, при этом исполнительная власть требует точного повиновения, само ее осуществление не должно становиться зависимым от чьего-либо согласия. Никакая организация не сможет хорошо функционировать, если исполнители, руководствуясь какими-либо интересами, станут претендовать на самостоятельное действие или контроль, исходя из других точек зрения, нежели точка зрения технической функции. «В рамках слаженно функционирующей исполнительной власти, когда условия ее деятельности уже оговорены, никаких разъяснений, согласований, совещаний с исполнительным органом больше не проводится» [11, с. 30].

Модель правления при диктатуре соответствует чрезвычайному положению и, обеспечивая независимость диктатора от законов и подчиненных, делает возможным принятие быстрых, эффективных и жестких решений, которые будут выполнены. Дж. Агамбен отмечал, что «приостановление права как будто бы высвобождает некую силу» [1, с. 108].

Не только на Западе, но и часто в нашей стране восприятие и оценка Советского Союза и всей его политики с конца 20-х до середины 50-х гг. было задано трудами Х. Арендт, ее концепцией тоталитаризма. Х. Арендт полагала, что тоталитаризм возможен там, где имеются «массы». Этот термин она использует для обозначения огромного количества атомизированных, нейтральных, политически равнодушных людей, которых не объединяет осознание общих интересов, у которых нет отчетливой классовой структурированности [2, с. 414].

По мнению Х. Арендт, «массовая атомизация в советском обществе была достигнута умелым применением периодических чисток». «С целью разрушить все социальные и семейные связи, чистки проводятся таким образом, чтобы угрожать одинаковой судьбой обвиняемому и всем находящимся с ним в самых обычных отношениях, от случайных знакомых до ближайших друзей и родственников» [2, с. 429]. Таким образом, террор и репрессии становятся неотъемлемым институтом тоталитаризма, конструирующим массы атомизированных, изолированных индивидов, неограниченно, безусловно и неизменно преданных партии и ее вождю. Тотальная преданность — это психологическая основа для тотального господства, которая возможна лишь «от полностью изолированной человеческой особи, которая при отсутствии всяких других социальных привязанностей – к семье, друзьям, сослуживцам или даже просто к знакомым – черпает чувство прочности своего места в мире единственно из своей принадлежности к движению, из своего членства в партии» [2, с. 430].

Анализ, проведенный Х. Арендт, признан классическим и, безусловно, объясняет важные аспекты того, почему в России и в других странах имели место тоталитарные движения, показывает связь структуры общества и тоталитаризма. Однако Х. Арендт упускает весьма существенное обстоятельство – становление диктаторских институтов в СССР проходило в условиях подготовки и ведения Великой Отечественной войны.

П.А. Сорокин со ссылкой на историю Древнего Египта, Персии, Греции, Рима, Византии, Индии, Китая,

Японии и других стран формулирует закономерность: «в странах, которые чаще остальных принимают участие в крупных войнах, даже в нормальные времена социально-политический режим был в гораздо большей степени тоталитарным, чем режим более миролюбивых стран» [9, с. 106]. Крупномасштабным войнам всегда сопутствует милитаризация и «тоталитаризация» политической, экономической и социальной сфер общества. При подготовке к войне и в условиях войны происходит сдвиг в сторону установления диктатуры и тоталитаризма, расширяется и ужесточается государственный контроль, формируется правительство, не ограниченное никакими конституционными нормами. Победа, по мнению, П.А. Сорокина, обычно достигается той страной, которая превращается в единый хорошо отлаженный механизм, в котором правительство строго управляет населением, ресурсами, идеологией. В условиях войны государство подчиняет сферы экономики, ограничивает права собственности, проявления индивидуализма. «Страна, граждане которой во время войны станут обсуждать вопрос, сражаться им или не сражаться, подчиняться или не подчиняться постановлениям правительства, приносить себя в жертву или не приносить, – такая страна, конечно, должна потерпеть поражение от противника» [9, с. 106]. Это общая закономерность.

Издержки диктатуры и ее моральная несостоятельность

Обратной стороной способности мобилизовать огромные массы на решение поставленных задач, что определило военные успехи СССР при сталинском режиме, был террор, затрагивающий большое количество граждан. От него пострадали и обычные граждане, и командный состав армии, и политическая элита, и «враждебные национальности» [10, с. 1135-1169]. Средством мобилизации и модернизации выступало насилие, а целью было сохранение страны и борьба с врагом.

Жестокость и беспощадность диктатуры как по отношению к чужим, так и к своим всегда оказывается одним из весомых аргументов не в ее пользу. В ходе войны СССР потерял более 26 млн. человек, что во много раз больше потерь других стран. Потери Красной Армии, в частности, в 5 раз превысили германские. Также и потери западных стран были несопоставимо меньшими, что во многом обусловлено безжалостностью, с которой военное командование СССР относилось к своим солдатам. Высокие потери были не только от врага во время войны, но и от репрессий внутри. Так, число этих жертв составляет около 4,5 млн человек и еще примерно 7 млн депортированных. Всего пострадавших от политических репрессий – около 12 млн человек.

Победа СССР во Второй мировой войне способствовала укреплению советской системы и распространению влияния СССР в Европе и в мировом масштабе. Благодаря гигантскому вкладу Красной Армии в победу над фашизмом в странах Восточной Европы после окончания Второй мировой войны были установлены коммунистические режимы, а социализм приобрел огромную популярность в Европе. В таких странах, как Польша, Венгрия, Болгария, Румыния и в значительной мере в Чехословакии победа Красной Армии сыграла решающую

роль в создании условий, при которых пришли к власти коммунисты. «Во многих частях Европы, наряду со стратегическими изменениями, принесенными с собой советскими вооруженными силами, изменился менталитет населения. Люди все чаще стали воспринимать социализм как более справедливый и рациональный способ организации экономики по сравнению с капитализмом. Планирование рассматривалось как панацея от превратностей рынка, способная умерить неравенство, порождаемое рыночными отношениями» [3, с. 207].

Однако все эти плюсы перечеркивались тем, что послевоенная политика СССР в восточноевропейских странах использовала сформировавшиеся в условиях войны средства и методы решения международных, государственных, политических и социальных проблем с помощью создания партийно-бюрократической диктатуры. Приход к власти и правление коммунистических партий были связаны с жестким контролем над обществом и утверждением советской модели его организации [5, с. 592]. Это сохранилось в памяти народов стран Центральной и Восточной Европы, а в последние десятилетия активно изучается историками, становится составной частью антироссийской идеологии, которая советское присутствие в этих странах обычно связывает с подавлением политических свобод и репрессиями [5, с.14-15]. Оправдание войной и чрезвычайным положением репрессий и террора, утверждение неизбежности и необходимости жертв военного насилия не встречают никакой поддержки и понимания в современном либеральном обществе. Многие граждане восточноевропейских стран, после того как в послевоенные годы им пришлось попробовать вкус диктатуры, готовы сегодня отказаться от своего суверенитета и встать в фарватере США в надежде членством НАТО обрести мир, безопасность и либеральный порядок.

Идеологические основы восприятия победы и институтов власти

Основы политической философии либерализма – утверждение идеалов пацифизма, потребительства и безопасности жизни человека, которые он ставит превыше всего. Право на сохранение жизни индивида – это неотъемлемое право человека, оно не только предшествует государству, но и определяет цель государства и границы вмешательства власти в сферу существования индивида. Из этого в дальнейшем, по мнению Л. Штрауса, выросла вся либеральная политическая доктрина [12, с. 122].

В тех странах, где господствует либеральное мировоззрение и соответствующий образ жизни, где граждане менее всего хотели бы за что-либо умирать или чем-либо жертвовать, диктаторский режим вызывает наибольшее отторжение. Жесткая советская стилистика властных отношений воспринимается как угроза там, где либерализм является общей идеологией, коллективной идентичностью, где на нем основываются ценности и институты, в центре которых – свободная личность с неотчуждаемыми правами.

Либеральная идеология оказывается привлекательной не только на Западе, но и в России. Запад всегда одним фактом своего существования составлял самую большую проблему и для коммунистических систем, и для

посткоммунистического общества, так как Западная Европа и Северная Америка способны предложить народам более привлекательные перспективы по сравнению с режимами советского типа, более высокий уровень жизни и намного больше свобод [3, с. 635]. Отсутствие убедительных альтернатив западной политической и экономической модели – это, наверно, самая большая проблема. Поскольку Россия сегодня движется в рамках той же либеральной модели, в которой Запад обладает правом первородства и потому заведомыми преимуществами, то никакие достижения нашей страны не будут признаны, если они не санкционированы гегемоном. Победа над фашизмом – это немногое из того, что Россия получила суверенным образом, то есть опираясь на созданные православием на протяжении веков ценности, идеалы служения и самопожертвования.

Победа – это несомненная ценность для всего мира. Отрицая и принижая роль СССР во Второй мировой войне, США, Великобритания, другие страны Европы приписывают победу себе, а некоторые жители этих стран вовсе не знают, что СССР воевал с Германией. Для России память о Великой Отечественной войне, героизм победителей, идеалы подвига, самопожертвования имеют исключительное значение, поскольку на них может основываться идентичность народа, историческая память, чувство причастности к героическому прошлому, гордость за страну.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Агамбен Д. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011. 148 с.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Браун А. Взлет и падение коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 864 с.
4. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период отечественной войны. М.: ОГИЗ, Государственной издательство политической литературы, 1948. 88 с.
5. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949-1953): Очерки истории. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 686 с.
6. История государственного управления в России. Издание 4-е. Под общей ред. Р.Г. Пихои. М.: Изд-во РАГС, 2009. 440 с.
7. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: первая мировая война: Исторический очерк. М.: Наука, 2002. 686 с.
8. Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М.: Росспэн, 1994. 480 с.
9. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека. Социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Изд. дом «Міръ», 2012. 336 с.
10. Тепляков А. Эпоха репрессий: Субъекты и объекты // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013. 1520 с.
11. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб,: Наука, 2005. 326 с.
12. Штраус Л. Замечания к «Понятию политического» Карла Шмитта. В кн.: Майер Хайнрих. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Изд. группа «Скименъ», 2012. 192 с.

РАЗДЕЛ II.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930 (470) “20/21”

Кучин Ю.С.
Московский государственный областной университет

СЛОВЕНЕ ИЛЬМЕНСКИЕ (НОВГОРОДСКИЕ) В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕР. XX В. – НАЧ. XXI В.

Аннотация. В статье рассматривается отечественная историография проблемы словен ильменских (новгородских). Хронологические рамки историографического обзора определены второй половиной XX в. - началом XXI в. Данный период отмечен повышенным вниманием исследователей к «словенской» проблематике. Поэтому обобщение результатов научных изысканий за указанный отрезок времени имеет актуальное значение. Автором обозначены основные вопросы и подходы отечественной историографии в освещении данной темы.
Ключевые слова: историография, восточные славяне, словене ильменские (новгородские).

Y. Kuchin
Moscow State Regional University

ILMEN (NOVGOROD) SLOVENES IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE OF THE XXTH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

Abstract. The article deals with the national historiography of the problem of Ilmen (Novgorod) Slovenes. The chronological framework of the historiographical review is defined by the second half of the XX century and the beginning of the XXI century. The period is characterized by the increased attention to the investigation of Slovenes. Therefore, the generalization of the

© Кучин Ю.С., 2015.

research results is relevant. The author determines the basic problems and approaches to the theme existing in the national historiography.
Key words: historiography, the eastern Slavs, Ilmen (Novgorod) Slovenes.

Настоящий историографический обзор[1] следует начать с констатации того, что в течение всего исследуемого историографического периода в отечественной научной литературе в отношении словен определяющей являлась славянская этническая характеристика. Вместе с тем ряд вопросов, касающихся словен, относился к числу дискуссионных: 1) происхождение словен; 2) время их расселения на восточноевропейской территории; 3) представляли ли собой словене сложившуюся этническую общность либо являлись территориальным новообразованием?

Одной из первых работ рассматриваемого периода, в которой была предпринята попытка дать ответы на эти вопросы, была монография П.Н. Третьякова «Восточнославянские племена». По мнению учёного, «археология полностью опровергает мысли …о том, что славяне очень поздно пришли …на озеро Ильмень» [26, с. 230]. Поскольку «на основании вещей, происходящих из сопок, удаётся установить, что их основная масса относится к VII-VIII вв. и что имеются сопки ещё более раннего времени – VI-VII вв.», постольку эта «группа северного славянства» «не являлась новообразованием», «вела свою историю, по крайней мере, с VI-VII вв., а может быть и с более раннего времени и восходит к верхнеднепровскому славянству I тысячелетия до н.э.», «была не только прочным политическим объединением, но и таким племенным образованием, которое приобрело ряд характерных особенностей» [26, с. 232-233]. В последующем П.Н. Третьяков скорректировал свою точку зрения и полагал возможным говорить «лишь в порядке предположения», что группировка словен образовалась «за счёт выходцев из Верхнего Поднепровья, причём в освоении северных земель в VI-VIII вв. большую роль сыграли не только отдалённые потомки зарубинецких племён, но и верхнеднепровское население, относящееся по происхождению к восточным балтам и ставшее славянским (древнерусским) в результате ассимиляции его славянами» [27, с. 284].

Иначе представлял себе историю словен М.И. Артамонов. По его мнению, на север славяне расселялись «из среднеднепровской Лесостепи». Причинами славянской миграции являлись: а) усложнение ситуации на границе с кочевниками («внешняя причина»); б) «быстро возникающее перенаселение в каждой отдельно взятой общине» («внутренняя причина»). Появление славян в Приильменье М.И. Артамонов датировал X в. [2, с. 284] [2]. Процесс переселения представлялся учёному вполне организованным и целенаправленным, а не стихийным и беспорядочным [2, с. 283]. Общность

[1] О других славянских общностях северо-запада Восточной Европы речь шла в других публикациях автора [см.: 31; 32].

[2] М.И. Артамонов считал необоснованным причисление сопок к славянским памятникам (что для ряда представителей научного сообщества служило доказательством раннего проникновения славян в Приильменье), склоняясь к мнению о балтской или финно-угорской их принадлежности [2, с. 281].

словен рассматривалась им как сформировавшаяся на территориальной основе. Близкое позиции М.И. Артамонова мнение о характере общности словен и их происхождении было высказано М.Х. Алешковским и Л.Е. Красноречьевым, полагавшими, что на Волхов пришло в X-XI вв. «не какое-то отдельное и самостоятельное племя «словен», а просто какая-то часть днепровских славян» [1, с. 69-70].

В 1950-х гг. Б.А. Рыбаков считал очень вероятным приход в древности словен на Ильмень «с юга с Дуная (?)» [17, с. 792]. О «дунайско-прикарпатском» происхождении словен писал Д.А. Мачинский. По его мнению, причины, обусловившие движение славян на север из Подунавья и Прикарпатья возникли во 2-3 четверти VII в., и, «учитывая характер славянских передвижений этого времени», словене могли появиться «никак не ранее 650 г., а вероятнее всего не ранее конца VII в.» [15, с. 47]. Д.А. Мачинский отмечал особо, что не полагает, будто бы словене «достигли северо-запада в том же составе, в каком они начали своё движение на юге, …вероятно, они захватывали по пути другие, родственные и далекие в этническом отношении группы населения, а иногда и включались в местный «этнографический контекст» [15, с. 50]. Первоначально словене, по его мнению, представляли собой «незначительную этническую группу южного происхождения» [15, с. 46], которая благодаря достигнутому уровню социально-экономического развития и постоянному притоку славянского населения с юга сумела стать «лидером в среде праславяно-балтийских, балтских и финских племен» [15, с. 51].

О «южных, дунайских корнях» словен как основных писал В.Я. Конецкий. Исследователь считает, что можно говорить о проникновении в Приильменье лишь отдельных западнославянских групп. Но «южный демографический импульс», по его мнению, «не выступает единым по своей культурной окраске», также не следует «абсолютизировать путь миграции лишь через территорию Украины», необходимо принимать во внимание и возможность «дополнительного варианта движения» – из Среднего Подунавья через южную Польшу в обход Карпатских гор с севера [10, с. 35]. Расселение славян в Приильменье к середине IX в. В.Я. Конецкий характеризовал как «рассеянное», «очаговое». «Сложный и неоднородный по истокам» характер славянской колонизации Приильменья учёный расценил как серьёзный аргумент «против размещения здесь целостного «племени» в том смысле, который обычно приписывается летописным племенам в литературе», указав на наличие контактов «с местным, финно-угорским в основе, населением, результатом чего явилось если не сложение «отдельных групп метисного населения», то формирование местных культурных особенностей, которые изживаются лишь к XI-XII вв. [10, с. 35]. Рассмотрев социальный аспект проблемы, В.Я. Конецкий приходит к выводу об одновременном функционировании в Приильменье в конце I тыс. н.э. двух типов «социально-политических структур»: а) на периферии так называемых «малых племён» [1], ко-

[1] О «малых племенах» северо-западного региона Восточной Европы В.Я. Конецкий писал ранее, определяя их археологически как «целый ряд территориальных групп населения, фик-

торые «формируются в ходе расселения и базируются не на родственной, а на территориальной основе»; б) в центральном Приильменье (Поозерье и Верхнее Поволховье) – «протогосударства». Заключением В.Я. Конецкого стало утверждение, что представление о существовании в Приильменье накануне образования Древнерусского государства «единого социального организма в виде племенного союза ильменских словен …не подтверждается фактическим материалом» [10, с. 36-38].

В отечественной научной литературе относительно направления миграции словен в Приильменье распространено мнение о существовании двух исследовательских подходов, один из которых предполагает «словенское» движение «с юга», а другой – «с запада». Авторы рассмотренных выше исследований принадлежат к сторонникам версии о «южном», в широком значении такого ориентира, пути прихода словен. Представляется, что данное понимание взглядов учёных не отражает всего спектра мнений как по маршруту «словенской» миграции словен, так и в целом по «словенской» проблематике. Предлагается определение следующих существующих в отечественной науке подходов. Один из них представлен в настоящем обзоре работами М.И. Артамонова, а также М.Х. Алешковского с Л.Е. Красноречьевым, и его можно условно назвать **«среднеднепровским»**. Подход, проиллюстрированный на примере работ Д.А. Мачинского и В.Я. Конецкого, при всех имеющихся и весьма существенных различиях в гипотезах этих учёных, можно определить как **«дунайский»**. Позиция П.Н. Третьякова, несмотря на то, что учёный не выказывал твёрдой убеждённости в её достаточной обоснованности, может быть обозначена как **«верхнеднепровская»**.

В научном сообществе нашей страны сформировался и получил признание у значительного числа исследователей подход, в основе которого лежит утверждение о близости лингвистического и археологического материала словен и «западного» славянского населения. Одним из таких исследователей был В.В. Седов, первоначально считавший, что археология не располагает сведениями «для освещения путей и деталей расселения славян в Новгородской земле», но предположивший «западное» происхождение словен [20, с. 66]. В 1989 г. В.В. Седов писал, что вопрос расселения словен по-прежнему остаётся открытым, но миграция «шла не из днепровских областей» [24, с. 12]. В 1990-х гг., признавая, что «население культуры сопок было пришлым в Приильменье», В.В.Седов склоняется к выводу, что помимо гипотезы П.Н. Третьякова и гипотезы о расселении славян в Приильменье из земель балтийских славян, «допустимо предположение, что славянская племенная группировка, известная позднее как словене новгородские, появилась на северо-западе Русской равнины в более раннее время, мигрируя в общем

сируемых по концентрации сопок на участках в несколько десятков километров и отдаленных друг от друга обширными свободными пространствами». Сам термин исследователь считал возможным употреблять при условии учёта мнения, высказанного М.И. Артамоновым, о территориальном характере славянских образований в лесной зоне Восточной Европы, которые лишь по форме соответствуют традиционным племенам [11, с. 56].

большом переселенческом потоке самого конца IV или начала V в.» [22, с. 244-245]. В обоснование своих выводов учёный обратился к результатам археологических изысканий И.В. Ислановой в Удомельском Поозерье [9] и соглашался с её выводом, что культура сопок формировалась на месте, в Ильменском бассейне, и её ядром было славянское население [22, с. 246]. Позднее у В.В. Седова: «…более вероятной ныне представляется мысль о расселении племенной группировки, создавшей культуру сопок, в большом миграционном потоке среднеевропейского населения, имевшем место в период великого переселения народов» [21, с. 161-162]. Наконец, итоговым выводом В.В. Седова по проблеме расселения словен можно считать следующее утверждение: «…предки словен ильменских появились в Поильменье в середине I тыс. н.э. в составе большого потока среднеевропейских переселенцев. Какое-то время они …островками проживали на территории культуры псковских длинных курганов, в её восточной части, сохраняя свой культурный облик» [23, с. 372]. Общность словен исследователь характеризовал как «этнографическое», «диалектное» племенное образование раннесредневекового славянства, корни которой уходят в праславянский период [21, с. 233].

Сообщение, в котором летописец «выводит из Придунавья» словен, И.И. Ляпушкин прокомментировал иначе, чем Б.А. Рыбаков в «Очерках истории СССР» [1]. По мнению И.И. Ляпушкина, «принять это летописное известие трудно», т.к. «оно как будто не находит подтверждения в других видах источников» [13, с. 16]. Учёный отмечал, что бытовые и хозяйственные комплексы «славян лесной зоны» «по своему облику ближе к одновременным памятникам западных славян». Привлёк И.И. Ляпушкин и данные лингвистики, «убедительно» указывающие на близость словен к «западным» славянам [13, с. 21]. Всё это дало ему основание утверждать, что словене переселились на территорию Восточной Европы «из районов обитания венедов» [13, с. 22, 171].

Таким образом, на основе научного материала В.В. Седова и И.И. Ляпушкина нами представлено общее понимание подхода к этнической реконструкции словен, который условно можно назвать **«западным»**.

В рамках такого подхода сформировалось и, в конечном счёте, стало определяющим мнение о происхождении словен из региона проживания балтийских славян. И здесь нельзя обойти вниманием научные работы В.Б. Вилинбахова, который, опираясь на «любопытную картину» группировки сопок (признаваемых автором древнейшими погребальными памятниками словен) вдоль водных артерий, высказал мнение, что «словены появились в Приладожье со стороны Балтийского моря, непосредственно из западнославянских земель» [4, с. 331]. В пользу этой гипотезы, считал В.Б.

[1] Необходимо заметить, что позиция Б.А. Рыбакова по вопросу происхождения словен также претерпела изменения: «Археологи предполагают, что ильменские славяне пришли с запада, с самого восточного края западнославянского региона. Это находит подтверждение в самом их имени - «сло-вене», согласно высказанному выше предположению, обозначающему «выселенцев из земли Вене» (западных венедов)». [19, с. 239-240].

Вилинбахов, свидетельствуют данные лингвистики, топонимики, этнографии и археологии.

И.П. Шаскольский критически прокомментировал выводы В.Б. Вилинбахова «о важной роли западных славян в процессе этногенеза северной ветви восточного славянства» [28, с. 127]. Также подверг критике предположение о «западном, поморском происхождении» словен П.Н. Третьяков, оценив археологическую аргументацию данной гипотезы как «слабую» [27, с. 285]. В обзоре советской исторической литературы точка зрения В.Б. Вилинбахова была прокомментирована следующим образом: «…некоторые положения автора (например, о массовом переселении западных славян в Восточную Европу…) остаются на уровне более или менее остроумных догадок» [14, с. 117]. В.Б. Вилинбахов в своём ответе П.Н. Третьякову, в свою очередь, раскритиковал предположение последнего о верхнеднепровском происхождении словен и утверждал, что «нет ничего невероятного в факте возможного появления балтийских славян в районе устья Волхова» [5, с. 298]. В 1980 г. выходит статья В.Б. Вилинбахова по историографии проблемы этногенетических связей балтийских славян и населения Руси [6], которую в определённом смысле можно назвать итоговой для автора. О миграции балтийских славян было сказано, что она «не носила массового характера, охватывая сравнительно небольшие группы населения», растянулась на несколько веков (VIII – первая половина XI вв.), что «расселение переселенцев носило ограниченный, локальный характер» [6, с. 80]. Среди причин миграции, помимо «главной «торговой», были названы натиск Каролингской империи, результатом которого стало сокращение территории проживания балтийских славян, а также «быстрое разложение родо-общинного уклада» [6, с. 81]. Выводом В.Б. Вилинбахова стало утверждение об убедительности гипотезы, «что выходцы с балтийско-славянского Поморья приняли участие в формировании славянского населения Новгородской земли» [6, с. 84]. Во многом благодаря настойчивости В.Б. Вилинбахова в советской исторической науке сформировался подход к происхождению словен, который условно можно именовать **«славяно-балтийским»**. Последующий историографический перечень точек зрения относится к такому подходу.

В пользу предположения о морской миграции славянского населения на северо-запад Восточной Европы из западнославянского Поморья высказывался Г.С. Лебедев [3, с. 77, 80]. В противовес ему Д.А. Мачинский и И.П. Шаскольский полагали, что «гипотеза эта …базируется на немногих, совсем случайных языковых и археологических аргументах и не может приниматься всерьез» [16, с. 290-291]. Нельзя сказать, что это замечание изменило взгляды Г.С. Лебедева. В изданной посмертно монографии, представляющей собой работу, «аккумулировавшую» основные научные выводы учёного, Г.С. Лебедев, характеризуя археологические памятники – поселения Любша и «первоначальный Изборск на Труворовом городище», пишет, что они «были, вероятно, пограничными форпостами славянства в этом ареале, хотя не исключено, что именно это – первые укреплённые поселения славян, как предполагал сорок

лет назад В.Б. Вилинбахов, проникших из Юго-Западной Балтики… в Причудье и Повеличье, и по Неве через Ладожское озеро к Волхову…» [12, с. 477]. В то же время Г.С. Лебедев, подчёркивая «среднеевропейское происхождение славянского населения Любши» и тесную связь «с западными славянами Балтийского Поморья», считает необходимым отметить и связи «со славянами и «кривичами» Верхнего Поднепровья, и с более отдалёнными славянскими землями Подунавья» [12, с. 461]. К особенностям позиции Г.С. Лебедева по «словенской» проблематике следует отнести предложенное им понимание этногеографической картины «Повести временных лет», согласно которому в данном письменном источнике представлены два племени словен: «словене-полочане и словене-новгородцы» [12, с. 417]. Полоцк, по его мнению, «…изначально также относился к числу «княжений» словен…» [12, с. 440]. В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский рассматривают словен как ту часть славян, которые пришли в Восточную Европу «западным» путём «через земли «ляхов» …и Литву (из южной Прибалтики?)» [18, с. 169]. П.П. Толочко считает, что накопленные археологические данные «свидетельствуют о массовом проникновении в пределы Северной и Северо-западной Руси пославянского населения». Вместе с тем, по мнению учёного, не исключаются и другие пути «проникновения славян на север», и, «… видимо, на севере Руси в VIII-IX вв. встретились два колонизационных потока – южный и западный» [25, с. 112]. А.А. Горский заключает, что был «довосточноевропейский период жизни предков новгородских словен» в регионе балтийских славян, предположив, что «часть ободритов, не желая подчиниться власти Восточнофранкского короля, переселилась в Поволховье» [7, с. 89]. По мнению учёного, «переселение в Поволховье балтийских славян имело место главным образом в короткий отрезок времени в середине IX в., после того как славянская общность ободритов …была подчинена Восточнофранкским королевством…» [8, с. 89]. Появление «предков словен» в Приильменье А.А. Горский датировал 3-й четвертью I тыс. н.э., однако, «складывание словен как этнополитического образования», «оформление этнополитической общности с самоназванием словене» – IX в., «после слияния «южной» и «западной» группировок» [8, с. 89]. Среди других представителей исторической науки нашей страны, придерживающихся мнения о происхождении словен из ареала балтийских славян, необходимо упомянуть известного исследователя новгородских древностей В.Л. Янина [29; 30].

Итак, несмотря на кажущуюся простоту этнической характеристики словен и общее признание их славянства, говорить о хотя бы относительном единстве подхода к решению задачи реконструкции генезиса словен в отечественной исторической науке не приходится. Ответы на обозначенные в начале настоящей статьи дискуссионные вопросы находились у представителей научного сообщества нашей страны разные, хотя во многих случаях имеющие в своей основе одни и те же исторические и археологические данные.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Алешковский М.Х. Красноречьев Л.Е. О датировке вала и рва Новгородского острога // Советская археология. 1970. № 4. С. 54-73.
2. Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3. С. 271-290.
3. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники древней Руси IX-XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ 1978. 150 с.
4. Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о теории А.Стендер-Петерсона // Скандинавский сборник. VI. Таллин, 1963. С. 323-336.
5. Вилинбахов В.Б. По поводу некоторых замечаний П.Н. Третьякова // Советская археология. 1970. № 1. С. 294-298.
6. Вилинбахов В.Б. Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 79-84.
7. Горский А.А. К вопросу о происхождении славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвящённый члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову. М.: Издание Паломнического центра Московского Патриархата, 2005. С. 83-94.
8. Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
9. Исланова И.В. Этнокультурные процессы в Удомельском Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Выпуск 8. 1994. С. 18-23.
10. Конецкий В.Я. Социальная организация населения Приильменья и формирование коренной территории Новгородской земли в конце I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Выпуск 9. 1995. С. 31-41.
11. Конецкий В.Я. Центр и периферия Приильменья в IX-X веках: особенности социально-политического развития // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Выпуск 8. 1994. С. 49-64.
12. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
13. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Материалы и исследования по археологии СССР. № 152. Л.: Наука, 1968. 187 с.
14. Мавродин В.В., Мавродина Р.М., Фроянов. И.Я. Некоторые вопросы внешней торговли и политики Древней Руси в новейшей советской исторической литературе // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 116-128.
15. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981. С. 31-52.
16. Мачинский Д.А., Шаскольский И.П. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники древней Руси IX-XI вв. Л., 1978. // Советская археология. 1982. № 2. С. 288-291.
17. Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III-IX вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 947 с.
18. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 416 с.
19. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 589 с.
20. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 326 с.

21. Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 317 с.
22. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.
23. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 624 с.
24. Седов В.В. Формирование восточнославянской народности // КСИА. Выпуск 198. 1989. С. 10-15.
25. Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии): Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1990. С. 99-121.
26. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 311 с.
27. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука, 1966. 307 с.
28. Шаскольский И.П. Рецензия на «Скандинавский сборник». V, VI, VII // Вопросы истории. 1964. № 11. С. 125-128.
29. Янин В.Л. Археология и исследование русского средневековья // Вестник Российской Академии Наук. Т. 70. 2000. № 10. С. 918-923.
30. Янин В.Л. Крещение Новгорода и христианизация его населения // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. Сборник тезисов. М.: Наука, 1987. С. 61-63.
31. Кучин Ю.С. Проблема этнической идентификации кривичей в отечественной историографии сер. XX – нач. XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 4. С. 5-14.
32. Кучин Ю.С. О «полочанах» и «смолянах» в отечественной историографии сер. XX в. – нач. XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 4. С. 20-25.

УДК 930.2:329.728(470.332)"19/21"

Королев С.В.
Смоленский региональный исполнительный комитет
Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ 90-Х ГГ. XX В. – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI В.)

Аннотация. В настоящей статье на впервые вводимых в научный оборот архивных материалах рассматривается история создания смоленского регионального отделения Всероссийской общественно-политической молодежной организации «Молодая Гвардия Единой России» (МГЕР). На примере Смоленской области показана роль архивов в описании и анализе деятельности современных молодежных движений, в частности тех, которые поддерживают правительственный курс и активно участвуют в жизни региона. Использованы документы юридического характера, годовые планы работ организации, паспорта региональных молодежных программ и другие материалы.
Ключевые слова: Архивные источники, общественно-политические молодежные движения, Смоленская область, история регионального отделения «Молодой Гвардии Единой России».

S. Korolev
Smolensk Regional Executive Committee of the Party "United Russia"

ARCHIVE MATERIALS AS THE SOURCES FOR STUDYING THE ACTIVITIES OF SMOLENSK REGIONAL PUBLIC-POLITICAL YOUTH ORGANIZATIONS (LATE 90^{s} OF THE XX CENTURY – THE FIRST DECADE OF THE XXI CENTURY)

Abstract. The present article, introducing for the first time into scientific circulation the relevant archive materials, considers the history of foundation of the Smolensk section of the All-Russia public-political youth organization "Young Guard of United Russia (YGUR)". Exemplified by Smolensk region the role of archives in the description and analysis of the activities of the contemporary youth movement is demonstrated, in particular, those which support the government's course and actively participate in the life of the region. The article uses the documents of legal character, annual plans of the organization work, passports of regional youth programs and other materials.
Key words: archive materials; public-political youth movements; Smolensk region; the history of the regional section of the "Young Guard of United Russia".

Период 90-х гг. XX в. – начала XXI в. для России стал переломным во всех сферах жизни, и это связано, в первую очередь, с распадом СССР, ликвидацией КПСС как правящей партии, обра-

© Королев С.В., 2015.

зованием многочисленных общественно-политических партий и движений с разноплановой идейной направленностью. Страна стала на путь демократических преобразований.

Успешное реформирование России возможно только при активном участии молодежи в возрасте от 16 до 30 лет – почти четверти ее населения. В условиях современного российского государства сформировались новые поколения, отличающиеся от молодежи советского периода своими духовно-нравственными и общественно-политическими предпочтениями, ценностями, относительной самостоятельностью в принятии жизненно важных решений [1, с. 244-245].

Значимость работы с молодежью признают ведущие политические партии. С начала 90-х гг. XX в. они начали создавать свои молодежные организации в различных субъектах РФ.

Особый интерес для исторического исследования представляет изучение деятельности молодежных объединений на уровне региона, так как именно в регионах можно конкретно проанализировать качественно-количественную структуру этих объединений, динамику их становления и развития в различные временные периоды. Исследование истории молодежного движения Смоленской области проводится впервые [2].

Обратимся к анализу материалов Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО), позволяющих подробно рассмотреть деятельность партий и общественно-политических молодежных организаций в Смоленской области. Образованные после распада КПСС российские политические партии разрабатывают программные документы для своих молодежных движений. Такие документы присутствуют в партийной делопроизводственной документации. Эти документы, особенно 90-х гг., публиковались в партийной печати, частично рассылались в региональные отделения политических партий и хранятся в архивных фондах этих партий: Ф. 2776 (Смоленская областная организация «Российское Христианское демократическое движение» (РХДД)); Ф. 2792 (Смоленское региональное отделение (далее – СРО) политической партии «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР)); Ф. 2800 (СРО Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия»); Ф. 2801 (СРО общественно-политического движения «ВЫБОР РОССИИ»); Ф. 2805 (Смоленское областное отделение политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ)); Ф.2806 (СРО общероссийской политической общественной организации «Свободные демократы России»); Ф.2808 (СРО Общероссийского общественного движения «Народно-патриотической союз России» (НПСР)); Ф. 2816 (СРО общероссийской политической организации – партии «Единство»); Ф. 2819 (СРО политической парии «Аграрная партия России»); Ф. 2826 (СРО политической партии «Российская объединенная демократическая партия "Яблоко"»).

Молодежные движения свою документацию на архивное хранение сдают в ограниченном количестве. Архивные материалы представлены только в трех фондах: Ф.2785 (Смоленская областная общественная организация «Смоленская областная организация Россий-

ского Союза Молодежи» (РСМ)); Ф. 2822 (СРО Общероссийской общественной организации «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации» (СКМ РФ)); Ф.2840 (СРО Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» (МГЕР)). Архивные материалы представлены только до 2009 г. Изучение деятельности региональных молодежных движений является достаточно сложным из-за того, что отсутствует практика обязательной сдачи в госархив документации – это сдача является добровольным делом. Отсутствуют материалы о финансово-хозяйственной деятельности организаций, документы личного характера (анкеты лидеров и пр.), что затрудняет исследование.

В основном в фондах имеется различная партийная документация о молодежной политике, уставы и манифесты молодежных организаций, материалы периодической печати разных политических направлений: с начала 90-х гг. XXв. хранятся многочисленные вырезки из смоленских газет («Рабочий путь», «Смена», «Смоленские новости» и др.), газеты в районах области («Вести Привопья», «Рославльская правда») и др.

Следует указать на хронологические рамки исследования: оно охватывает период с 1991 по 2009 гг. Это период ликвидации СССР и становления России как суверенного государства, развивающегося на демократической основе. Его можно представить в виде двух временных срезов: 1991 – 2000 гг. и 2000 – 2009 гг.

В 90-е гг. XX в. параллельно с формированием политических партий, начинающих привлекать молодежь для реализации своих идейных платформ, и параллельно с распадом комсомола зарождаются первые общественно-политические молодежные движения, которые следует отнести к самым истокам альтернативных молодежных движений и организаций. Их становление и деятельность связаны с начальным этапом формирования нового российского общества.

С 2000 г. начинает осуществляться государственная молодежная политика. Происходит реорганизация молодежных движений: некоторые из них распадаются, переформируются, а также образуются новые, что отражает эволюцию как общего развития молодежного движения, так и его роли в становлении российского демократического государства. В 2009 г. заканчивается формирование нормативно-правовой базы для осуществления государственной молодежной политики как в целом в Российской Федерации, так и в регионах. 18 сентября 2008 г. Указом № 1383 Президента РФ Д.А. Медведева 2009 год был объявлен Годом молодежи.

К числу самых мощных действующих общероссийских общественных молодежных организаций относится «Молодая Гвардия Единой России» (МГЕР), которая является молодежным крылом партии «Единой России».

Создание МГЕР прошло несколько этапов.

«Молодая Гвардия» – прямой преемник общероссийской общественной организации «Молодежное Единство», которая возникла как широкомасштабное молодежное движение при партии «Единство» в апреле 2000 г. [4, с. 67-75]. 1 декабря 2001 г. партии «Единство» и «Отечество – Вся Россия» объединились в политическую

партию «Единая Россия»; было решено объединить также «Молодежное Единство» с «Молодежным Союзом Отечества», сохранив прежнее название. С 2003 г. в состав «Молодежного Единства» вошла «Армия содействия «Единой России»» (Асы) [3; с. 164-172]. В 2005 г. «Молодежное Единство» прошло ребрендинг – возникло молодежное движение «Молодая Гвардия». Так как это движение официально принадлежит партии «Единая Россия», оно получило название «Молодая Гвардия Единой России». Его отделения имеются во всех регионах страны.

Покажем на примере, как можно проследить историю создания Смоленского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» по материалам ГАНИСО (фонд 2840).

Первый документ, свидетельствующий об образовании «Молодежного Единства», относится уже к 9 сентября 2000 г., т.е спустя четыре месяца после образования организации в Москве. Принят Устав «Молодежного Единства», избран региональный политсовет, намечен план работы на 2000-2001 гг.[1]

Далее документы свидетельствуют о росте организации, о расширении ее отделений в районах области. Если в сентябре 2000 г. региональное отделение было образовано только в Смоленске и насчитывало всего 23 человека[2], то на 7 апреля 2001 г. численный состав составил уже 70 человек, мужчин 43, женщин 27, все учащиеся и студенты, возраст 18 – 30 лет, членов партии 8 человек, 4 отделения по Смоленской области[3]. На 17 октября 2002 г. отделений «Молодежного Единства» существовало уже 10. Членов молодежной организации насчитывалось уже 216 человек[4].

Документы архива свидетельствуют, что «Молодежное Единство» проводило активную работу среди молодежи Смоленской области и среди ее жителей в целом. Акции носили разнообразный характер; приведем примеры мероприятий 2001 – 2003гг.: концерт-акция «Мы – за Единую Россию»; акция «Задумайся» против наркотиков среди школьников; серия детских конкурсов «Мы за мир!»; патриотические акции среди молодежи «Нам продолжать историю» и т.д.[5] В 2003 г. была образована пресс-служба «Молодежного Единства» в Смоленске, которая широко стала освещать деятельность организации в средствах массовой информации[6].

После ребрендинга и образования «Молодой Гвардии Единой России» появился новый устав организации, утвержденный 15 ноября 2005 г., который был разослан во все региональные отделения[7]. Региональное отделение

[1] Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 2840. Оп.1. Д. 1. Устав «Молодежного Единства», утвержденный 9 сентября 2000 г. Лл. 1-28.

[2] Там же. Л. 21.

[3] ГАНИСО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 7. Сведения о количественном и качественном составе членов регионального отделения «Молодежного Единства» на 7 апреля 2001 г. Л. 1.

[4] ГАНИСО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 16. Сведения о количестве молодежных организаций на 17.10. 2002. Л. 1.

[5] ГАНИСО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 12. Статьи о деятельности регионального отделения за 2001-2003 гг. 20 л.

[6] ГАНИСО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 21. Статьи о деятельности «Молодежного Единства» за 2003 г. Л. 1.

[7] ГАНИСО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 28. Устав «Молодой Гвардии Единой России». 18 л.

прошло государственную регистрацию в соответствии с Федеральным Законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» 13 марта 2006 г.[1] И, наконец, 11 февраля 2006 г. состоялась конференция регионального отделения «Молодежного Единства» – «Молодой Гвардии Единой России», на которой были приняты и утверждены все изменения в организации,я и с 13 марта 2006 г. начинается активная деятельность новой, преобразованной организации[2]. Отметим, что на 1 января 2009 г. существовало 23 местных отделения МГЕР[3].

В архиве хранятся паспорта региональных программ МГЕР за 2008 г., которые отражают направления работы организации: «Я – строитель»; «Я – гражданин»; «Я – власть»; «Я – выбираю»; «Я – рупор»; «Я – будущее»; «Я – против»; «Я – люблю»[4]. Как видно из названий, нет такой области жизнедеятельности, которая бы не была охвачена проведением различных акций и мероприятий. Одно из главных направлений – героико-патриотическая работа, а также организация и проведение выборов различного порядка. Численность организации на 1 января 2009 г. – 3240 человек (для сравнения: на конец 2007 г. в МГЕР состояло 2680 человек[5]).

2009 годом заканчивается пока что документация фонда «Молодой Гвардии Единой России»: очевидно, еще не прошли обработку сданные позднее документы.

Стоит отметить, что при отсутствии архивных документов как источники можно использовать интернет-ресурсы. На интернет-сайте МГЕР можно проследить текущую деятельность организации, а также деятельность организации за предыдущие 5 лет. В основном на сайте регионального отделения МГЕР (http://smolensk.mger2020.ru) находятся сведения информационного характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Козлова О.Н. Молодежь России в 90-е годы // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 246–256.
2. Королев С.В. Молодежные движения и организации в Российской Федерации и их деятельность в Смоленской области (1991–2009 гг.). Автореф. … канд. ист. наук. Брянск, 2013. 26 с.
3. Мухин А.А. Поколение 2008: наши и не наши. М.: Изд-во «Алгоритм», 2006. 256 с.
4. Савельев В.А. Горячая молодежь России. Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты. М.: ООО «Кванта», 2006. 288 с.

[1] ГАНИСО. Ф. 2840. Оп.1. Д. 37. Свидетельство о государственной регистрации МГЕР и документы к нему. 9 л.

[2] ГАНИСО. Ф. 2480. Оп.1. Д. 56. Отчет о деятельности регионального отделения МГЕР за 2008 г., в котором кратко воссозданы изменения в организации. Л. 1.

[3] Там же. Л. 2.

[4] ГАНИСО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 54. Паспорта региональных проектов МГЕР за 2008 год. 25 л.

[5] ГАНИСО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 49. Отчет о деятельности регионального отделения за 2007 год. Л. 7.

Отечественная история

УДК 930

Мозжегоров А.Б.
Московский государственный областной университет

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МАНИФЕСТА «ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА» ОТ 1 ЯНВАРЯ 1810 г.

Аннотация. В настоящей статье автор попытался произвести исследование Манифеста «Образование государственного совета» от 1 января 1810 года и показать процесс возникновения Государственного совета Российской империи, а также порядок его формирования и деятельности в период правления Александра I. Автор на основе историко-правового анализа попытался определить правовой статус Государственного совета, показать его место в системе органов государственной власти в период правления Александра I. В статье отмечаются положительные и отрицательные стороны создания Государственного совета, а также показаны позиции современников по поводу плана преобразований органов государственной власти в начале XIX в.
Ключевые слова: Российская Империя, Александр I, Негласный комитет, Государственный совет.

A. Mozzhegorov
Moscow State Regional University

THE RISE OF THE RUSSIAN EMPIRE'S STATE COUNCIL. THE HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE JANUARY, 1 1810 MANIFESTO "FORMATION OF THE STATE COUNCIL"

Abstract. In the present article the author makes an attempt to research the January 1, 1810 Manifesto "Formation of the State Council" and to show the way the State Council of the Russian Empire developed, as well as the order of its formation and its activity in the period of Alexander I's governing. On the basis of historical and legal analysis the author tries to define the legal status of the State Council, to show its place in the system of state power during the period of Alexander I's governing. The article mentions advantages and disadvantages of developing the State Council. Besides, the contemporaries' points of view on the reorganization of the state organs at the beginning of the XIXth century are shown.
Key words: the Russian Empire, Alexander I, Private Committee, State Council.

© Мозжегоров А.Б., 2015.

12 марта 1801 г. на Российский императорский престол взошел Александр I Павлович. Первая половина правления Александра I прошла под знаком умеренно-либеральных реформ, разработанных в образованном им неофициальном совещательном органе «Негласном комитете»[1]. В это время перед Императором стояла непростая задача – сохранение самодержавия, уменьшение народного недовольства и предотвращение революционного взрыва. Вступив на престол, Александр I первым делом, отменил целый ряд законов, введенных его отцом [4, с. 167]. 5 апреля 1801 г. Указом «Наказ Совету» (далее по тексту – Указ) Александр I создает официальный государственный орган Непременный совет, отмечая, что «Совет есть место, учреждаемое при Нас для рассуждения и уважения дел государственных». По смыслу указа Императора Непременный совет был учрежден только для рассмотрения законодательных вопросов, но с самого начала его деятельности на рассмотрение его «по особым Высочайшим повелениям» вносились и судебные дела, а с 1804 г. они составляли даже главный предмет его деятельности.

Понимая со временем необходимость реформирования Непременного совета, императором Александром I был издан Манифест от 1 января 1810 года, который имел название «Образование Государственного совета» [5, с. 61-78] (далее по тексту – Манифест). Образование Государственного совета было одним из элементов программы преобразования системы органов государственной власти в России, разработанной М.М. Сперанским, который стал в последующее время Государственным секретарем.

По своей структуре текст Манифеста состоит из преамбулы и двух отделений. Первое отделение именовалось «Коренные законы Государственного совета», которое в точности повторяет главные начала, содержащиеся в преамбуле. Второе отделение – Особенные учреждения Государственного совета — делилось на восемь подразделений, содержащих постановления об устройстве Совета, о церемонии его заседаний, о предметах его ведения, о порядке их производства, об особенном порядке рассмотрения законов, о формах издания постановлений и об установлениях, к Совету принадлежащих.

Государственный Совет являлся высшим законосовещательным органом Российской империи. Первое заседание Государственного совета, на котором Манифест был обнародован, пришлось на 1 января 1810 г. Обнародование Манифеста было поручено М.М. Сперанскому. Также на первом заседании Государственного совета был объявлен список членов Государственного совета, наименование Председателя, Государственного секретаря, Статс-Секретарей и их помощников и расписание дней «Присутствия» [1, с. 58]. В этот же день Император Александр I вручил председателю Государственного совета проект первой части Гражданского уложения и план финансов. Затем были объявлены члены Государственного совета, которые были

[1] Сам же Александр I называл его «Комитетом общественного спасения». В этот неофициальный совещательный орган входили друзья ранней молодости императора: граф П. Строганов, князь В. Кочубей, граф Н. Новосильцев п князь А. Чарторыйский

приведены к присяге. На этом первое заседание Государственного совета было закрыто.

Необходимость создания Государственного совета была описана в преамбуле Манифеста следующим образом: «…Совет издавна занимал важное место. В начале своем он был временным и переходящим. Но при вступлении нашем на престол, наименовав его Государственным, мы тогда же предназначили дать ему в свое время образование, свойственное публичным установлениям». Непосредственное указание на данное положение можно рассматривать как юридическое закрепление Государственного совета в системе органов государственной (публичной) власти Российской империи.

Манифест определял цель создания Государственного совета как утверждение и распространение единообразия и порядка в государственном управлении. Также в преамбуле Манифеста были сформулированы принципы (главные начала) организации и деятельности этого государственного органа, которые полностью повторяли первое отделение Манифеста. В общем виде принципы организации и деятельности можно свести к следующим:

1) члены совета назначаются на должность и увольняются с нее исключительно Императором;

2) все решения в Государственном совете принимаются исключительно большинством голосов;

3) все основные вопросы рассматриваются в Государственном совете и только через него докладываются Императору;

4) проекты всех законов, указов, уставов, новых учреждений рассматриваются Государственным советом;

5) никакой закон, устав, учреждение «не исходит из Совета и не может иметь совершения без утверждения верховной власти».

Основную задачу, которую преследовало создание Государственного совета, Манифест определяет следующим образом: «в порядке государственных установлений Государственный совет составляет сословие, в коем все части управления, в главных их отношениях к законодательству, соображаются, и через него восходят к Верховной Императорской власти» [7, с. 223].

Предварительному рассмотрению и одобрению государственного совета подлежали все законопроекты до утверждения их Императором, причем безразлично, были ли они составлены по инициативе самого Императора или же государственных установлений. Но компетенция Государственного совета в делах законодательных не ограничивалась только рассмотрением законопроектов. Его же рассмотрению должны были подлежать, за некоторыми исключениями, дела об изменении законов, их дополнении, а также о толковании имеющихся норм права.

Помимо вопросов, касающихся законодательства Российской Империи, рассмотрению Государственного совета подлежали и дела административные, которые в общем виде можно свести к нескольким группам:

1) общие внутренние меры;

2) важнейшие хозяйственные вопросы;

3) дела по части контроля за административными органами.

Компетенция Государственного совета по делам судебным была самой малой, по сравнению с законодатель-

ными и административными сферами деятельности. Объяснить это можно прежде всего тем, что, во-первых, Государственный совет создавался для рассмотрения законодательных вопросов, а, во-вторых, для рассмотрения дел судебных существовал другой орган государственной власти – Сенат. Однако Государственному совету было предоставлено право в особых случаях принимать жалобы на решения Сената, поступавшие в комиссию по принятию прошений. К судебной функции Государственного совета относились также следствия, производимые им по донесениям, возбуждавшим ответственность министров.

Государственный совет по своей структуре состоял из общего собрания, Государственной канцелярии, департаментов и постоянных комиссий. Кроме того, при нём действовали различные временные особые совещания, комитеты, присутствия и комиссии.

Государственный совет возглавлял Председатель. Согласно Манифесту Председателем Государственного совета являлся император. В случае же отсутствия императора его место занимает один из членов Государственного совета, назначаемый императором. В круг основных полномочий Председателя входили открытие и закрытие заседаний Государственного совета, определение дел, подлежащих рассмотрению, охрана надлежащего порядка рассмотрения дел, объявление принятого решения по делу и его подписание.

Государственный совет при Александре I состоял из четырех департаментов, возглавляемых Председателями:

1. Департамент законов, первым председателем которого стал граф П. В. Завадовский. Рассматривал законопроекты в области административно-территориального устройства Российской империи, судопроизводства, налогообложения (в том числе целесообразности введения новых налогов), существенных реформ государственного аппарата, проекты положений и штатов отдельных государственных учреждений, промышленных, финансовых и торговых обществ и общественных организаций. Иными словами, в компетенцию Департамента законов входило все то, что по существу своему составляло предмет того или иного закона.

2. Департамент дел военных, под председательством графа А.А. Аракчеева. Рассматривал вопросы военного права; комплектования и вооружения русской армии; создания центральных и местных учреждений военного ведомства; средствах для обеспечения его хозяйственных и иных нужд; сословных и служебных правах и привилегиях лиц, причисленных к военному ведомству, их судебной и административной ответственности.

3. Департамент дел гражданских и духовных, возглавляемый светлейшим князем П.В. Лопухиным. Рассматривал дела духовного управления: формы и порядок судопроизводства; толкование и применение в судебной практике отдельных статей гражданского и уголовного законодательства, а также доктринальных положений; возведение в дворянство и лишение такового, дела о присвоении титулов; дела имущественных спорах, об отчуждении недвижимого имущества; об учреждении новых епархий и приходов православных, а такжеиных вероисповеданий.

4. Департамент государственной экономии. Департамент занимался вопросами финансов, промышленности и народного просвещения. Рассматривал законопроекты, связанные с развитием экономики, государственных доходов и расходов, отчеты государственных банков, вопросы налогообложения, предоставления привилегий отдельным акционерным обществам, дела по изобретениям. Председателем этого департамента стал Н.С. Мордвинов.

Помимо департаментов, в Государственный совет входили постоянные комиссии. К таковым относятся:

1) Комиссия составления законов;

2) Комиссия по принятию прошений.

Комиссия составления законов в свою очередь состояла из Сословия юрисконсультов, Правления и Совета Комиссии. Совет комиссии составления законов был высшей инстанцией и состоял из членов, назначавшихся императором, который и утверждал его постановления. При комиссии находилась библиотека.

Комиссия по принятию прошений была учреждена для принятия жалоб, связанных с деятельностью органов государственной власти, и прошений, которые подавались на имя императора.

Все дела поступали в Государственный совет только через Государственную канцелярию на имя возглавлявшего ее государственного секретаря. В круг обязанностей государственного секретаря входило отражение точности сведений, предлагаемых Государственному совету, а также надлежащая ясность их изложения. Также в круг его обязанностей входило изготовление всех исполнительных документов по журналам Совета.

Порядок поступления дел, их рассмотрения и принятия по ним решения в департаментах регламентирован § 31-41 Манифеста. После поступления дела в Государственную канцелярию оно передается на рассмотрение соответствующего департамента. Решение по какому-либо делу принимаются большинством голосов. Запись о принятом решении вносится в соответствующий журнал. Члены, не согласные с большинством, имели право на особое мнение. Особое мнение должно было быть представлено в течение недели с момента принятия решения. Особое мнение оформлялось членом как отдельный документ и в оригинале прилагалось к журналу. Журналы подписывались Председателем департамента, а затем членами по старшинству. После рассмотрения дел в департаментах они передавались на утверждение (уважение) общего собрания, за исключением дел, «заключавших в себе изъяснения точного разума существующих законов и приложение их к частным случаям и не предполагающие нового закона, устава или учреждения, ни отмены прежних постановлений или дополнения их», которые передаются на усмотрение Императора.

Рассмотрение и принятие решений по делам на общем собрании подчиняется принципу устности. Рассмотрение дела на общем собрании начинается с его доклада. Доклад осуществляется председателем того департамента, которым дело было рассмотрено по существу, путем зачитывания его материалов. Согласно правилу, уста-

новленному § 46 Манифеста, чтение никем не прерывается до самого его окончания.

По окончании прочтения материалов дела председатель департамента давал необходимые объяснения и ставил вопросы, необходимые для непосредственного рассмотрения. Государственный секретарь обладал правами дополнения или повторения выступления председателей департаментов, объяснения приложений, находящихся в деле. Каждый член Государственного совета мог требовать пояснения или повторения любых вопросов, которые представляются ему неясными.

Председатель Государственного совета руководил процессом обсуждения дел. Он должен был следить за последовательностью процесса, нашедшей свое отражение в формуле «один вопрос после другого». Также Председатель Государственного совета должен был следить за тем, чтобы не происходило отклонений от поставленного вопроса.

После обсуждения дела по всем поставленным вопросам Председатель Государственного совета прекращал обсуждение, запрашивал мнения и ставил их на голосование. После голосования он объявлял мнение набравшее большинство голосов, и это мнение считалось принятым и вносилось в соответствующий журнал. Члены Государственного совета, не согласные с большинством, могли подать особое мнение, которое было приложением к записи в журнале.

Несмотря на то, что мнение большинства членов Государственного совета считалось принятым, на практике имелись и исключения, когда Император рассматривал как мнение меньшинства, так и мнения вообще отдельных членов Государственного совета, выбирая наиболее близкое ему. Также в силу «высочайшего повеления» мнения могли быть переданы в Государственный совет на повторное рассмотрение.

Необходимо отметить, что образование Государственного совета при Александре I в русском обществе вызвало неоднозначную оценку. Часть общества, в лице его наиболее выдающихся представителей, выразила неприязненное отношение к Государственному совету. Так, например, Трощинский Д.П. указывал на недостатки, складывающиеся в отношениях между Государственным советом и министерствами. Так, он указывает на то, что с образованием Государственного совета законодательные вопросы не только не получили гармонии и единства, как это предполагалось, но и стали, наоборот, еще менее сосредоточенными, нежели ранее. Главным недостатком в установленной Манифестом системе, по мнению Трощинского Д.П., являлось то, что министры получили право испрашивать по любому вопросу, в обход Государственного совета, непосредственно указы от Императора. Он особо отмечал, что «…министрам присвоена была слишком большая власть в законодательных делах и Государственный совет не имеет над ними надлежащего контроля» [2].

Другим противником преобразования системы органов государственной власти в общем и создания Государственного совета в частности, был Карамзин Н.М. В качестве главной ошибки государственных деятелей своего времени Карамзин Н.М. отмечал создание новых государственных учреждений – Государственного сове-

та и различных министерств. По этому поводу он отмечал, что «Умный Макиавелли советовал при переменах в государственных учреждениях сохранять для народа привычные названия; мы же, сохраняем вещь, меняем имена. Новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданности произвола [3, 420]. Следует также отметить, что он выступил противником учреждения Государственного совета как публичного образования, т.к. видит в нем умаление верховной императорской власти.

Несмотря на различное отношение к Государственному совету со стороны выдающихся деятелей того времени, его учреждение составило определенный этап в истории развития государственных учреждений в России. Конечно, Государственный совет имел свои недостатки, но в свете проводимых реформ органов государственной власти его создание было огромным шагом вперед. По этому поводу Сперанский М.М. в своем Отчете в делах 1810 г., представленном императору Александру I, отмечал: «Но сколь далеко еще отстоит установление сие от совершенства! При сем составе Совета нельзя, конечно, и требовать, чтоб с первого шагу поравнялся он в правильности рассуждений и в пространстве его сведений с теми установлениями, кои в сем роде в других государствах мы видим. Недостаток сей не может, однако же, быть предметом важных забот. По мере успеха в прочих политических установлениях и сие учреждение само собою исправится и усовершится. Нужно только вести его единообразно и неослабно» [6]. Учреждение Государственного совета позволило построить последовательный и системный законотворческий процесс, который в сочетании с кодификацией российского законодательства обеспечивал нормальное развитие Российской империи. Прежде всего, обеспечивался тот необходимый и достаточный уровень унификации и эффективности управления, утрата которого ставила под угрозу распад всех государственных институтов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даневский П.Н. История образования Государственного совета в России. СПб., 1859. 166 с.
2. Ивановский В. Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию №5 1895 года №11 1896 года. [Электронный ресурс]. URL: http://allpravo.ru/library/doc117p/instrum2817/ (дата обращения: 22.12.2014).
3. История политических и правовых учений: Учебник для вузов. Изд. 3-е, доп. / Под ред. докт. юрид. наук, проф. О.Э. Лейста и докт. юрид. наук, проф. В.А. Томсинова. М.: Изд-во «Зеркало», 2009. 584 с.
4. Мир русской истории. Энциклопедический справочник. М.: Вече, 1997. 608 с.
5. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. Отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.
6. Сперанский М.М.. Отчет в делах 1810 г., представленный императору Александру I [электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_otchet_v_delah_1810.html (дата обращения: 21.12.2014).
7. Хрестоматия по истории России: учеб. пособие /авт.сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М.: ТК Велби, Из-во Проспект, 2008. 592 с.

УДК 348.71

Грабко М.Е.
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)

ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПРИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация. В статье на основании архивных материалов рассматриваются основные составляющие и особенности церковной жизни на промышленных предприятиях Московской губернии, анализируется значение деятельности Церкви в рабочей среде. В конце XIX в. при развивающихся крупных промышленных комплексах по инициативе Русской Православной Церкви и фабричной администрации строятся храмы и часовни, устраиваются молельные комнаты. Существование на фабриках традиционной церковной жизни позволяло смягчать разрыв между городом и деревней, а также положительно влияло на разрешение трудовых конфликтов и нравы рабочих.
Ключевые слова: Русская Православная Церковь, «рабочий вопрос», духовенство, богослужение, социальная история.

M. Grabko
St. Tikhon`s Orthodox Humanitarian University, Moscow

ORGANIZATION OF CHURCH LIFE AT INDUSTRIAL ENTERPRISES OF MOSCOW PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Abstract. In the article, based on archive materials, the principal components and features of church life in industrial enterprises of Moscow province are under study. In the late XIX century on the initiative of Russian Orthodox Church and factory administrations churches and chapels were built, prayer rooms within large industrials complexes were organized. Traditional church life at the factories helped to mitigate the gap between urban and rural areas, and had positive impact on the resolution of labor disputes and mores of the workers.
Key words: Russian Orthodox Church, «labour issue», priesthood, divine service, social history.

Российская индустриализация второй половины XIX в., развитие революционной пропаганды, активная секуляризация, разрушение традиционно-крестьянского мировоззрения фабрично-заводских рабочих – все это приводило к углублению их религиозной индифферентности. Данная статья посвящена религиозной стороне жизни фабрично-заводских рабочих Московской губернии конца XIX – начала XX вв., что имеет актуальное значение для исторической реконструкции социокультурного пространства дореволюционной России. Указанный вопрос нуждается в специальном рассмотрении, поскольку был лишь фрагментарно затронут в отечественной историографии [20; 23; 24; 26; 28].

Источниками для статьи послужили документы Духовной консистории

© Грабко М.Е., 2015.

и Департамента полиции, хранящиеся в Центральном историческом архиве г. Москвы и Государственном архиве Российской Федерации. В работе также использованы сведения церковной печати и труды Промышленных съездов, позволяющие комплексно охарактеризовать заявленную проблему.

Развитие промышленности сопровождалось формированием крупных производственных предприятий, при которых складывался социально-бытовой комплекс, состоявший из жилых домов, больницы, аптеки, родильного дома, школы, библиотеки, училища. Не оставались без попечения и религиозные нужды рабочих, что выражалось в строительстве церквей, больничных храмов и часовен [3, с. 372; 7, с. 433][1]. В предпринимательской среде под влиянием традиционно православного мировоззрения была в определенной мере укоренена идея ответственности за богатство и связанная с ней практика общественного служения, на основании чего формировалась культурно-религиозная составляющая фабрично-заводского пространства.

Практика организации церковного пространства складывалась под влиянием личной инициативы фабричного руководства, а также основывалась на донесениях фабричных инспекторов, которые с 1890 г. собирали сведения о необходимости сооружения храмов при фабриках и заводах, расположенных в малонаселенных прежде местностях. Они, согласно всеподданнейшему отчету Святейшего Синода, «входили в сношение с духовным ведомством о безотлагательной постройке при означенных заведениях» [1, с. 41].

На IV Всероссийском торгово-промышленном съезде 1896 г., проведенном по инициативе Министерства финансов, при обсуждении вопросов трудового процесса и потребностей рабочих, отмечалось: «Говоря о посещении рабочими церкви и о влиянии на человека общественных богослужений, зависящих, прежде всего, от совершителей, то есть духовенства, мы не можем не указать на роль фабрики с ее часто многотысячным населением и нередко большими материальными средствами на возвышение благолепия церковного» [15, с. 398]. Церковь воспринималась как место, где рабочий мог «опомниться, освежиться, почувствовать свою грязь» [16, с. 64], устройство на фабриках храма «заметно благотворно влияло на нравы фабричного люда» [2, с. 19].

Все церковные постройки содержались за счет правлений фабрик, ими же оплачивалось годовое содержание духовенства и хора[2]. Нанимая отдельно священнослужителей для фабричных треб, администрация, помимо выплаты годового содержания, оплачивала также квартиру, ремонт в ней, отопление и освещение, предоставляя в сельской местности гужевой транспорт[3]. Для фабричного руководства служащим духовенством составлялись специальные отчетные ведомости о продаже свечей, суммах по тарелочным сборам и совершению треб [12, с. 189][4]. Стоит отметить наиболее крупные церковные постройки, появивши-

[1] Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 478. Д. 23. Л. 1.

[2] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 51.; Ф. 203. Оп. 483. Д. 20. Л. 10; Ф. 203. Оп. 478. Д. 23. Л. 1; Ф. 203. Оп. 468. Д. 2. Л. 1.

[3] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 619. Д. 20. Л. 16.

[4] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 50; Ф. 203. Оп. 694. Д. 23. Л. 4.

еся с 1880 г. на многолюдных фабриках Московского промышленного района. Такими стали: Богородско-Глуховская мануфактура с двумя церквями на территории фабричного комплекса; Ивановская суконная фабрика Цуриковых с приписной Успенской церковью; Покровская (Ляминская) мануфактура с Троицким трехпрестольным храмом на пять тысяч человек, который не был приписан к мануфактуре, поскольку должен был стать приходским еще для пяти сел [6, с. 366]. Храмы были построены при 18 из 53 предприятий Московской губернии с численностью рабочих и служащих более 1000 человек, что составило 34 %, рабочие же остальных 66 % были приписаны к приходам, ближайшим к фабрично-заводскому комплексу. В церковных учетно-статистических книгах уездные фабричные рабочие обозначались как «иноприходные, мастеровые и служащие, проживающие при фабрике» или «временно проживающие сторонние люди», составляя отдельно выделенную категорию приходского населения. В условиях интенсивной индустриализации Москвы работники крупных предприятий, приписанных к храму, в клировых ведомостях могли также обозначаться просто как «крестьяне»[1], что, вероятно, объясняется восприятием городского духовенства фабричных рабочих лишь как сезонных работников, сохранявших связь с деревней.

Митрополит Московский Владимир (Богоявленский) в своем отзыве по вопросу о церковной реформе отмечал особенности городской приходской жизни, условия которой представляли сложности в наблюдении за посещаемостью рабочих и определении «своих» прихожан: «Там пастырь не знает даже, где предел его прихода и кто его прихожанин. Прихожанином считается тот, кто приходит в церковь за какой-либо требой, и только тогда, когда приходит, а ушел он – вместе с тем и перестал быть прихожанином» [9, с. 231]. В развивавшихся индустриальных центрах зачастую не существовало точного описания границ приходов, вследствие чего при определении географии церковной единицы «довольствовались только некоторыми указаниями, имеющимися в клировых ведомостях» [1, с. 41]. Учет прихожан-рабочих в условиях Москвы, где число жителей за 30 лет (в 1872–1902 гг.) увеличилось на 95% (с 602 000 до 1 174 675 человек) [10; 11], действительно, осуществлялся сложно, что приводило к географической условности приходских единиц. В фабрично-заводской промышленности Москвы работало 193 тыс. человек, а вместе с пригородными поселками – 209, 2 тыс. [19, с. 125], состав рабочих менялся в зависимости от сезона. Определить «своих» прихожан для духовенства не представлялось возможным.

Один из священников, корреспондент «Церковного вестника», отмечал особые сложности церковного служения в условиях развивавшегося города: «Чем больше город, тем больше в нем экономических контрастов, тем труднее священнику объединить своих прихожан в одну семью, ... внушить им убеждение, что все ведь мы одинаковые дети одного Небесного Отца» [17, с. 197]. Как вспоминал Н.П. Розанов: «Насмешкой звучали обращения священников к собравшимся в церкви

[1] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2545. Л. 169; Д. 2587. Л. 12; Ф. 2127. Оп. 1. Д. 206. Л. 2.

людям – «братия»: братьев никаких не было, а были разные классы общества, которые даже и места для стояния в церкви имели разные» [[Цит по: 21, с. 39]. Церковная общественность признавала непростое положение приходского священника в городе, указывая на бо̲льшую степень ответственности в служении: «Современный пастырь иначе должен говорить простым землепашцам, иначе фабричным рабочим, иначе суетливой городской черни, иначе богатым торговцам…» [17, с. 98].

Формы церковной жизни «рабочих приходов» не отличались от традиционной практики организации православного прихода. Прихожане-рабочие полноценно участвовали в церковной жизни своего храма: прислуживали во время богослужений, пели в церковном хоре, помогали в организации крестных ходов[1]. В заводских храмах практиковалось всенародное богослужебное пение, в котором участвовали все присутствовавшие на службе. Однако следует отметить, что преимущественный состав прихожан храма повлиял на формирование некоторых особенностей церковной жизни фабрично-заводских окраин.

При фабриках возникали свои собственные традиции совершения молебнов и крестных ходов в честь определенных праздников и событий. Сельские приходы отличались особой активностью в устройстве крестных ходов, «установленных рабочими по особому усердию и религиозному своему расположению»[2]. Так, в селе Купавна Богородского уезда, где располагался Докторовский химический завод, крестные ходы совершались 11 раз в году в честь особо почитаемых местных святых (преп. Сергия Радонежского, свв. Стефана Махрищского, Саввы Звенигородского и др.), икон (например, Тихвинской Божией Матери), Двунадесятых праздников, полевых работ («насаждение древ»), а также в память об избавлении от французов и холеры[3].

Нередко традиционные поводы устройства крестных ходов дополнялись случаями бездорожья, безведрия и эпидемий. Около 20 % всех крестных ходов, разрешенных в Московской епархии, приходились на торжества, устроенные по инициативе крупных фабрик, таких, как: Садковская фабрика Демина (1500 рабочих), фабрика Рабенек (450 рабочих), Ляминская мануфатура (1800 рабочих) и др. [18, с. 76][4]. Практически каждая фабрика устраивала церковные торжества в день памяти святителя Николая, который считался покровителем заводского дела. Обязательным церковным событием для сельских и городских фабрик был молебен, традиционно устраиваемый в начале сезонных сельскохозяйственных работ [12, с. 189; 4, с. 271][5], что являлось показателем сохранения связи с деревней большинства рабочих – крестьян-отходников.

Городские фабрики, наряду с расположенными в сельской местности, также имели свои традиции паломничества и крестных ходов. Крупнейшая в Москве Даниловская мануфактура (5 400 рабочих) [13, с. 7] устраивала паломничество во Владимирскую женскую общину, находившуюся в 30 верстах от фабрики в с. Филимоновка.

[1] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 545. Д. 3. Л. 6.
[2] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 3202. Л. 69.
[3] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 547. Д. 23.
[4] ЦИАМ. Ф. Ф. 203. Оп. 744. Д. 3202
[5] ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 81.

Шествие обычно составляло несколько тысяч человек. Рабочими по подписке покупалась жертвуемая в общину церковная утварь: подсвечники, лампады, восковые свечи и украшения для икон [5, с. 288].

Сами владельцы фабрик устраивали молебны по различным поводам: «молебен при паровике», «поновление икон на ситцевой фабрике» [25, с. 18; 12, с. 189], «при этом кропили и людей, и станки, и товар, и даже лошадей из конного парка» [22, с. 83]. Особой торжественностью отличались молебны, приуроченные к запуску фабричных станков: «на эти молебны приглашались певчие, давался гудок. В тех отделах, где нужно было пускать машины, последние подготовлялись, но не пускались до тех пор, пока не пройдет священник и не окропит святой водой. Как только певчие запоют "Спаси, Господи, люди твоя", поп опускает крест в воду; в этот момент снова дается гудок, и машины пускают на холостой ход. После этого поп кропит святой водой машины и всех рабочих. И лишь затем пускают товар…» [22, с. 72]. Во время Пасхальных каникул на фабриках проводилась остановка техники и профилактические осмотры станков. Запуск машин свидетельствовал об окончании Пасхальной седмицы и начале летнего периода работ, что всегда особо праздновалось на предприятиях [27, с. 75].

Религиозная инициатива рабочих распространялась на возможность устройства молебнов по собственному желанию, но при согласовании с администрацией. Фабричные служащие собирали добровольные пожертвования, а выбранный староста с разрешения начальства приглашал священника и диакона[1]. На молебен допускались также рабочие других фабрик и заводов[2]. О церковных требах через полицейского пристава заранее уведомлялось Охранное отделение, как, например, сообщалось в одном из донесений пристава: «Завтра 7 июля в 9 часов утра на заводе Дютруа по примеру прошлых лет по случаю престольного заводского праздника по инициативе рабочих будет молебствие с крестным ходом вокруг завода»[3]. Отчеты полицейских приставов, присутствовавших при совершении молебнов, указывают на довольно высокий уровень посещаемости рабочих. Так, на заводе «Шварцкопф» по официальному донесению на такой молебен пришло 125 человек из 197 [14, с. 9][4]. На территории цеха гильзовой фабрики «Бостанжогло» 12 марта 1905 г. из 1550 рабочих собралось 1200 человек для панихиды по павшим в войне с Японией и на молебен о даровании победы.

Революционные события 1905 г. нашли отражение в самостоятельных религиозных инициативах фабричных рабочих. Так, 15 из 352 рабочих московской фабрики жестяных изделий «Банакер» отправились к священнику Лефортовской церкви с просьбой отслужить панихиду по рабочим, погибшим в Санкт-Петербурге в ходе Кровавого воскресенья, в чем им было отказано[5]. «Московский листок» в 1905 г. разместил информацию о том, что ра-

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р–7952. Оп. 3. Д. 271. Л. 141, 301 об.; Д. 272. Л. 61; Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 88, 165.

[2] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 1.

[3] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 25, 165.

[4] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 14.

[5] ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 13.

бочие Прохоровской фабрики через пристава Пресненской части обратились к московскому градоначальнику с ходатайством разрешить им молебствие по случаю окончания мятежных беспорядков [8, с. 2].

Религиозная активность самих рабочих в рамках церковно-приходских отношений реализовывалась в деятельности трезвеннических союзов и обществ хоругвеносцев. Церковное руководство с осторожностью относилось к таким инициативам, исходившим именно от рабочих, опасаясь возможного негативного влияния фабричных работников на приходские дела. При ближайшем рассмотрении подобных прошений, поступавших в Московскую консисторию, в некоторых случаях оказывалось, что не все из подписавшихся под прошением об организации самостоятельного союза лица безупречного поведения, а «пребывание их на фабрике временное и едва ли прочное»[1].

Так, будущий священномученик Константин Голубев, занимавший должность Богородского благочинного, установил, что в условиях крупнейшей Богородско-Глуховской мануфактуры «местные крестные ходы и без общества совершаются весьма стройно и чинно», объясняя инициативу создания общества желанием рабочих «освободиться от влияния и контроля церковного старосты, сдерживающего инстинкты, … и хозяйничать в делах церковных»[2]. Священнослужители в таком случае оказывались в сложной ситуации, решаемой в частном порядке епархиальным руководством: рабочие привлекались к приходской деятельности, однако их участие в церковных союзах строго контролировалось во избежание самовольных действий[3].

Таким образом, можно говорить о складывании к началу XX в. особого типа церковного прихода, обусловленного социальным составом прихожан и формированием собственных церковных традиций, связанных с основными этапами производства.

Необходимость церковного присутствия и организация богослужебной жизни в фабричных районах признавались как светской, так и церковной властями, а также промышленниками, сотрудниками фабричной инспекции и самими рабочими. Патерналистская политика российских предпринимателей способствовала церковной активности на предприятии, что представлялось средством к смягчению трудовых конфликтов. Контроль за церковными инициативами рабочих осуществлялся администрацией предприятия и полицией, что говорит о повышенном внимании к религиозно-нравственной составляющей «рабочего вопроса».

Стоит отметить, что обустройство традиционной церковной жизни через организацию крестных ходов, молебнов, обществ хоругвеносцев сглаживало в условиях промышленных окраин социокультурный разрыв между городом и деревней. Появление практики завершения стачки благодарственным молебном при непосредственной инициативе рабочих было, в некоторой степени, церковным новшеством – знаком времени, в котором молебны воспринимались рабочими как символ стабильности и мирной жизни.

[1] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 545. Д. 3. Л. 7.

[2] Там же. Л. 7.

[3] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 607. Д. 27. Л. 18.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники:

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1890–1891 гг. СПб., 1893. 235 с.
2. Двадцатипятилетие Глуховского начального училища на фабрике компании Богородско-Глуховской мануфактуры (1870–1895 гг.). Историческая записка, составленная заведывающим Глуховскими, Министерства народного просвещения, училищами, священником Богородского Богоявленского собора А.Ф. Каптеревым. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1895. 40 с.
3. Московские церковные ведомости. 1875. № 43.
4. Московские церковные ведомости. 1893. № 20.
5. Московские церковные ведомости. 1895. № 30.
6. Московские церковные ведомости. 1895. № 39.
7. Московские церковные ведомости. 1895. № 45.
8. Московский листок. 1905. № 341.
9. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 1906. Т. 3. 591 с.
10. Перепись Москвы. 1882 г. Вып. 2. Население и занятия. М., 1885. 420 с.
11. Перепись Москвы. 1902 г: Население г. Москвы (без пригородов) по занятиям, вероисповедания и родному языку. М., 1906. Ч. 1. 227 с.
12. Русское богатство. 1903. № 9.
13. Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губернии. Отдел промышленности Министерства торговли и промышленности / Сост. фабричными инспекторами Московской губернии. М., 1916. 190 с.
14. Фабрики и заводы Москвы и ее пригородов: Адресная и справочная книга. М., 1904. 426 с.
15. Федоров С.А. О воскресном отдыхе // Труды высочайше утвержденного торгово-промышленного съезда 1896 года в Нижнем Новгороде. Т. 3. Вып. 5. Улучшение быта рабочих. СПб., 1897. С. 397–411.
16. Церковный вестник. 1905. № 3.
17. Церковный вестник. 1905. № 4.
18. Шрамченко А.П. Справочная книжка Московской губернии. М.: Губ. тип., 1890. 420 с.

Литература:

19. Васильев В. Численность, территориальное размещение, состав фабрично-заводского пролетариата Центрального района России в эпоху империализма // Пролетариат Центрального промышленного региона в 1907 – феврале 1917 гг.: Межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т им. Первого в России Иван.-Вознес. общегор. Совета рабочих депутатов. Иваново: ИвГУ, 1984. 176 с.
20. Зорина К.И. Частное пространство городского рабочего в кон. XIX – нач. XX века // Экономическая история. 2002. № 8. С. 101–105.
21. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.
22. Как мы жили при царе и как живем теперь. М., 1937. 82 с.
23. Канфер Е. Повседневное общение рабочих на предприятии и за его воротами: Прохоровская мануфактура и завод Гужона в конце XIX – нач. XX вв.// Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 141–163.
24. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб.: Изд-во "Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ", 1997. С. 55–77.
25. Лапицкая С. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М.: История заводов, 1935. 195 с.

26. Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту». Трудовая этика российских рабочих // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. М., 1999. С. 272–280.
27. Обычаи фабрично-заводских рабочих Европейской России, связанные с производством и производственным отношениями (конец XIX – начало XX вв.) // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 73–90.
28. Фирсов С.Л. Рабочие и Православная Церковь в России в начале XX века // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб.: Изд-во "Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ", 1997. С. 327–340.

УДК 352.075.2(470–25)"19/20"

Шумейко И.Н.
Московский государственный областной университет

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В МОСКВЕ И РОЛЬ КНЯЗЯ В.М. ГОЛИЦЫНА В ЕГО РАДИКАЛЬНОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX вв.

Аннотация. В статье рассматриваются результаты деятельности князя Владимира Михайловича Голицына, московского городского головы (1897–1905) и руководимой им Московской городской думы, в сферах: городского хозяйства, совершенствования стиля управления городом, делового этикета в Москве на рубеже XIX–XX вв.
На основе не опубликованных ранее архивных материалов анализируются изменения социально-политической обстановки в московской деловой и политической элитах, преодоление патриархальных традиций городского управления в Москве. Автор приходит к заключению, что период управления В.М. Голицына Москвой стал своеобразным университетом для московских управленцев новой формации.
Ключевые слова: Московская городская дума, Московский городской голова, городское самоуправление, патриархальные, купеческие традиции управления.

I. Shumeiko
Moscow State Regional University

MUNICIPAL GOVERNMENT OF MOSCOW AND PRINCE V.M. GOLITSYN'S ROLE IN ITS RADICAL CHANGES AT THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES

Abstract. The article discusses the results of Prince Vladimir Mikhailovich Golitsyn's activities as a mayor of Moscow (1897-1905) and of the Moscow City Duma headed by him. The author analyses their activities in such spheres as: municipal services, improving the style of city management, business etiquette in Moscow at the turn of the XIX-XX centuries.
On the basis of previously unpublished archival materials the author analyzes the main changes in social and political situation in business and political elites of Moscow, as well as the way the patriarchal traditions of governing the city of Moscow.
The author concludes that Prince V.M. Golitsyn's governing period became a kind of university for Moscow managers of the new formation.
Key words: the Moscow City Duma, Moscow mayor, municipal government, patriarchal and merchant traditions of governing.

Изучение результатов деятельности князя Владимира Михайловича Голицына, московского вице-губернатора, губернатора, московского городского головы (1897–1905), почетного гражданина Москвы (одного из 12 удостоенных этого звания до революции), а также условий, в которых проходила эта его деятельность, представляет зна-

© Шумейко И.Н., 2015.

чительный научный и общественный интерес. Рассмотрение особенностей политической и хозяйственной жизни Москвы на рубеже XIX–XX вв, сложившегося стиля управления городом, менталитета представителей городской элиты позволяет оценить важность и масштаб перемен в этих сферах, связанных в значительной мере с личностью и особенностями руководства князя Владимира Михайловича Голицына.

В новейшей отечественной историографии проблема радикальных перемен в Москве рубежа XIX–XX вв. стала предметом ряда работ, в которых положительно оценивается деятельность московского городского головы князя Владимира Михайловича Голицына по созданию в Москве абсолютно новой инфраструктуры, включая канализацию, электростанции, телефонных линий, электрического трамвая.

Для объективной оценки деятельности князя В.М. Голицына необходимо учесть, что Москва к середине XIX века фактически была бедным городом. Конечно, московские дворцы, дворянские и купеческие усадьбы, храмы, монастыри, примеры известного «московского хлебосольства» дают другую картину. Но богатый город, по уровню благосостояния значительной части *населения* до середины XIX в. не имел понятия вообще о необходимости городского хозяйства. В сфере жизнеобеспечения московские помещики, монастыри были связаны не с городским хозяйством, а с деревнями, им принадлежавшими. Купечество, городское население в целом также более всего ценили «самообеспечение».

Интересно, что эти традиции пережили и 1917 г., сохранившись в опоре на т.н. «подсобные хозяйства» городских промышленных предприятий, «дачи» населения. Москва к XIX в. имея отнюдь не самое бедное население, была единственным крупным городом Европы, не имевшим газового освещения, канализации. Улицы – преимущественно немощеные. Эта констатация позволяет точнее оценить роль городского головы князя В.М. Голицына и двух – трех его предшественников, совершивших за 30-40 лет в определенном смысле революцию в городском хозяйстве и менталитете москвичей.

В 1863–1916 гг. городской бюджет вырос с 1.718.985 до 70.037.000 рублей [6, с. 194], рост почти 41-кратный! А население Москвы за этот период выросло с 251.600 до 1.817.000 чел. – 5-кратно.

За время службы (апрель 1897 – октябрь 1905 г.) на должности, традиционно занимаемой в XIX веке представителями преимущественно московского купечества, князь В.М. Голицын не только поднял уровень руководства Московской городской думой, Московской управой, всем московским городским хозяйством, но дал пример нового стиля управления. «После городского головы Алексеева с его бурно-пламенной и кипучей деятельностью, после делового и формально подтянутого управления Рукавишникова... князь Голицын давал новый и своеобразный тип головы в Москве» [1, с. 250].

Один из лидеров группы гласных, оппозиционных князю Голицыну, Н.П. Вишняков отмечал: «Если бы раньше враги самоуправления желали, как можно ниже уронить его, они не могли бы лучше достигнуть цели, как избрав князя Голицына в городские головы»[1].

[1] Центральный государственный архив го-

Причина подобного неприятия заключалась в непривычности стиля работы, руководства князя В.М. Голицына. Московское купечество, традиционно поставлявшее кандидатов, рассматривало управление городом сквозь призму управления своими купеческими предприятиями. Личное вхождение во все детали деятельности управляемого объекта, личный непосредственный ежедневный контроль понимались ими как основа непременное свойство правителя. «В 1870–1880-е гг. все городские головы, за исключением Б.Н. Чичерина, принадлежали к купечеству» [4, с. 18].

Большинство даже самых крупных московских купцов конца XIX в. за два поколения до этого имели в качестве «управляемого объекта»: лавку, магазин. Например, купцы Лямины: в конце XVIII в. они торгуют вразнос (близко к офеням), в 1820-х – купцы 3-й гильдии, а в 1870-е – Иван Артемьевич Лямин – один из ведущих российских промышленников, «текстильный магнат» и в 1871–73 гг. Московский городской голова. Т.е. «заветы дедов» многие представители деловой элиты города слышали лично, и в такой консервативной среде, как московское купечество, это имело большое значение. Другого управленческого опыта они просто не видели, и городское хозяйство Москвы управлялось такими же патриархальными методами.

Характерны в этом смысле и свидетельства по поводу одного из значительных членов его управленческой «команды Голицына», Николая Ивановича Астрова. Коллега, напутствуя его на вступление в эту должность, говорил: «Князю Голицыну нужна помощь. Он хороший, но слабый. Ему будет трудно… хорошо, что ты станешь Секретарем Московской Думы, да еще при мягком Голицыне» [1, с. 244].

И действительно, весь период руководства князя В.М. Голицына городской секретарь Астров пользовался большим авторитетом. Воспоминания его дают картину своеобразной «мобилизации сил» в связи с избранием князя В.М. Голицына. «Н.К. фон Вендрих был старый судья и давний гласный Гор. Думы… Этот-то Вендрих и настаивал на том, чтобы я шел в Думу. Его главный аргумент был: «нужно помочь Князю» [1, с. 246].

Т. е. и среди сторонников имеют хождение эпитеты «слабый, мягкий» – отражение тогдашнего общественного сознания, хорошо знакомого с противоположными эталонами, «силы и твердости».

Характерна картина заседаний Московской городской думы при Н.А. Алексееве, одном из предшественников князя Голицына, добившегося выдающихся результатов в Москве, однако представителя патриархального стиля руководства. Гласный В.И. Герье вспоминал: «Жадаев возражает по свойственной ему привычке возражать на все предлагаемое в Думе... Говорил он очень бегло, но малограмотно и чрезвычайно рьяно. Однажды, когда он напустился на очередной управский доклад, городской голова, властный и энергичный Алексеев, показал ему над столом свой веский кулак»[1].

О стиле отношений с подчиненны-

рода Москвы Центр хранения документов до 1917 года (далее: «ЦГА Москвы» — ЦХД до 1917 г.). Ф.1334. Оп. 1. Д. 15. Л. 46.

[1] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: ОР РГБ). Ф. 70. К. 32. Д. 4. Л. 7.

ми говорят выдержки из письма, полученного Н.И. Астровым от «одной почтенной бывшей служащей Московской управы М.П. Ватсон… уже в эмиграции писала мне (3-го марта 1922 г.): «Когда мы переходили во вновь выстроенное здание Думы, я от служащих услыхала, что Н.А. Алексеев, устраивая новоселье, выразился так: "Надо же эту сволочь (служащих) напоить шампанским". И служащие пошли на это новоселье. Этот факт необычайно характерен для того времени» [1, с. 255].

Отношение к городским служащим начало меняться только с приходом в Думу князя В.М. Голицына и Н.И. Астрова, которые относились к подчиненным «как равный к равному». Свидетельство внуков князя В.М. Голицына: «дедушка был аристократом не только внешним обликом, но и по духу. Однажды он был с визитом у какого-то богача – выскочки, и, сидя в кресле во время беседы, нечаянно уронил носовой платок. Он нагнулся, собираясь его поднять, но хозяин остановил, позвонил в колокольчик, вызвал лакея. Дедушка говорил, что настоящий аристократ никогда бы не стал в таком случае звонить лакею, а нагнулся бы и поднял сам… В дедушке не было ни на копейку чванливости, столь характерной и для тогдашних выскочек и для современных «главнюков» *(в данном случае автор «Записок…» С.М. Голицын в 1970-х годах сравнивает стиль поведения своего деда уже и с современными ему руководителями – И.Ш.)*. Он запросто и со вниманием разговаривал с любым человеком, но тот всегда чувствовал расстояние между собой и дедушкой и держался подтянуто» [3, с. 56].

Дополнительная иллюстрация «слабости, мягкости» и «силы, твердости», в тогдашних представлениях, свидетельство гласного С.В. Бахрушина – уже об Н.И. Астрове: «Он был слишком вдумчив, слишком тонок, слишком глубок для будничной работы... человек нежной и мечтательной души, хрупкий, как цветок»[1].

Заметен даже почти комический эффект от нарастания подобных характеристик: «мягкому, слабому» городскому голове в усиление послан «еще более мягкий, нежный и хрупкий» городской секретарь. Но упрекаемый ими в «мягкости, нежности» Николай Иванович Астров в действительности являлся достойным управленцем, в свою очередь избранным на пост московского городского головы 28 марта 1917 г. А в годы Гражданской войны он – член Правительства Юга России А.И. Деникина (должность в то время, *мягко выражаясь,* – мало совместимая с качествами, выше приписываемыми Н.И. Астрову).

Если совместить обилие подобных характеристик князя В.М. Голицына и Н.И. Астрова, с вышеприведенными свидетельствами о, например, Н.А. Алексееве («Алексеев был самодур невероятный», – Н.П. Вишняков[2], «Грубый, дерзкий», – В.И. Герье[3]) – можно убедиться: в действительности имела место определенная «революция» стиля управления, прошедшая в период руководства князя Голицына. И многочисленные характеристики по обе стороны от указанного хронологического

[1] ЦГА Москвы — ЦХД до 1917 г. Ф. 1334. Оп. 1 Д.2. Л.11.

[2] ЦГА Москвы — ЦХД до 1917 г Ф. 1334. Оп 1. Д. 15. Л.45 об.

[3] ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Д. 4. Л. 15.

барьера (до и после «голицынского» периода), не столько неверны, сколько – относительны.

Н.А. Алексеев многими воспринимался «грубым, необузданным» – относительно князя Голицына. И наоборот: князь Голицын «мягкий, слабый» – на фоне стиля Алексеева. Для иллюстрации общественного восприятия этого социального слоя, московского купечества, можно вспомнить даже героев многих пьес А.Н. Островского, чтобы представить: *отсутствие чего именно* так смущало и сторонников, и противников князя В.М. Голицына. Личный жесткий контроль, грубость, порой рукоприкладство и т.д.

Подобный исторический, диалектический подход помогает правильно понять даже такие свидетельства, как бывшей служащей Московской управы. Может показаться, что её коллеги – люди абсолютно без чувства собственного достоинства, раз приняли приглашение, сделанное в *«такой»,* столь унизительной форме! Но с учетом радикальных перемен «голицынского периода» становится понятно, что ранее, «до Голицына», выражения, подобные алексеевскому, воспринимались – не как персональные оскорбления, а скорее, как отражение старых, «купецких» стандартов общения.

При всем этом именно князь Голицын продолжил работу Алексеева: использовал практику предшественника по использованию облигационных займов, завершил строительство и пустил в эксплуатацию городскую канализацию.

Но для полноты картины правящей элиты Москвы важно отметить не только отношения в купеческой среде, Московской городской думе и Управе, но и показать их в связи с другим социальным слоем: высшим дворянством. Ведь в первой половине XIX в. московское городское управление и городской голова были послушными исполнителями приказов губернаторов, генерал-губернаторов, которые видели в городском голове подчиненного им чиновника (10 класс по Табели о рангах), а не представителя выборной власти.

«Отсюда бесцеремонность… откровенная грубость по отношению к тем, кто занимал выборные должности. Так, генерал-губернатор А.А. Закревский в разговоре с купцами назвал городского голову К.А. Кирьякова дураком; тому ничего не оставалось, как в знак протеста подать в отставку с формулировкой «по болезни» [4, с. 14].

Эту тенденцию подтверждает еще более характерный случай 19 марта 1873 г., приведший к отставке городского головы Ивана Артемьевича Лямина, который в то же время был одним из крупнейших организаторов российской текстильной промышленности, автором нескольких важных инноваций. (Например, он первым наладил и применил в значительных масштабах на своих фабриках в Московской губернии производство торфяных брикетов, практически показав возможность сохранения подмосковных лесов, бывших до этого единственным источником топлива.) И кроме всего сказанного, И.А. Лямин был еще и известным в России меценатом, крупным публицистом славянофильского направления. И вот, деятель такого уровня, но из купеческого сословия, — на приеме у губернатора П.П. Дурново получил выговор в самой грубой форме за надетые им белые брюки, якобы не совместимые с

мундиром чиновника 4-го класса. Запись в дневнике князя В.М. Голицына отражает ироническую сторону ситуации (возможно, воспроизводя тон тогдашних газетных публикаций по этому поводу): «В итоге… возбудившийся мундирный вопрос оставил Москву без головы»[1].

Разумеется, что с городским головой – князем Голицыным ни один генерал-губернатор не мог себе позволить подобного тона. А дополнительным аргументом являлся еще и тот факт, что один из лучших и наиболее знаменитых генерал-губернаторов в истории Москвы был князь Дмитрий Владимирович Голицын, известный в числе главных героев Отечественной войны 1812 г., командир кирасирского корпуса в сражении при Бородино. А также – и восстановитель города после Пожара 1812 года, управлявший Москвой более 24 лет и получивший высший в империи титул «светлейший», высший в России (вне учета титулов лиц царствующей фамилии).

Такое соединение авторитета княжеского рода, к которому он принадлежал, и личных управленческих качеств князя В.М. Голицына, кроме вышеуказанных перемен, сыграло свою роль еще и в фактической реализации принципа всесословности городского самоуправления, провозглашенного еще императрицей Екатериной Второй.

Несколько лет работы князя Голицына, достижение им зримых объективных результатов… и тот же гласный Н.П. Вишняков накануне новых выборов городского головы отмечает: «Дело идет само собой… быть может, лучше, если городской голова оставляет дела идти своей колеей, ибо его инициатива частенько сводится к самодурству при российской необузданности»[2].

Важное признание, тем более из группы, оппозиционной князю Голицыну, включавшую Н.Н. Щепкина и обоих братьев Н.И. и А.И. Гучковых. Впервые опубликованные автором архивные материалы свидетельствуют, что, например, в период борьбы с «Аферой Балинского» московский гласный А.И. Гучков, будущий лидер Партии октябристов и безоговорочный авторитет и лидер для своего брата, Н.И. Гучкова (который сменит князя Голицына на посту Московского городского головы), был верным соратником князя Голицына.

Свои богатые практические достижения администратора князь Голицын подкрепляет важным теоретическим замечанием, спустя почти двенадцать лет после отставки: «Наши русские деятели, начиная с чиновников, не умеют вкладывать данное им дело, или «делопроизводство», в определенные, ему принадлежащие границы, почему все они перегружены работой. Притом большая половина этой работы совсем не нужна собственно для их дела, их задач, должности, а является каким-то привходящим элементом. Нечего говорить о том, что исправление любой должности у нас всегда сопровождается всякого рода подробностями, его отравляющими, как то: интригами, трениями с соседними ведомствами и с другими должностными лицами. Все служащие и служившие это знают, но не сознаются в том» [2, с. 16–17].

В январе 1901 г. на новых выборах городского головы Н.П. Вишняков, го-

[1] ОР РГБ. Ф. 75. К.1. Д. 3. С. 189. Запись 30 января 1873 г.

[2] ЦГА Москвы — ЦХД до 1917г. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 15. Л. 78.

лосует за князя В.М. Голицына: «Он самый подходящий из всех кандидатов, хотя совсем не идеал!»[1].

Т.е. московские политические и экономические лидеры постепенно понимают: рост масштабов, усложнение московского городского хозяйства требует других управленческих приемов, системного подхода. Своеобразный «переход количества в качество». Достичь таких результатов князю В.М. Голицыну помог и набор его личных качеств, и знакомство с лучшими примерами западноевропейских городских хозяйств, и его математическое образование, системный подход, выявление логических связей, умение абстрагироваться от второстепенных частностей, «конкретики», столь ценимой купечеством.

Еще два важных качества современного управленца продемонстрированы князем В.М. Голицыным в период работы на должности городского головы: 1) умение сформировать свою слаженную команду; 2) умение работать с оппозицией. «Прочным положением в Думе Голицын был обязан своему окружению. Товарищем городского головы служил при нем бывший член Управы И.А. Лебедев, необыкновенно трудолюбивый человек, в совершенстве знавший городские дела» [6, с. 178].

Благоприятной в конечном итоге оказалась для князя В.М. Голицына и роль оппозиции, которая сложилась в городской думе из окружения бывшего городского головы Рукавишникова, в которую входили бывший мировой судья Н.Н. Щепкин и братья Н.И. и А.И. Гучковы.

[1] ЦГА Москвы — ЦХД до 1917 г. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 15. Л. 84.

То есть из двух теоретически возможных и хорошо известных, в том числе в новейшей истории линий отношения руководителя какого-либо органа с оппозицией:

1) давлению, использованию «административного ресурса», «войны компроматов», переманиванию некоторых её представителей в «свой лагерь»;

2) принятию наличия оппозиции, как факта, и взаимодействие с ней, а в перспективе и извлечение пользы из её наличия;

– князь В.М. Голицын выбирает именно вторую и следует ей на протяжении всего срока своего управления.

В числе политических результатов этой многолетней деятельности, как отмечает И. Нестеров: «… несмотря на реакцию властей, городское демократическое движение оказалось уже необратимым, а политическая активность Московской думы стала ассоциироваться с именем Владимира Михайловича Голицына» [5, с. 75].

Оппозиция в Московской городской думе становится все более «системной», а её критические выступления – все более и более конструктивными. Что в частности и скажется в один из сложных и ответственных периодов работы князя В.М. Голицына в период противодействия «Афере Балинского».

Создание в Москве трамвайных линий было связано с необходимостью предварительного выкупа линий «конно-железных дорог» у частных лиц. Эта операция требовала не только значительных затрат городского бюджета (до 8,2 миллионов рублей), но и являлась, выражаясь в современных терминах, наиболее «потенциально коррупционно и компромато-

опасной». В результате своеобразный сигнал, «посыл» князя В.М. Голицына общественности: «Все мои действия, расходы – под строгим контролем оппозиции», сработал, и хотя тогдашние СМИ и сокрушались по поводу значительности этих затрат, тем не менее не было никаких обвинений в возможной личной заинтересованности городского головы.

В целом период управления князя В.М. Голицына Москвой стал своеобразным университетом для московских управленцев, показательным примером: руководства московским городским хозяйством, решения типичных инфраструктурных проблем, успешной социально-политической деятельности в г. Москве. Данный опыт изучения деятельности князя В.М. Голицына может стать основой для дальнейших исследований проблем общественного самоуправления и в целом – администрирования в России, проблем внимательного использования интеллектуального опыта, накопленного представителями важнейших исторических династий России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астров Н.И. Воспоминания Т. 1. Париж, «Ymca Press». 1941. 360 с.
2. Голицын В.М. Дневник 1917–1918 годов. М.: «Захаров», 2008. 363 с.
3. Голицын С.М. «Записки уцелевшего» // Наше наследие. 2000. № 54. С. 44–77: ил., портр.
4. Московская власть: городские головы (1782–1997) / Рук. проекта В.Н. Быков. Выпуск I. М. ЦИГоС, 1997. 203 с.
5. Нестеров И.А. Развитие революционных событий в Москве и отставка городского головы князя В.М. Голицына (январь-ноябрь 1905г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 3. С. 79-83.
6. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума, 1863–1917. М.: Мосгорархив, 1998. 568 с.

УДК 94 (47) “18”

Морова О.В.
Московский государственный областной гуманитарный институт (г. Орехово-Зуево)

«МЕСТНОСТЬ ЗАВОДСКАЯ И ЛЕСОПРОМЫШЛЕННАЯ»: РАЗВИТИЕ ВЕЛЬСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX В.

Аннотация. В статье приводится характеристика развития лесоперерабатывающей промышленности Европейского Севера России в XIX в. на примере Вельского уезда Вологодской губернии. Описаны особенности лесопользования на Русском Севере и специфический «вельский» способ лесопереработки. Выделены две тенденции развития крестьянских лесных промыслов: интенсивный рост «деревенской индустрии» к середине XIX в. и отставание (в технологиях, в качестве продукции, в организационно-производственных формах, в объёмах производства и доходности) к концу века. Дан анализ факторов, препятствовавших перерастанию мелкого, полудомашнего производства в более крупное и рентабельное.
Ключевые слова: кустарные промыслы, лесоперерабатывающая отрасль, смолокурение, индустриализация, Российская империя, Русский Север.

O. Morova
Moscow State Regional Institute of Humanities, Orehovo-Zyevo

«FACTORY AND TIMBER INDUSTRY DISTRICT»: THE DEVELOPMENT OF VELSKY DISTRICT IN VOLOGDA PROVINCE IN THE XIX CENTURY»

Abstract. The article deals with the problems of developing timber industry in the European North of Russia in the XIXth century, represented on the example of Velsky district in Vologda province. The peculiarities of forest exploitation in the Russian North and the specific “velsky” way of timber processing are described. The author singles out two tendencies of peasants’ forest crafts development: intensive growth of “rural industry” by the middle of the XIXth century and lagging behind (in technologies, in product quality, in organizational and production forms, in outputs and profitability) by the end of the century. The factors, interfering the development of a small-scale, semi-house production into a larger and profitable one, are analyzed.
Key words: homecraft, timber industry, tar-distilling, industrialization, the Russian Empire, the Russian North.

Европейский Север России – территория, сформировавшаяся под воздействием уникальных природно-климатических и историко-культурных факторов. Существенной отличительной чертой региона являлось оптимальное сочетание приречно-приозерной системы расселения, территориальной организации жизни сельского населения, земледелия и природопользования. В северных губерниях России (Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой)

© Морова О.В., 2015.

переход населения к промышленному производству и торговому предпринимательству начался гораздо раньше, чем в центральной России, и протекал активнее. Тому способствовали богатая ресурсно-сырьевая база региона; открытость северных территорий, их свободные внешние экономические и информационные контакты; отлаженные к началу XIX в. торговые связи с внутренними территориями России и внешними рынками по северным водным путям и через морской порт Архангельск; государственная политика поощрения крестьянской торговой и промышленной деятельности, позволявшей казенным и удельным крестьянам исправно платить налоги и сборы.

Уже в первой половине XIX в. северные губернии отличались высоким уровнем развития крестьянской кустарной промышленности, в которой ведущей отраслью стала лесопереработка. Самой «лесоизобильной и лесопромышленной» из северных территорий России была Вологодская губерния, в которой из 34 700 000 десятин лесных угодий принадлежали казне 32 800 000 десятин. В Вологодской губернии ведущей зоной активного развития так называемой «деревенской индустрии» являлся Вельский уезд, изрытый долинами рек Ваги, Вели, Кокшенги, Устьи и весь покрытый лесами. Ключевой фигурой протоиндустрии в лесопереработке стал вельский крестьянин – владелец промышленных производств.

История лесопереработки на Русском Севере, Вологодчине и в Вельске не утратила актуальности для исследователей. Обобщение накопленного научного и статистического материала даёт возможность охарактеризовать развитие крестьянской лесной промышленности Вельского уезда в условиях переходной экономики. Материалы статьи опираются на данные официальной статистики, опубликованные в изданиях Вологодского губернского статистического комитета в разные годы XIX в. Расширить и детализировать сведения о промышленной деятельности вельского крестьянства позволяют труды историков-краеведов Ю.Н. Васневского, Е.Н. Овсянкина [2; 5] и других.

Лесосырьевая база всей Вологодской губернии была чрезвычайно широкой. В лесных массивах Вельского уезда преобладали хвойные леса, особенно сосновые, а из лиственных пород значительные площади занимала берёза. В регионе сформировались две стратегии использования крестьянами лесных угодий – в домашнем натурально-потребительском хозяйстве и для целенаправленного производства и сбыта вне домашнего хозяйства. Строевой лес шел в распиленном виде за рубеж, преимущественно в Англию. Внутри же страны лес использовался в кораблестроении для изготовления маломерных судов.

Хвойные и лиственные породы деревьев находили широкое применение в кустарных промыслах для производства промышленной продукции и изделий для домашнего обихода. Каждый вид продукции лесных промыслов по специальной технологии изготавливался на предприятии, которое по терминологии XIX в. называлось заводом. Работали скипидаропековаренные, дёгтекурные, сажекоптильные заводы. Скипидаропековаренные заводы производили скипидар, пек и канифоль. Деготь производился из бересты или

из сосновой смолы. Смесь берёзового дегтя с сосновой смолой использовалась для выделки юфти, для колесной смазки и в строительстве. Сажу получали на сажекоптильных заводах и использовали для изготовления черной краски, в полиграфии и спичечном производстве [10, с. 34-35].

Основой всех лесохимических промыслов Вельского уезда было смолокурение. Еще в XVI в. через Архангельск осуществлялись регулярные поставки северной смолы на рынки Лондона, Амстердама, Антверпена. В XVII – XVIII вв. для удовлетворения возрастающего спроса на смолу вывозилось до 100 тысяч бочек смолы по 8 пудов веса каждая [8]. В XVIII в., не желая упускать доходный промысел, государство монополизировало продажу смолы, что позволило скупать её у смолокуров и втридорога продавать за границу. Во второй половине XVIII в. казна отдала монополию на вывоз смолы через Архангельск иностранцу Карлу Рентгольдту. С ним был заключен контракт на 8 лет на ежегодную поставку до 30 тысяч бочек смолы (по 8 пудов каждая). Однако контракт не был выполнен – сначала сгорел склад, на котором хранились бочки со смолой, а в 1762 г. монополии в России были отменены и добыча северной смолы активизировалась.

В конце XVIII в. война между Англией и Североамериканскими штатами неожиданно придала новый импульс развитию смолокурения на европейском севере России. В результате военных действий поставки терпентина (живицы) из Америки в Англию прекратились, что заставило промышленников переориентироваться на Россию. В 1780 г. в Вельском уезде английский фабрикант Жерве Бойс организовал добычу терпентина для производства смолы и получение пека, канифоли и скипидара. Когда война прекратилась, фабрикант вернулся на родину. В Вельском уезде производство канифоли и скипидара после этого приостановилось, но смолокурение осталось базой кустарного производства и стало активно развиваться.

К середине XIX в. сложилась специфическая «вельская» система кустарного лесохимического промысла с особыми условиями получения сырья и технологией производства [4]. Первоначально смолу добывали по традиционной технологии из естественного осмола, который скапливался на гарях, или из зрелых пней и корней срубленных деревьев. С разрешения гражданского губернатора Вологодской губернии негодный валежник, пни, корни под наблюдением местных лесных чиновников отпускали всем желающим для переработки. Крестьяне-смолокуры для своих промыслов покупали по специальным билетам в казенных или удельных дачах смолье, осмол из пней и корней. Если смолопромышленники выкапывали осмола больше, чем указано в билете, то вместо штрафа с виновных взыскивали деньги за то количество вёдер смолы, которое они получили сверх отведенной нормы[1].

Однако для больших объёмов производства смолокурам такого сырья и традиционной технологии было недо-

[1] Согласно правилам «О казенных лесах, состоящих в ведомстве Министерства государственных имуществ» из кн. 2 Ч. 4 Свода уставов казенного управления (Свод законов Российской империи, повелением гос. имп. Николая Павловича составленный. Изд. 1842 г. Т.8. Уставы: лесной, о казенных оброчных статьях, о хозяйственном управлении казенных населенных имений).

статочно. По билетам «на добывание поташа, приготовление уголья, сидку смолы и дёгтя и выделку разных изделий» на 5-10 лет, на одно или несколько селений крестьяне-смолокуры брали в условное пользование или ответственное хранение участки леса – лесосеки. На своих лесных участках вельские крестьяне с начала XIX в. применяли технологию получения стволового осмола путем искусственной подсочки сосновых деревьев. Такой способ искусственной подсочки стали называть «вельским» [6, с. 19-22]. Лесосеки разделялись смолокурами между собой по домохозяевам на полосы, уголки, отрезки и другие части. Причем ранее практиковалось правило первого захвата, но потом стал производиться раздел по установленному порядку. В результате нарезки у каждого домохозяина на счету получалось от 8 до 12 отдельных мест для подсочки. Каждый кустарь-смолокур с семьёй вел своё подсочное хозяйство [6, с. 25].

Подсочка сосны была длительным процессом. Каждую весну с началом сокодвижения (примерно с середины мая) с определённой сосны кольцами снималась кора. На обнаженных местах соснового ствола выступал терпентин – живица, которая на воздухе затвердевала. Смолокуры называли её «серой». В первые 2-3 года подсачивания сера снималась в октябре особыми скребками в полотняный поднос, складывалась в корзины и, как правило, продавалась скупщикам на пековаренные заводы. Отведённый для подсочки участок бора подсачивался в течение 5 лет, а в сырых местах – 3 года. В последний год подсочки в июле снимался последний ремень с дерева. Дерево засыхало и в начале зимы срубалось на смольё. По примерным подсчётам, средний крестьянский двор ежегодно вырубал 1200 сосен [6, с. 29].

Годичный цикл работы смолокура длился от 110 до 170 дней, из которых 25-30 дней занимала подсочка, 10-20 дней шел сбор живицы, 20-30 дней шли рубки и возки смолья к смолокуренной печи; 10-15 дней крестьянин был занят распиловкой, расколкой и посадкой смолья в печи; 15-30 дней длилась собственно выкурка смолы; в течение 15-20 дней заготавливались бочки, 10-15 дней уходило на доставку смолы скупщикам. В Вельском уезде к середине XIX в. наблюдалась самая высокая концентрация лесных кустарных промыслов (см. табл.) [9, с. 43-44].

Таблица

Промышленные заведения Вельского узда в 1856 году

Местность	Производство	Кол-во заведений	Выделано продукции в руб.
Верховажский посад	скипидарное	8	5 834
	сажекоптильное	4	
Вельский уезд	скипидарное	11	8 755
	сажекоптильное	16	1 354
	писчебумажное	1	2 358
	дегтекурение	17	1080
	смолокурение	499	9589
	кирпичное	2	400
	кожевенное	5	1050

Отмена крепостного права стимулировала процессы модернизации экономики России, предпринимательскую инициативу, что способствовало дальнейшему расширению масштабов лесохимической промышленности. По статистическим данным о фабриках и заводах Вологодской губернии за 1866 г., Вельский уезд лидировал по 2 показателям: по общему количеству заводов и фабрик и по числу крестьян, ими владеющих [10, с. 12-21]. Устойчивый спрос на внутреннем и внешнем рынках на продукцию крестьянских лесных промыслов являлся залогом их высокой доходности. Всего в уезде работало 39 заводов и фабрик, из них 30 промышленных заведений принадлежало крестьянам, а остальными владели купцы. Для сравнения, в Тотемском уезде работало 11 заводов, причем крестьяне были владельцами 7 предприятий.

Самым «капиталистым» крестьянином Вельского уезда был Савватий Григорьевич Кудрин, у которого было 4 скипидаро-пековаренных завода и 3 сажекоптильни с общим объёмом производства более 714 530 рублей. Его заводы и коптильни располагались при деревнях Климовской, Есютинской, Петуховской. Производимые пек, скипидар, канифоль, сажа сбывались в Архангельск, Санкт-Петербург и Москву. Вельский крестьянин Константин Алексеевич Коротаев имел 2 скипидаропековаренных завода и один сажекоптильный с общим объёмом продукции на сумму 3 066 рублей. В Верховажском посаде один скипидаропековаренный завод принадлежал крестьянке Анне Рудаковой, сырьё для которого она закупала у местных крестьян, а продукцию отправляла в Архангельскую и Новгородскую губернии. При Ивановском починке были устроены сажекоптильные заводы, владели которыми крестьяне Евмений Алексеевич и Куприян Алексеевич Лодыгины и Иван Михайлович Горбунов. Из 1 800 пудов бересты на их коптильнях вырабатывалось 600 пудов сажи, которая сбывалась в Ярославль, Москву и Санкт-Петербург.

Необходимо отметить, что крестьянские домохозяйства и даже целые сельские общества Вельского уезда, Вологодской и иных губерний русского Европейского Севера, вовлечённые в промышленное производство, ориентированные на собственные ресурсы, выгодно отличались от своих «социальных побратимов», например, крестьян Поволжского земледельческого центра. Они не покидали своей территории, оставались при доме, при земле. Крестьяне-смолокуры имели постоянный и высокий достаток, отличались исправной уплатой податей и других сборов и практически не имели недоимок. Но несмотря на огромный потенциал (мощную сырьевую базу, высокую предпринимательскую активность и многочисленность крестьян-кустарей, устойчивый спрос на продукцию лесопереработки, высокую доходность внутренней торговли), Вельский уезд не стал базой формирования крупной лесоперерабатывающей промышленности, а российское лесохимическое производство не переросло к концу века в более высокоорганизованные и рентабельные формы.

Известный русский лесовод Ф. Арнольд писал в 1864 г.: «Во всей Европе нет ни одного государства, в котором бы казенные леса доставляли столь ничтожный доход как в России» [1, с.

505]. Он приводил пример европейских государств: во Франции от одного миллиона десятин казенных лесов чистый доход государства в 1861 г. составил 8,5 миллионов рублей, а в Пруссии от двух миллионов десятин лесных площадей – более 3 миллионов рублей дохода. На их фоне доходность российских лесов выглядела ничтожно малой: от 110 миллионов десятин всех казенных лесов, находящихся в ведении Министерства государственных имуществ, в 1862 г. доход составил менее 1,5 миллионов рублей.

Чем же можно объяснить низкую рентабельность использования лесных ресурсов? В числе причин – особенности и масштабы лесопользования, состояние технического прогресса и невысокий уровень технической грамотности в лесопереработке, сложности формирования рыночных механизмов и ряд иных. Лесосырьевая база после отмены крепостного права стала стремительно меняться. Так, исчез строевой лес, потому что многие помещики начали продавать и давать на сруб лесные массивы лесопромышленникам. Порубки производились без всякой системы, что приводило к фактическому истреблению лесов. Обозначилась проблема технического несовершенства производства смолы на Русском Севере, причем на внешнем рынке укреплялись позиции конкурентного товара – финской смолы. Финские мастера, в 60-х и начале 70-х гг. XIX в., организовали штат инструкторов для улучшения смолокурения, ввели некие прообразы отделов качества, которые браковали негодную продукцию, улучшили тару для перевозки смолы. Результатом стало повышение в 1875 г. цен на финскую смолу как более качественную и соответственно рост спроса на неё. Но были и иные существенные обстоятельства, среди которых невозможность снижения издержек на доставку товаров до потребителя, невозможность быстрого оборота товаров и денег, необходимых для накопления капитала в промышленности, при отсутствии налаженной кредитно-финансовой системы.

Доступ к внутренним и внешним рынкам для производителей из северо-западных губерний был крайне затруднен в силу особого местоположения, климатических условий и особенности торговых путей в регионе и стране. Навигация позволяла предпринимателям осуществить в Архангельск лишь один рейс в год (в течение четырех-пяти месяцев), что увеличивало транспортные издержки вдвое. Русским купцам и торгующим крестьянам, чтобы доставить свой груз к Архангельску, приходилось с осени скапливать свои товары в Вологде, Великом Устюге, Верховажье и других торговых центрах региона на берегах рек, а весной, после окончания ледохода, сплавлять их к устью Северной Двины для сбыта на ярмарке. Перенесение основной массы внешнеторговых операций с Белого моря в Санкт-Петербург снизило торговую привлекательность Архангельска, что привело к сокращению объёмов продаваемой через северный порт продукции. Ситуацию могло бы изменить своевременное строительство железных дорог в регионе. Однако первая ветка железнодорожного пути из центральных районов страны до Архангельска вступила в действие в 1897 г., и только с 1899 г. от Вологды до Архангельска установилось постоянное железнодорожное сообщение (до

1915 г. на узкой колее) с регулярным движением 3-4 пар поездов в сутки.

Негативное влияние на снижение темпов развития и доходности кустарной лесопромышленности имела также лесная политика государства. Как отмечал Ф. Арнольд: «формальность при покупках казенного леса обременительна, цены на лес несообразны с его стоимостью, лесная стража не надежна, административная централизация чрезмерна, а настоящего контроля нет» [1, с. 508]. Со стороны правительства России не придавалось значение комплексному развитию лесопереработки, начиная от условий лесопользования, заканчивая повышением технологической грамотности производителей. Первая и единственная государственная школа в Вельском лесничестве была открыта лишь 1 сентября 1895 г. (было 8 учеников). При школе был устроен смолокуренный завод как образец для ознакомления крестьян с новейшими приёмами смолокурения.

Достижения науки и техники концу XIX в. активно внедрялись в химической промышленности Европы и США, появились суррогаты – каменноугольные смолы, модернизировались техника и технология производства. В Европе для распространения новинок среди производителей открывались школы и опытные мастерские. В России же обширные площади лесных массивов (колоссальные по объему сырья), принадлежащих государству, были своеобразным тормозом внедрения новых технологий производства продукции лесохимической промышленности. Живица проходила недостаточную обработку, сохраняя значительное количество загрязнений и примесей. Скипидар и канифоль получались низкого качества, но все же на ёмком внутреннем рынке страны находили своего покупателя. Сажу, также низкого качества, которую крестьяне ещё и фальсифицировали водой для придания большего веса, постепенно вытесняла более чистая и сухая финская. Вологодская канифоль, крайне дешевая, но некачественная, могла использоваться лишь для приготовления сургуча. Поэтому для изготовления некоторых сортов мыла, для проклеивания бумаги, для производства высококачественных лаков и масляной краски канифоль в Россию завозили из-за границы, преимущественно из Франции, и объёмы таких закупок росли.

В отчетах Вологодского губернского кустарного комитета, образованного в 1886 г. с целью содействия развитию кустарной промышленности региона, среди причин, препятствовавших развитию лесохимическим промыслам, назывались отсутствие кредитного финансирования, засилье скупщиков, незнание современных технологий обработки сырья, техническая отсталость лесохимического производства, недобросовестность крестьян-производителей [3, с. 17]. Даже к концу XIX в. не все кустари имели собственные печи для производства, что снижало их заинтересованность в расширении своего дела, так как при работе с чужой печью весь скипидар шел в пользу ее владельца.

Крестьяне-кустари Вельского уезда и всего Русского Севера, оказались в ситуации, которая не позволила им в полной мере реализовать свою экономическую активность в условиях несовершенства, незрелости рыночных

механизмов и несоответствия существующих форм природопользования потребностям всех участников производственной и торгово-предпринимательской деятельности. Неблагоприятно отразилась на смолокурении конкуренция с крупными промышленными предприятиями, что усиливало отток рабочих рук на фабрики и заводы [7, с. 34-35]. Вышеназванные факторы способствовали консервации кустарного (полудомашнего, мелкого) типа производства, обусловливали низкую рентабельность лесоперерабатывающей промышленности России. Вызревание технологических и социокультурных предпосылок для индустриализации отрасли в России деформировалось.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд Ф. К истории русского государства лесного управления // Лесной журнал. 1883. № 10. С. 503-522.
2. Васневский Ю.Н. Леса и лесное хозяйство Вологодской губернии (краткие сведения). Вологда: б.и., 1920. 16 с.
3. Кустарные промыслы: текущая статистика за 1895-1896 сельскохозяйственный год. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. 200 с.
4. Кустарное смолокурение на смольяподсочки. СПб.: Изд. Лесного Деп-та, 1895. 128 с.
5. Овсянкин Е.Н. Ярмарки на Ваге // Важский край. 1991. 25 июня.
6. Памятная книжка Вологодской губернии на 1896-1897 годы. Вологда: Тип. Вологодского губ. правления, 1896. 250 с.
7. Полферов Я.Я. Кустарная промышленность России. СПб.: Ред. период. изд. Мин. финансов, 1913. 187 с.
8. Репин Н.Н. Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII века // Северный археографический сборник. Вып. 3 [Материалы по истории Европейского Севера СССР]. Вологда: Вологодский пед. ин-т, 1973. С. 177-199.
9. Справочная книжка для Вологодской губернии на 1856 год: очерк промышленности и торговли Вологодской губернии. Вологда: Губ. тип., 1856. 95 с.
10. Статистические материалы, составленные из ведомостей однодневного исчисления жителей: прибавление к Памятной книжке Вологодской губернии за 1867-1868 год [Часть IV. Статистические данные о фабриках и заводах Вологодской губернии за 1866 год]. Вологда: Изд. Вологодского губ. стат. комитета, 1868. 36 с.

УДК 93/94

Сотников А.А., Сотников С.А.
Московский государственный областной университет

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА В СССР

Аннотация. В статье произведена историческая реконструкция начального периода деятельности института туризма через призму становления специфической отрасли народного хозяйства в России. Эта реконструкция может быть осуществлена путем решения следующих задач: а) проследить процесс становления материальной базы и структуры института туризма; б) выяснить, как политика в сфере туризма (прежде всего кадровая) и совершенствование форм и методов работы влияли на объем и состав туристического потока; в) провести анализ основных направлений деятельности института туризма и ее зависимости от изменений международной обстановки и поворотов во внутренней политике партийно-государственного руководства страны.
Ключевые слова: пионеры туризма, институт туризма, социальный туризм, иностранный туризм.

A. Sotnikov, S. Sotnikov
Moscow State Regional University

THE FIRST STEPS OF OUTBOUND TOURISM IN THE USSR

Abstract. In the article a historical reconstruction is performed showing the initial period of tourism institution activity through the prism of the formation of specific sectors in Russian economy. This reconstruction can be carried out through the following objectives: a) to follow the process of the tourism institution material base and structure formation; b) to figure out the way the policies in the field of tourism (especially human resources) and the improvement of the forms and methods of work affected the amount and structure of the tourist flow; c) to analyze the main activities of the tourism institution and its dependence on the changes in the international situation and turns in the internal politics of the country's party and state leadership.
Key words: pioneers of tourism, tourism institution, social tourism, foreign tourism.

Впервые вовлекаемые в широкий научный оборот архивные документы позволяют увидеть период «холодной войны» с неожиданного ракурса – включения в сферу интересов двух сверхдержав отдельных стран и целых регионов посредством установления и развития туристских связей. В статье рассматривается начальный период деятельности ВАО «Интурист» по развитию выездного туризма из СССР. Анализ материалов ведомства (официальных документов, материалов совещаний, отчетов и докладных записок сотрудников, сопровождавших туристские группы за границей) дает возможность реконструировать не только географию, объемы зарубежного туризма и его специфические черты, но и критерии отбора кандидатов для заграничных поездок, а также оценить «культурный шок», испытываемый советскими туристами от

© Сотников А.А., Сотников С.А., 2015.

столкновения с зарубежной действительностью.

История советского выездного (или зарубежного) туризма начиналась в 1930 г. с круизной поездки вокруг Европы 257 ударников труда первой пятилетки. Организованная Обществом пролетарского туризма и экскурсий первая заграничная «массовка» на теплоходе «Абхазия» проходила по 8-тысячному маршруту: Ленинград – Данциг – Гамбург – Неаполь – Константинополь – Одесса – Москва. В Германии, Италии и Турции (власти Англии и Франции не разрешили остановки теплохода) туристов встречали работники советских полпредств, а в Неаполь на все дни пребывания «Абхазии» специально приезжал А.М. Горький. Впрочем, цель заграничной поездки была откровенно идеологической: «своими глазами увидеть проявления экономического кризиса в капиталистических странах», чтобы «лишний раз убедиться в преимуществах советского строя и в правоте нашей коммунистической партии» [3, с. 39; 6, с. 90-91; 8, с. 32; 9, с. 117][1]. После этого четверть века зарубежного туризма в СССР не было.

Его новое рождение совпало с «туристской революцией» второй половины 1950-х гг., связанной с резким расширением объемов туристских потоков и географии международного туризма. Бурному росту туризма способствовали: мир на основной части планеты, рост доходов населения и продолжительности отпусков, распространение культуры и образования, успехи в развитии транспорта, особенно гражданской авиации, развитие СМИ [1, с. 30]. Послевоенное оживление межстрановых поездок стимулировалось деятельностью образованных после войны международных туристских организаций и, прежде всего, Международной гостиничной ассоциации в 1946 г. и Международного союза официальных туристских организаций при ООН в 1947 г.

На советский международный туризм появление этих организаций не оказало прямого влияния, однако, пусть не сразу, но «туристская революция» затронула и Советский Союз. Ослаблению «железного занавеса» способствовали: процесс десталинизации, охвативший СССР и страны народной демократии, декларированный XX съездом партии (1956 г.) выдвижение принципа мирного сосуществования двух мировых систем и отказ от догмата неизбежности новой мировой войны. Хотя первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1955 г. Новый Устав «Интуриста», утвержденный приказом Министерства внешней торговли СССР 8 августа 1955 г., в отличие от Устава 1929 г. открывал для туристского ведомства возможности «развития всех видов туризма, как в Советский Союз, так и из Советского Союза»[2]. Институциональная трансформация сферы международного и, прежде всего, выездного туризма стала отражением нового партийно-государственного курса на усиление роли данной отрасли хозяйства и специфического направления внешнеполитической деятельности государства.

[1] Государственный архив Российской Федерации (Далее - ГА РФ). Ф. Р-9520. Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС. Оп. 1 Д. 1. Л. 61,86,96.

[2] ГА РФ. Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). Оп. 2. Д. 237. Л. 20.

Конечно, выездной туризм из СССР осуществлялся не только по линии «Интуриста». В эту работу были вовлечены Центральное туристско-экскурсионное Управление ВЦСПС и с 1958 г. – Бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник» при Комитете молодежных организаций (КМО) СССР. Еще в мае 1957 г. КМО СССР была сформирована Комиссия по организации международного молодежного обмена туристами, в состав которой вошли представители «Интуриста», ЦТЭУ профсоюзов и Комитета по физической культуре и спорту [7, с. 210]. В этом же году в Праге состоялась 1-я конференция Бюро путешествий социалистических стран, на котором присутствовали представители «Интуриста». Устав «Спутника» одной из основных задач Бюро считал «направление советской молодежи для путешествия за границу в целях расширения связей советской молодежи с молодежью зарубежных стран, всемерного содействия дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества советской молодежи с молодежью других стран»[1].

Помимо первого опыта туристского обмена советских профсоюзов с профсоюзами ПНР, ГДР, ВНР и ЧССР в 1958 г., к концу 1950-х гг. сложился обмен группами граждан пограничных районов СССР и жителей соседних соцстран. В частности, такой обмен распространился в приграничных областях Украины (Львовской, Волынской, Закарпатской и Ивано-Франковской) и Белоруссии (Брестской, Витебской и Гродненской) и в ряде районов Молдавии. В это же время получили распространение такие массовые туристские формы, как однодневные взаимные визиты жителей советских и смежных зарубежных районов [4, с. 50-52,66; 5, с. 132-133,136-137].

История туристских контактов советских людей с иностранцами демонстрирует три «модели» взаимодействия:

- «почти заграница» – международные молодежные лагеря в СССР;
- «не совсем заграница» – поездки в социалистические страны («Курица не птица, Болгария – не заграница»);
- «настоящая заграница» – поездки в капиталистические страны и приравненную к ним Югославию («Руссо туристо – облико морале»).

В данной статье ограничимся деятельностью ВАО «Интурист», как основного канала выезда советских людей за границу. Если география молодежного выездного туризма не особо отличалась от общих страновых показателей, то объемы были на порядок меньше. Да и проблемы были похожими. Так, на II Конференции туристских организаций социалистических стран в Варне и Софии в сентябре 1958 г. представители «Спутника» указали на неудовлетворительную транспортировку туристов по железным дорогам Болгарии, недостаточное питание во время пребывания в Софии и плохую организацию ночлега в Плевне. Во время пребывания советских туристов в Польше ряд переводчиков недобросовестно отнеслись к работе с советскими группами. Например, советским туристам приходилось с вещами идти с вокзала в гостиницу по нескольку километров. В адрес чехос-

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5М. Бюро международного молодежного туризма «Спутник» Оп. 1. Д. 1. Л. 40

ловацких коллег были высказаны претензии относительно нецелесообразности приема больших (по 100 чел.) групп советских туристов. Смущало представителей советской стороны и слишком большое внимание со стороны чехословацкого туристического ведомства к показу церквей и соборов в ущерб посещению промышленных и сельскохозяйственных предприятий[1]. Учитывая, что в сферу деятельности «Интуриста» не входили международные молодежные лагеря, ограничимся двумя последними «моделями».

Согласно институциональному критерию, послевоенную историю «Интуриста» можно разбить на четыре периода:

1) сентябрь 1955 г. – август 1964 г. (от принятия нового Устава ВАО «Интурист», входившего в состав Министерства внешней торговли СССР, до образования Управления по иностранному туризму при Совмине СССР);

2) сентябрь 1964 г. – декабрь 1969 г. (до создания Главного управления по иностранному туризму при Совмине СССР);

3) декабрь 1969 г. – май 1983 г. (до образования Государственного комитета СССР по иностранному туризму);

4) июнь 1983 г. – 1991 г. (до создания на базе «Интуриста» двух организаций – Внешнеэкономического акционерного общества по туризму и инвестициям «Интурист» и Общества по иностранному туризму «Интурист – Холдинг Компания»).

Однако в данной статье ограничимся историей только первого (начального или организационного) период развития советского выездного туризма. При этом стоит учитывать, что в рассматриваемый период объектом советского туризма становятся и страны так называемого «третьего мира», специфика посещения которых во многом зависела от политической ориентации руководства той или иной страны.

Реконструкция истории первого «выездного» года представляет определенные трудности в силу отсутствия сколько-нибудь информативного комплекса документов. Тем не менее, уже в 1955 г., согласно ведомственным подсчетам, за границу было отправлено 2,5 тыс. советских туристов. На следующий год планировалось отправить в 12 стран народной демократии уже 16650 чел. Первое место в этом списке (по 3 тыс. чел.) разделили ГДР и Чехословакия, а на последней позиции (50 чел.) расположился Вьетнам. Список европейских стран замыкала Албания (150 чел.). Среди капиталистических стран первенствовала Индия (800 чел.), а в конце списка с показателем в 50 туристов находились сразу несколько стран – Австралия, Бельгия, Бирма, Голландия, Дания и Египет[2].

Приказ по Правлению ВАО «Интурист» № 2сс от 10 января 1956 г. за подписью и.о. председателя правления Б. Харченко разъяснял основные положения постановления Секретариата ЦК КПСС от 3 января этого же года «Об организации поездок советских туристов за границу». Приказ устанавливал четкий порядок формирования туристических групп. В целом работа по организации выезда советских ту-

[1] РГАСПИ. Ф. 5М. Бюро международного молодежного туризма «Спутник» Оп. 1. Д. 9. Л. 6-7

[2] ГА РФ. Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). Оп. 2. Д. 228. Л. 35

ристов за границу и оформление документов на получение путевок возлагались на республиканские и областные советы профсоюзов. Рассмотрение заявлений желающих поехать за границу поручалось профкомам предприятий и учреждений в соответствии с количеством выделенных ВЦСПС на отраслевые советы путевок. При этом предлагалось удовлетворять заявления только тех лиц, которые «политически проверены и устойчивы в морально-бытовом отношении, передовых рабочих и служащих, инженеров и техников, педагогов, врачей, работников науки и культуры». Профсоюзам предписывалось учитывать, что «советские туристы будут выезжать за границу не только для отдыха, но и для ознакомления с жизнью других народов и с достижениями зарубежной науки и техники». Особо тщательно предполагалось рассматривать заявления на поездки в капиталистические страны. ВЦСПС обязан был «осуществлять своевременный и планомерный подбор туристов» с таким расчетом, чтобы персональный состав туристов утверждался не позднее, чем за 1-1,5 месяца до выезда за границу, а документы на оформление паспортов и виз передавались в МИД не менее чем за 3 недели до отъезда. Внутри групп выделялись ответственные лица «из числа наиболее опытных и политически подготовленных туристов». И, наконец, совместно с «Интуристом» проводилось инструктирование туристов о поведении за границей и задачах туристских поездок. Кроме того, на «Интурист» возлагалась обязанность совместно с ВЦСПС составлять годовые планы направления советских туристов за границу и посылать в составе каждой группы своих ответственных представителей (в группах свыше 30-40 чел. – не менее двух работников «Интуриста»). В свою очередь, МИД СССР должен был оформлять по представлению ВЦСПС документы на выезд в 3-дневный срок[1].

Всего в 1956 г. за границей побывали, по разным данным, от 20 до 21 тыс. советских туристов, а принято в Союзе было 55 тыс. иностранцев[2]. То есть с самого начала закладывалась диспропорция между въездными и выездными туристскими потоками. Из официальной статистики международного туризма в СССР за 1950-1985 гг. видно, что весь указанный период объемы въездного туризма постоянно превышали размеры выездного [2, с. 59]. Хотя, в ряде случаев, ситуация могла быть обратной. Например, в справке, подготовленной руководством «Интуриста», отмечалось, что в 1962-1964 гг. ведомство направляло в Румынию и Болгарию «значительно большее количество», чем принимало из этих стран[3].

Дело выездного туризма с самого начала складывалось непросто. В частности, из секретного приказа № 10 по Правлению «Интуриста» от 19 октября 1956 г. за подписью и.о. председателя правления Общества К. Львова узнаем о «серьезных ошибках» в деле «организации выезда советских туристов за границу». К числу «серьезных недостатков» был отнесен, в первую

[1] ГА РФ Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). Оп. 2. Д. 228. Л. 32.

[2] ГА РФ Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). Оп. 2. Д. 237. Л. 20,65.

[3] ГА РФ. Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). Оп. 4. Д. 3. Л. 99.

очередь, «низкий организационный уровень обеспечения поездок» со стороны «Интуриста». В частности, Отдел советского туризма в ряде случаев «с большим опозданием» сообщал ВЦСПС условия, а местным профсоюзным советам – сроки поездок советских туристов за границу. В итоге работа по отбору кандидатов проводилась «в спешке и с большими ошибками». Отмечались случаи, когда персональный состав отдельных групп утверждался всего за день до отъезда. «Неоднократно имели место случаи», когда, вопреки принятому решению, группы туристов выезжали за границу без сопровождения представителей «Интуриста». Нередко эти представители «подбирались наспех» и не отвечали требованиям по деловым качествам и уровню политической подготовки[1].

Материалы центральных и региональных архивов позволяют реконструировать поведение советских туристов за границей. Так, в 1956 г. бюро Молотовского обкома КПСС, рассматривая вопрос о недостатках в организации туристских поездок за границу, отмечало, что «отдельные туристы в зарубежных странах увлекаются посещением ресторанов, ведут разговоры и фотографируются со случайными людьми». Также ряд лиц «занимались в спекулятивных целях скупкой различных вещей», а некоторые туристы «допускали грубые выходки по отношению к местным работникам и обслуживающему персоналу, проявляли неуважение к национальным чувствам и обычаям населения». По мнению членов бюро обкома, подобное поведение «дискредитирует советских туристов, порождает у зарубежных жителей превратное представление о советских людях, наносит ущерб престижу нашей страны». Партийные инстанции пытались контролировать даже рассказы о путешествиях. Уже упомянутое бюро Молотовского обкома КПСС рекомендовало горкомам и райкомам КПСС после возвращения туристов «оказывать им помощь в правильном освещении своих впечатлений при проведении бесед среди рабочих и служащих» [10].

Одним из источников реконструкции истории начального периода советского выездного туризма служат отчеты сопровождающих туристические группы сотрудников Отдела советского туризма «Интуриста». В фонде ведомства эти отчеты начинаются с 1956 г., но за этот год их география ограничена всего тремя странами – Албанией, Великобританией и КНР. Мы узнаем, что первая группа советских туристов посетила Албанию в период с 28 августа по 17 сентября. В целом поездка прошла успешно, хотя не обошлось и без проблем. К примеру, сопровождавший группу инспектор Отдела советского туризма в своем отчете о поездке сетовал на оставлявшее «желать лучшего» состояние албанских дорог: на одном из участков маршрута туристам пришлось 12 часов трястись по бездорожью на грузовых машинах. Он же во избежание недоразумений в пути рекомендовал при переездах по железной дороге размещать всех советских туристов в одном вагоне[2]. В ходе турне в Албанию третьей группы в октябре

[1] ГА РФ. Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). Оп. 2. Д. 228. Л. 10

[2] ГА РФ Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). Оп. 1. Д. 372. Л. 1-2,5.

1956 г. возникла неприятная ситуация, когда туристка П., познакомившись в Саранде с молодым албанцем, подарила ему комсомольский значок и пригласила на танцы. Потом выяснилось, что он недавно вышел из тюрьмы, исключен из молодежной организации и «занимается бродяжничеством»[1]. В общем, туристка явно проявила «политическую близорукость».

КНР первая группа советских туристов посетила в мае – июне 1956 года. В 18-дневный тур по Китаю отправились 35 работников (угольщики, учителя и пр.) с Южного Сахалина. Первая поездка была обставлена весьма торжественно: в Пекине советских туристов встречали 10 работников китайского «Интуриста» во главе с его управляющим. Советская сторона также старалась не ударить в грязь лицом. Назначенный Сахалинским обкомом партии старший группы не только вел «большую разъяснительную работу среди туристов», но и ежедневно назначал дежурных, отбирал сувениры для вручения, указывал представителю «Интуриста» «туристов для выступления с ответными словами на фабриках», участвовал вместе с сопровождающим в распределении мест в гостиницах и вагонах, а также в проведении собраний группы. Хотя ряд туристов (директор ресторана К., журналист Р., старший инженер И., заведующая делопроизводством управления пожарной охраны Управления МВД Ш.) «несдержанно переживали некоторые трудности, связанные с первой туристской поездкой»[2], руководство оценило этот тур как удачный. Но далеко не все путешествия в Китай проходили столь организованно.

Существенное расширение туристского потока из СССР вовлекало в зарубежные поездки различные категории населения. На практике это несколько снижало уровень требований к кандидатам на зарубежные поездки. Отчасти это объяснялось тем, что запреты стали частью механизма самоограничения советского человека. Но, входя в кровь и плоть, регламентация принимала характер специфического ритуала, негласного договора власти и населения о соблюдении хотя бы основных правил поведения, главными из которых оставались политическая бдительность и идеологическая выдержанность. На закате советской эпохи власть продолжала регламентировать «кодекс поведения», но границы запретов (особенно в отношении шопинга) становились все более зыбкими и подвижными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азар В. Туризм – еще один феномен XX века // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 1999. № 11. 24 с.
2. Биржаков М.Б. Введение в туризм. М.; СПб.: Невский фонд и др., 1999. 400 с.
3. Бюллетень туриста. Ежемесячный орган ЦС ОПТЭ. 1930. № 7-8. С. 39.
4. Дворниченко В.В. Развитие туризма в СССР (1917-1983 гг.): Учебное пособие. М.: ЦРИБ Турист, 1985. 40 с.
5. Дворниченко В.В. Туризм в СССР и деятельность советских профсоюзов по его развитию (1917-1984 гг.). М.: Высшая школа профсоюзного движения ВЦСПС им. Н.М. Шверника, 1985. 158 с.
6. Долженко Г.П. История туризма в до-

[1] ГА РФ Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). Оп. 1. Д. 372. Л. 10

[2] ГА РФ Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). Оп. 1. Д. 374. Л. 1-2,4-5

революционной России и СССР. Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1988. 104 с.
7. Квартальнов В.А. Туризм: история и современность: Избр. произведения. В 4-х тт./ Т. 1. Кн. третья: Иностранный туризм. М.: Финансы и статистика, 2002. 312 с.
8. Турист – активист. Орган ЦС ОПТЭ. 1931. № 1. С. 32-35.
9. Усыскин Г.С. Очерки истории российского туризма. М.; СПб.: Герда, 2000. 224 с.
10. Шевырин С. За границу! (Из истории зарубежного туризма в СССР) // Пермский государственный архив новейшей истории. URL: http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/za-granitsu-iz-istorii-zarubezhnogo-turizma-v-sssr.html (дата обращения май 2014 г.)

Всеобщая история

УДК 314.6–055.2:94(520)"19/20"

Николенко А.В.
Московский государственный областной университет

ЖЕНЩИНА В ЯПОНСКОМ СОЦИУМЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация. В статье рассмотрен малоизученный в историографии вопрос – положение женщины в японском обществе на рубеже XIX – начала XX вв. Автором проведен анализ места и роли женщины в Японии в период переворота Мэйдзи и свержения сёгуната, сильно повлиявшего на дальнейшее развитие Японии, направленного на модернизацию всего японского общества и затронувшего все сферы жизнедеятельности как общества в целом, так и женщины, в частности. Основной акцент в данной статье сделан на те сферы деятельности, где роль и место женщины видны наиболее ярко, а именно – семья, экономика, искусство и религия.
Ключевые слова: Япония, японская женщина, период Мейдзи.

A. Nikolenko
Moscow State Regional University

A WOMAN IN THE JAPANESE SOCIETY IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. The article studies an insufficiently known question of historiography – the position of women in the Japanese society at the turn of the XIX century and beginning of the XX century. The author performs an analysis of the position and role of women in Japan during the period of the revolution of Meiji and the overthrow of the shogunate, which strongly influenced the further development of Japan. The revolution was aimed at modernizing the entire Japanese society and affected both all the spheres of society functioning on the whole, and of women in particular. The main focus of this article is on the areas where the role and position of women can be seen most clearly, namely: family, economy, art and religion.
Key words: Japan, Japanese woman, Meiji era.

С древних времен женщине в обществе отводилась второстепенная роль. В той или иной степени, с поправкой на страну, женщина не могла занимать высоких положений в обществе, могла не иметь гражданских прав и быть полностью зависимой от мужчины, к ней просто могли относиться, как к вещи. Вплоть до середины XX в.

© Николенко А.В., 2015.

историю человечества можно смело назвать «мужской», полностью ориентированной на мужские персонажи и виды деятельности. Только в XX в. появляется феномен «женская революция», связанный с активной деятельностью женщин в общественно-политической жизни стран и других областях, традиционно считавшихся исключительно «мужскими».

Япония не была исключением. Еще в X и XI в. женщины пользовались относительной свободой, но позднее все кардинально изменилось. Строгий кодекс морали самураев, а также буддизм оказали значительное воздействие на отношение к женщине. Хотя буддизм говорит не об избавлении от греховности, а о муках земной жизни, он высоко ценит аскетизм, а женщину оценивает столь низко, что допускает ее спасение лишь после перерождения в мужчину. Так, например, в «Сутре лотоса», известном и особо почитаемом буддийском учении, говорилось, что женщина — более грешное создание, чем мужчина, и для преодоления ее греховной сущности требуются особые усилия [1, с. 174].

Господство феодальных отношений в японском обществе, построенных на преемственности поколений во всех жизненных аспектах, вплоть до середины XIX в., сформировало «мужское» общество, и, говоря о японских женщинах конца XIX - начала XX вв., следует хорошо понимать, что их образ во многом зависит от традиций, культуры, менталитета. Социальное положение японских женщин можно свести к одному слову — жена.

Действительно, женщин «Страны восходящего солнца» с самых ранних времен и по сей день готовят к тому, что им предстоит ухаживать за детьми, быть верной и покорной своему мужу, хранить домашний очаг. «У женщины нет надлежащего повелителя. Значит, на своего супруга ей надобно смотреть, как на своего господина и служить ему со всем уважением и почтительностью, говорится в «Онна Дайгаку» («Великое наставление для женщин») [4, p. 243]. Жене самурая полагалось быть покорной, сдержанной, самоотверженной и верной своему долгу, и именно благодаря этому жены самураев пользовались безграничным уважением и доверием. Семья – главная японская ценность. Жена должна быть молчаливой и скромной, хранить домашний очаг [2, с. 204].

Со второй половины XIX в., после свержения сёгуната, сильно повлиявшего на дальнейшее развитие Японии, началась модернизация японского общества. Переворот Мэйдзи, направленный на становление Японии как развитой державы, затронул все сферы жизнедеятельности японцев. Институт семьи также претерпевает важные для женщин изменения. Новый Гражданский кодекс, введенный в 1898 г., регламентировал отношения мужа и жены на законодательном, официальном уровне. С момента вступления в брак ведущая роль в жизни семьи принадлежала отцу семейства. Выбор места проживания семьи, распоряжение всем имуществом семьи и ведение ее дел полноправно было закреплено за мужем. С его разрешения и по его усмотрению детям разрешалось или запрещалось вступать в брак. Для дочерей это правило действовало вплоть до достижения ими 25-летнего возраста. Затем «права» на нее переходили уже ее мужу.

Согласно новому Кодексу, замужние женщины не считались полноправными членами общества. Женщина не могла самостоятельно заниматься бизнесом, быть истцом без согласия мужа, не могла быть инициатором развода, кроме случаев, когда муж бросал семью или был крайне жесток по отношению к членам семьи. Как и раньше, законодательно в Японии периода конца XIX - начала XX вв. была закреплена патриархальная семья, как это и было на протяжении всей истории Японии. Основными обязанностями женщины, как и прежде, было обеспечить семью наследником мужского пола, так как именно старший сын получал все имущество семьи (право майората), а также выполнение работ по дому. Однако такое положение женщины было характерно лишь для городского населения Японии. В сельской местности женщины наравне с мужьями участвовали в производстве.

Большая часть населения Японии была задействована в производственной сфере, в особенности в аграрной промышленности. И хотя социальный статус женщины в конце XIX в. оставался неизменным, с приходом в Японию капитализма женщинам пришлось работать. Так, в 1882 г. женщины составляли почти 70% от всех промышленных работников страны. В 1895 г. в «Стране восходящего солнца» насчитывалось около полумиллиона рабочих, из которых половина приходилась на женщин. А через 20 лет численность рабочих составила уже миллион человек, тем самым увеличив долю женского труда. Мы видим, что реформы и преобразования в экономике шли на пользу всему японскому обществу в целом и женщинам в частности: общество получало дополнительную рабочую силу, а женщины обретали свободу и возможность личного выбора. Но в тоже время имелись и негативные последствия таких реформ.

Еще не укрепившийся капиталистический строй имел некий полуфеодальный характер. Сложившаяся форма управления японским обществом дала возможность переложить на трудящихся все расходы на модернизацию страны. Эксплуатация населения, в том числе и женщин, была достаточно жесткой: невероятно низкая заработная плата и более продолжительный рабочий день. Рабочий день составлял тогда 14 часов, а что касается оплаты труда, то никаких льгот женщинам не полагалось, напротив — женщинам подчас платили даже меньше, порой в десять раз, чем мужчинам.

Несмотря на то, что женщины уже были задействованы в производстве, одним из самых почетных женских занятий оставалась профессия гейши. И поскольку огромная роль по интеграции западной культуры в традиционную японскую культуру отводилась именно женщинам, то в большей степени это были женщины – гейши, статус которых в прежней Японии можно было охарактеризовать как достаточно высокий. Институт гейш появился в Японии очень давно – с середины XVII в. и активно развивался до Второй мировой войны. К 1920 г. в Японии насчитывалось более 80 тысяч гейш. Что интересно, первыми гейшами были мужчины — актеры театра Кабуки. Однако в XVIII в. их полностью вытеснили гейши — женщины. Само слово «гейша» в переводе с японского означает «человек искусства». Действи-

тельно, гейши — профессиональные актрисы и музыканты, они обучены говорить практически на любые темы, прекрасно поют и танцуют, ведут банкеты и общаются с людьми. Именно в этом и состоит главная обязанность гейши — развлекать клиентов общением, расслаблять их пением и интересным разговором. Примечательно, что многие гейши выходили в замужество. Например, государственный деятель и поэт эпохи Мэйдзи, принц Ито Хиробуми (1841 – 1909), был женат на гейше [3, с. 82].

Смена режима в Японии ознаменовалась и сменой «модных» тенденций. С «приходом» в Японию Европы женский внешний вид менялся не так быстро, как внешний вид мужчины. Если мужчины конца XIX века одевались в европейские серые и черные костюмы и, особенно, военные мундиры, то наряд даже богатой женщины состоял из халата и японских народных сандалий — гэта, а волосы по обыкновению были длинными. Однако прическа стала менее сложной. Раньше, чтобы уложить прическу, японкам требовалась посторонняя помощь, на рубеже эпох это стало слишком дорогим и слишком примитивным удовольствием. В Японии даже действовало женское движение, выступавшее за отказ от традиционных причесок. Также следует отметить еще одну интересную японскую традицию — выщипывание бровей. Выщипанные и подрисованные тушью брови считались у японских аристократок эталоном. Законодательно были запрещены короткие женские стрижки и женские брюки. Японцы считали европейские декольтированные платья «неприличными» и «неестественными».

Санкт-Петербургская газета «Голос» писала в 1867 г., что если японские мужчины постепенно переходят на европейскую одежду, то «японские дамы не дошли еще до подобного прогресса. Несмотря на свои, заведомо всем легкие нравы, они до сих пор не решаются еще оголяться по-европейски. Они находят эту одежду неприличной, что доказывает, конечно, их необразованность» [3, с. 44].

30 июля 1886 г. супруга императора Мэйдзи Харуко впервые показалась на публике в европейском платье, подав знак слабому японскому полу: теперь в европейской одежде следует появляться не только мужчинам, но и женщинам. 17 января 1887 г. Харуко через газету «Тёя симбун» обратилась к японским женщинам с призывом последовать ее примеру в деле введения в обиход европейского платья. Императрица утверждала, что еще в древности, до изобретения кимоно, японское платье походило на европейское больше, чем нынешнее. Поэтому, облачаясь в европейское платье, японки восстанавливают древние обыкновения. Однако ношение подобных платьев давалось женщинам с трудом, оно стесняло движения, японки часто чувствовали себя в них неловко [3, с. 51].

Говоря о японских женщинах, стоит упомянуть и об их роли в сфере искусства, и еще раз напомнить о том, что японский менталитет в корне отличается от европейского. Например, в Европе литературная деятельность долгое время считалась занятием преимущественно мужским, а в Японии, несмотря на явную дискриминацию по признакам пола, издревле считалось абсолютно нормальным, что женщины пишут стихи и прозу наравне с

мужчинами. Анализируя литературу этого периода, нельзя не упомянуть творчество Хигути Итиё (1872 – 1896), талантливой писательницы нового времени, сумевшей стяжать славу выдающегося мастера слова. В одном из наиболее известных её произведений «Мутный поток» идет повествование о несчастной любви женщины из «весёлого квартала» к одному из её клиентов, который в конце убивает её и делает себе харакири. Этот сюжет был довольно распространенным в литературе этого времени.

С национальным японским театром Кабуки дела обстояли куда более сложно. Дело в том, что в Японии очень долгое время действовал указ, запрещающий женщинам играть в театре – считалось, что это неприлично и подрывает моральные устои общества. Женские роли исполняли мужчины – оннагата. По-настоящему «равноправный» театр Кабуки появился лишь в середине XX столетия.

Что касается политической жизни страны, женщины не могли быть избраны на государственные политические должности, не могли голосовать, не могли высказывать свое личное мнение. В этом и проявился существенный изъян знаменитого японского девиза «японский дух - западная техника». Если в Европе возмущенные женщины устраивали различные марши феминисток и иные демонстрации, требовали «прекратить безобразие», то в Японии снова побеждал знаменитый японский менталитет: женщины не просто были ущемлены в правах, но они же сами считали это ущемление оправданным, ведь их с детства готовили не к политике, а к работе по хозяйству и уходу за детьми, а политика – мужская забава.

Первый Парламент в Японии появился лишь в 1890 г. и имел строгий имущественный ценз, поэтому голосовать могли лишь богатые торговцы и аристократы. Но это вовсе не означает, что прекрасная половина Японии не боролась за свои права, далеко не все женщины приняли указанную выше общественную мораль. Первый и последний раз довоенный парламент рассматривал закон, дающий женщинам Японии право голоса, в 1930 г. Женщины Японии получили доступ к политике, как и к театру. Однако в 1931 г. на Дальнем Востоке прозвучал «первый звоночек» Второй мировой войны (Маньчжурский инцидент), поэтому о законе забыли. И лишь в 1947 г. Конституция уравняла в правах женщин и мужчин, и это было признано фундаментальным принципом демократического законодательства. На основе равенства полов женщины де-юре получили право избирать и быть избранными, учиться в вузах, заниматься предпринимательской деятельностью, получать равную оплату за равный труд с мужчинами, а также обрели равенство в семье. Однако многие указанные положения на практике не реализованы и по сей день, поскольку разница в заработной плате мужчин и женщин доходит до 29%, в то время, как в большинстве развитых стран эта разница не превышает 15% [5, p. 188].

Конец XIX – начало XX вв. знаменуется достижениями в области образования. В 1872 г. было издано основополагающее «Положение об образовании» («Гакусэй»), которое провозгласило создание единой централизованной школьной системы обучения, благодаря чему оно должно было стать всеобщим и обязательным:

каждая семья в городе и в деревне должна быть охвачена системой образования. Этого требовали интересы укрепления и развития государственной и политической системы».

Несмотря на изменения, происходившие в традиционных устоях общества Японии, связанные как с влиянием Запада, так и с необходимостью выхода на новый уровень развития страны и становлением ее как мощного государства, национальные особенности в политике, культуре и экономике сохранялись. Это, в свою очередь, связано с многовековыми традициями японского социума, порядком жизни и религией. Влияние культуры и традиций распространяется на многие аспекты человеческой жизни, в том числе и на гендерные отношения. Оценивая сложившееся в конце XIX - начале XX вв. положение женщины в японском социуме, можно сказать, что положение женщины в обществе было весьма двойственным: несмотря на разнообразие сфер деятельности, в которых была задействована женщина, существовало и немало ограничений в разных сферах жизни – семейной, трудовой и политической. Женщина по-прежнему фактически не воспринималась как полноценный член общества и лишь во второй половине XX в. наметилась тенденция к расширению прав и свобод японских женщин, важнейшим из которых стало уравнение женщин в избирательных правах с мужчинами в 1947 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ермаков М.В. Доктрина Лотоса // Религиоведение. 2001. № 1. 179 с.
2. Мещеряков А.Н. Стать японцем. М.: Эксмо, 2012. 432 с.
3. Первые японские посольства в России в газетных публикациях 1862-1874 гг. First Japanese Embassies in Russia in Newspaper Publications 1862-1874. СПб.: Российская национальная библиотека, 2005. 470 с.
4. Пильняк Б. Корни японского солнца. Б. Пильняк в Японии: 1926. М.: «Три квадрата», 2004. 336 с.
5. Pharr. S. J. : Political women in Japan : The search for a place in political life. Berkley: Univ. of Calif. Press, 1981. 239 p.

УДК 339.923:061.1

Печищева Л.А.
Московский государственный лингвистический университет

ГЕРМАНИЯ И НЕПАЛ: ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Аннотация. В статье характеризуются торгово-экономические отношения между Германией и Непалом на рубеже XX–XXI вв. Цель двустороннего сотрудничества заключается в том, чтобы помочь Непалу достичь большей политической стабильности, преодолев последствия гражданской войны и сократив уровень бедности. Приоритетными направлениями являются энергетика, торгово-экономические отношения, гуманитарное сотрудничество. Особый вклад в развитие торгово-экономических отношений вносит Непало-германская торгово-промышленная палата. Несмотря на сохраняющуюся политическую и социально-экономическую нестабильность, в Непале наблюдается экономический рост, постепенно формируется гражданское общество.
Ключевые слова: Федеративная республика Германия, Непал, торгово-экономические отношения, гуманитарное сотрудничество.

L. Pechishcheva
Moscow State Linguistic University

GERMANY AND NEPAL: THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC RELATIONS AT THE TURN OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

Abstract. The author of the article examines the economic relations between Germany and Nepal at the turn of the 20th-21st centuries. The aim of the bilateral cooperation is to help Nepal gain greater political stability, overcome Civil war consequences and decrease the level of poverty. The priority directions of the cooperation between Germany and Nepal are: energetics, economic relations and humanitarian cooperation. NGCCI makes a significant contribution to the economic relations between the states. Despite the political and social, and economic instability in Nepal, one can notice the economic growth and gradual shaping of the civil society.
Key words: Germany; Nepal; trade and economic relations; humanitarian cooperation.

Германия в настоящее время стала одним из основных государств-«доноров» для Непала. Федеральное правительство Германии приняло решение более активно сотрудничать в политическом, экономическом, научном и культурном отношениях с Непалом после заключения мирного соглашения[1] в 2006 г. При этом цель такого сотрудничества заключается в том, чтобы помочь Непалу достичь большей политической стабильности, преодолев последствия гражданской войны и сократив уровень бедности. За 2012-2013 гг. Германия инвестировала в Непал в общей сложности 37,5 млн евро [4]. Приоритетными обла-

© Печищева Л.А., 2015.

[1] В ноябре 2006 г. повстанцы подписали с официальными властями Непала мирное соглашение, завершившее более чем десятилетнюю гражданскую войну.

стями в двустороннем сотрудничестве между Германией и Непалом являются возобновляемые источники энергии и эффективность их использования; развитие экономики и торговли; поддержка местного управления и гражданского общества. В дополнение к этим приоритетным областям правительство Федеративной республики Германия намерено оказывать поддержку в деле осуществления сложного мирного процесса в Непале.

Ряд немецких экспертов отмечает, что важными условиями в борьбе с бедностью и создании стабильного политического и экономического положения в Непале являются децентрализация, борьба с коррупцией и поддержка гражданского общества. В Непале еще в 1999 г. в силу вступило официальное постановление о местном самоуправлении (местный акт самоуправления) [5]. Однако из-за того, что Непальское государство испытывает дефицит в местных и региональных органах, избранных демократическим путем, не было возможности делегировать полномочия от центрального правительства к чиновникам на местах. Германия поддерживает муниципальные власти в развитии органов самоуправления, а также финансирует проекты, направленные на борьбу с бедностью, неграмотностью населения, улучшение здравоохранения, развитие инфраструктуры городов и т. д.

Острой проблемой, с которой сталкиваются жители Непала, является система здравоохранения. Оказание первой медицинской помощи непальцам осуществляется на низком уровне. Согласно официальной статистике и данным Всемирной организацией здравоохранения, на 10 тыс. жителей Непала приходится только 2,1 врача. У большинства населения нет доступа к необходимой медицинской помощи и лекарствам. В области здравоохранения политика направлена на улучшение предоставляемого медицинского обслуживания, особенно для жителей сельской местности. С 2011 г. правительство ФРГ, наряду со Всемирным банком и другими международными организациями, было включено в финансирование Программы 2010-2015 гг. сектора общественного здравоохранения Непала [6]. Германия помогает улучшить дело по распространению лекарств для самых бедных слоев населения, в частности, в сельской местности. Кроме того, разработана программа для молодых людей относительно грамотного сексуального воспитания и планирования семьи.

Важным моментом германо-непальского двустороннего сотрудничества является поддержка мирного процесса в Непале через консультативную деятельность и участие в непальском траст-фонде мира (с целью финансировать мероприятия в рамках всеобщего мирного соглашения от 2006 г.). Германия оказывает помощь в профессионально-техническом обучении и дальнейшем образовании бывших повстанцев-маоистов, таким образом, способствуя их интеграции в общество. Государственные[1] и порядка 120 неправительственных организаций ФРГ помогают Непалу в создании демократических институтов гражданского общества, защите прав и свобод человека. Министерство иностранных

[1] Германское общество по международному сотрудничеству (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit) и Банк развития (KfW Development Bank).

дел ФРГ разработало ряд программ и проектов, направленных на развитие демократических институтов в этой стране, а Фонд Фридриха Эберта имеет собственный офис в Катманду. Другие политические фонды работают вместе с непальскими партнерами и организациями в рамках региональных программ для Южной Азии. Германия также сотрудничает с Европейским Союзом и Всемирным банком по ряду аналогичных проектов в Непале.

Непал – одна из самых бедных стран Южной Азии. Валовой национальный доход на душу населения в год составляет приблизительно 700 долл США. Почти одна пятая населения страдает от недоедания. Только около 60 % взрослых умеют читать и писать. Согласно Индексу человеческого развития (2013 г.), Непал занимает 145 место в ряду 187 стран. Долгие годы гражданской войны препятствовали развитию страны, и после 2006 г. политическая и экономическая ситуация в Непале постепенно улучшается [3]. При в целом низких темпах роста производства, высокая динамика цен на топливо и продовольствие не способствуют экономическому развитию страны. Особенно негативно социально-экономическая нестабильность в стране сказывается на уровне жизни населения, в особенности это касается женщин, детей и представителей традиционно бедных каст, например, далитов (так называемые «неприкасаемые»).

В течение последних нескольких лет правительство Непала проводило политический и экономический курс направленный на создание рыночной экономики, пытаясь идти путем либеральных экономических реформ, нацеленных на ускорение экономического роста и стимулирование конкурентоспособности, на борьбу с бедностью, создание рабочих мест, минимализацию разрыва между городом и деревней и восстановление разрушенной после гражданской войны инфраструктуры. Экономическому развитию страны препятствуют серьезные проблемы в электроснабжении. Однако Непал обладает огромные ресурсами гидроэлектроэнергии, вся страна может быть обеспечена электричеством, произведенным из благоприятных для климата источников без каких-либо перебоев. Германия поддержала Непал в развитии его потенциала в области гидроэлектроэнергетики. Например, помогла этой стране в строительстве двух ГЭС в долине реки Марсъянди. Сейчас эти ГЭС производят 20 % электричества Непала. В отдаленных сельских районах небольшие системы гидроэлектроэнергетики снабжают население и местную промышленность. Таким образом, помощь Германии оказывает значительный вклад в экономический рост и создание дополнительных рабочих мест в Непале.

Кроме того, в течение многих лет Германия успешно помогала этой стране строить заводы биогаза. Были построены более 200 тыс. таких заводов, которые производят газ для использования в быту. Газ может применяться жителями Непала для приготовления еды, обогрева помещения и освещения [7]. Подключение санитарных комнат к заводам способствует улучшению гигиены, а переработанные отходы могут служить высококачественным удобрением. Использование возобновляемых источников энергии уменьшает потребность импортировать

органическое топливо и сокращает выбросы углекислого газа. Именно поэтому Германия поддерживает введение домашних солнечных систем, так же как программы по кредитованию, продвигающие экологически чистые и безопасные для климата инвестиции в области возобновляемых источников энергии, другие меры по повышению энергоэффективности.С точки зрения экономического развития Непал не может конкурировать со своими успешными соседями – Индией и Китаем. В последние годы темпы экономического роста Непала выросли и достигли 4,9 % (2012 г.) [8]. Однако этого недостаточно, чтобы сократить количество бедных людей в стране. Четверть всех непальцев по-прежнему живет за чертой бедности, большинство из них населяют сельские районы. Принимая во внимание потребности молодых людей и население, живущего за чертой бедности, Германия поддерживает диалог между частным сектором, государством и гражданским обществом, а также развивает малые и средние предприятия, торгово-промышленные организации и кооперативы на местном и региональном уровнях. Кроме того, Германия оказывает поддержку предприятиям, производящим традиционную для этого региона продукцию (мед, молоко, лекарственные и ароматические растения). Немецкие компании заинтересованы в развитии эко-туризма в Непале.

Поддержка ФРГ сосредоточена на совершенствовании медико-санитарной помощи, развитии возобновляемых источников энергии (солнечные и гидроэлектростанции, а также биогаз), стимулировании двусторонних торгово-экономических отношений и устойчивого экономического развития в Непале [1]. Германия является важным рынком для Непала, в особенности это касается текстильной продукции. Соглашение о защите инвестиций действует с октября 1986 г. [2]. Основанная в 1990 г. в Катманду Непало-германская торгово-промышленная палата (NGCCI) способствует развитию двусторонних торговых отношений. В Непале основу импорта из Германии составляет оборудование и промышленная продукция. В последние годы двусторонний торговый баланс регулярно демонстрировал профицит в пользу Непала. На протяжении последних нескольких лет годовой объем двусторонней торговли остается относительно стабильным, составляя примерно 50 млн. евро. Германия, как одно из самых мощных экономически и политически государств Европейского союза, завоевала значительные преимущества в тесных экономических связях со странами Южной Азии, которая становится важным рынком сбыта для немецких товаров и услуг. Для Германии в экономическом плане существенно дальнейшее расширение сферы своего влияния в развивающихся странах этого региона, таких, как Непал.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Nepal (Development cooperation) / Federal Foreign Office [сайт]. – URL:http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Nodes/Nepal_node.html (дата обращения: 17.04.2015).
2. Nepal (Economic relations) / Federal Foreign Office [сайт]. – URL:http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Nodes/Nepal_node.html (дата обращения: 17.04.2015).

3. Nepal: Situation and cooperation / Federal Ministry for Economic Cooperation and Development [сайт]. – URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/nepal/zusammenarbeit.html (дата обращения: 17.04.2015).
4. Priority areas of German cooperation with Nepal / Federal Ministry for Economic Cooperation and Development [сайт]. URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/nepal/zusammenarbeit.html (дата обращения: 17.04.2015).
5. Promotion of local self-government and civil society / Federal Ministry for Economic Cooperation and Development [сайт]. URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/nepal/zusammenarbeit.html (дата обращения: 17.04.2015).
6. Promoting the health system / Federal Ministry for Economic Cooperation and Development [сайт]. – URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/nepal/zusammenarbeit.html (дата обращения: 17.04.2015).
7. Promoting renewable energies and energy efficiency / Federal Ministry for Economic Cooperation and Development [сайт]. URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/nepal/zusammenarbeit.html (дата обращения: 17.04.2015).
8. Sustainable economic development and trade promotion / Federal Ministry for Economic Cooperation and Development [сайт]. URL:http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/nepal/zusammenarbeit.html (дата обращения: 17.04.2015).

УДК 94(54)

Аверин С.В.
Московский городской педагогический университет

УЧАСТИЕ ИНДИЙСКИХ ВОЙСК В РАЗГРОМЕ ИТАЛО-ГЕРМАНСКОЙ ГРУППИРОВКИ В ТУНИСЕ (1943 г.)

Аннотация. Статья посвящена участию индийских войск в важнейших операциях союзных армий против итало-германских войск на территории Туниса в годы Второй мировой войны. Британская Индия была активным участником этой войны и её войска сражалась на многих театрах военных действий, в том числе и в Северной Африке. В статье проводится анализ действий индийских частей и подразделений в составе британской армии, их взаимодействия с войсками других государств, принимавших участие в боях за Тунис. Выделены особенности применения индийских войск. Сделан вывод о роли индийских военнослужащих в победе над фашизмом в Тунисе.
Ключевые слова: индийская дивизия, бригада, батальон; итало-германские войска.

S. Averin
Moscow Municipal Pedagogical University

INDIAN TROOPS PARTICIPATION IN THE DEFEAT OF THE ITALIAN-GERMAN FORCES IN TUNISIA (1943)

Abstract. The article is devoted to the participation of Indian troops in major operations of the allied armies against Italian-German forces on the territory of Tunisia during World War II. British India actively participated in the war, its troops acting on many theatres of operations including North Africa. The article contains the analysis of the Indian units actions as a part of the British Army, their cooperation with the troops of other countries participated in the battle for Tunisia. Special attention is paid to the specifics of Indian units' combat employment. The conclusion is made of the Indian soldiers' role in the victory over the fascism in Tunisia.
Key words: Indian Division, brigade, battalion; Italian-German troops.

Военные операции западных держав по изгнанию итало-германских войск из Туниса в годы Второй мировой войны – достаточно распространенная тема среди зарубежных авторов. Победе союзников, приведшей к разгрому крупной группировки войск противника и выходу из войны Италии, они придают большое значение. Некоторые исследователи сравнивают события в Тунисе с решающими сражениями на восточном фронте – например, Сталинградской битвой [7].

Безусловно, значение этих операций в масштабах Второй мировой войны часто преувеличивается. Однако для её главных участников победа в Тунисе была очень важным событием в цепочке последовательного разгрома государств фашистского блока. Среди активных участников операций в Тунисе была и индийская армия, не по своей воле вовлеченная в борьбу за да-

© Аверин С.В., 2015.

лёкие от неё территории. В отечественной исторической науке о действиях индийских войск в Тунисе, как и обо всей Тунисской кампании, известно очень мало.

Задача данной статьи – в основных чертах рассмотреть действия индийской армии в операциях по разгрому итало-германских сил в Тунисе в 1943 г.

Источниковой базой данной статьи являются воспоминания и записи участников битвы за Тунис. Например, мемуары и дневники командующих союзными и итало-германскими войсками: Б. Монтгомери [5], Г. Александера [15], Э. Роммеля [16] и др.

В отечественной исторической науке тема освещена недостаточно. Есть попытки описать военные действия в Тунисе в литературе, посвященной военным действиям в Северной Африке [2], операциям Второй мировой войны [3].

Зарубежная историография содержит большой объем фактического материала по данной теме. Есть много работ, описывающих военные действия в Тунисе в 1942-1943 гг. Например, в объемных коллективных работах по истории Великобритании [10], Новой Зеландии [14], Индии [8] в годы Второй мировой войны подробно описывается участие войск этих государств в сражениях на территории Туниса. Однако это описание часто бывает односторонним, то есть мало затрагивающим действия противника. В подобных трудах подчёркивается значительная роль усилий этих государств в победе над фашизмом и часто игнорируется зависимость вооруженных сил Германии от событий на советско-германском фронте. Основная часть исследований о кампании в Тунисе приходится на долю английских и американских авторов.

В конце 1942 – начале 1943 г. итало-германские войска заняли оборону в оккупированной ими французской колонии Тунис. Туда отступили войска танковой армии «Африка» под командованием Э. Роммеля и были переброшены дополнительные войска Германии и Италии. Им противостояли войска антигитлеровской коалиции. Они вели наступление с двух направлений. Высадившиеся в Марокко и Алжире в ходе операции «Торч» англо-американские войска и поддержавшие их французские войска двигались с запада и освобождали территорию западного Туниса. С востока наступала британская 8-я армия под командованием генерала Б. Монтгомери. Особенностью этой армии было то, что она имела многонациональный состав. В неё входили войска британских владений: Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и Индии. Индийские войска принимали активное участие в боевых действиях на африканском фронте и имели большой опыт войны в условиях пустыни. Особенностью индийских вооруженных сил в то время было то, что они комплектовались на добровольной основе. Всеобщей воинской повинности в армии не было, так как Индия не испытывала нехватки людских ресурсов [4, с. 9]. К началу операций в Тунисе индийские войска находились в составе 4-й индийской пехотной дивизии «Красные орлы» под командованием генерал-майора Ф. Такера.

После победы 8-й армии у Эль-Аламейна в ноябре 1942 г. эта дивизия не принимала более активного участия в военных действиях. Она дислоциро-

валась на занятых союзниками территориях Ливии: в Тобруке и Триполи [12, p. 76-77]. Ситуация изменилась, когда в марте 1943 г. войска 8-й армии приблизились – к линии Марет на ливийско-тунисской границе. Линия Марет была сильным, но уже несколько лет не укреплявшимся оборонительным рубежом. На северо-востоке она примыкала к Средиземному морю, а на юго-западе к холмам Матматта, непроходимым для техники. Перед её фронтом находилось высохшее русло реки Вади Зигзу, представлявшее собой серьезное противотанковое препятствие.

План Монтгомери по преодолению линии Марет предусматривал активные действия с двух направлений. Это лобовой удар через оборонительные позиции и обход основных укреплений с выходом в тыл войск противника на самой линии [15, p. 65].

Фронтальное наступление началось 20 марта. Войска 50-й дивизии 30-го корпуса овладели плацдармом на противоположном берегу Вади Зигзу, но с трудом удерживали его. Для их поддержки инженеры 4-й индийской дивизии приступили к наведению переправы. Ввиду неудачных действий Монтгомери решил перенести основное наступление в обход линии Марет, а на рубеже Вади Зигзу перейти к обороне. Он направил 4-ю индийскую и 1-ю бронетанковую дивизию в район холмов Матматта на помощь новозеландским войскам [5, с. 160].

4-я индийская дивизия перешла в наступление ночью с 24 на 25 марта. Ее войска выдвигались от города Меденин, две бригады (7-я и 5-я) были направлены в сторону Матматта. Эти бригады сумели преодолеть массив холмов Матматта, не встретив сильного сопротивления, и даже захватили в плен 116 итальянских военнослужащих [13, p. 188]. Трудности возникали из-за минирования противником дороги, по которым двигались индийцы. В результате наступление развивалось очень медленно. Лишь 27 марта бригады 4-й дивизии вышли на равнину Габес, выполнив поставленные задачи. Однако продолжать наступление уже не имело смысла.

24 марта главнокомандующий группой армий «Африка» генерал Ю. фон Арним начал отвод войск от линии Марет из-за угрозы в тылу своих войск и продвижения 2-го американского корпуса [1, с. 247]. К 28 марта последние итало-германские части отошли к оборонительному рубежу Вади-Акарит, а 8-я армия заняла линию Марет.

Оборонительная позиция Вади-Акарит представляла собой высохшее русло реки [9, p. 87]. С одной стороны оно примыкало к морю, с другой – к болотам и горам. За руслом Вади-Акарит находилась группа холмов Джебель-Румана, а рядом – горный массив Фатнасса – лабиринт ущелий, оврагов и скальных обломков. Здесь и расположились отошедшие войска противника, получив преимущество в обороне, так как находились на возвышенности и были недосягаемы для техники.

4-я индийская дивизия перешла в наступление ночью 5 апреля. Её задача заключалась в овладении высотами Фатнасса до того, как 50-я и 51-я дивизии начнут выдвижение на Джебель-Руману. Основная роль отводилась 5-й и 7-й бригадам. Задача 7-й бригады заключалась в выходе на рубеж Фатнасса. В ходе бесшумной атаки 1-й батальон 2-го полка гуркхских стрелков

прорвал позиции итальянской дивизии «Пистойя» на скалистых холмах, чем открыл проход для 5-й индийской бригады. 1-й королевский Сассекский батальон и 4-й батальон 16-го пенджабского полка овладели укреплениями противника в районе Фатнасса и высотой Джебель-Мейда, захватив 1100 пленных из дивизии «Пистойя» [12, p. 82]. Особенно отличились в этих боях два взвода гуркхов под командованием субадара Лалбахадура Тапа, захватившие несколько итальянских огневых точек. Впоследствии субадар Тапа за этот бой был представлен к Кресту Виктории [12, p. 82].

5-я бригада предназначалась для выдвижения через массив Фатнасса к равнине Сфакс. Вместе с 7-й бригадой она участвовала в боях за овладение местностью в районе Фатнасса, взяв в плен несколько тысяч итальянцев. В результате индийские бригады открыли дорогу для движения военной техники 10-го корпуса [11, p. 87].

В 04:15 6 апреля в наступление на позицию Вади-Акарит перешли 50-я и 51-я дивизии. При поддержке индийских войск с левого фланга они вели бои за высоты Джебель-Румана.

Исход сражения решился 7 апреля, когда итало-немецкие войска начали отход на позиции к Энфидавиллю, оставив высоты Фатнасса и Румана. 8 апреля 8-я армия соединилась со 2-м американским корпусом в районе города Гафса. К середине апреля и итальянцы, и немцы осуществили отход на последнюю оборонительную позицию без особых потерь. Она, как и предыдущие позиции, представляла собой труднопроходимую горную местность, укрепленную оборонительными сооружениями.

Так как главный удар предполагалось нанести в секторе 1-й американской армии, 8-я армия Б. Монтгомери получила задачу по отвлечению на себя значительной части войск противника.

Задачей 4-й индийской дивизии в предстоящем наступлении являлось овладение горой Джебель-Гарси в 10 км западнее города Энфидавилль. Для участия в наступлении дивизия была переведена из 30-го корпуса в 10-й. Индийцы начали атаку в 21:00 19 апреля. 1-й батальон 4-го Эссекского полка овладел местностью и закрепился на рубеже исходной позиции для наступления своих войск, при этом захватив в плен 50 немецких военнослужащих [12, p. 85]. В 22:00 к своему объекту наступления двинулся 4-й батальон 6-го полка раджпутских стрелков. При подъеме по склонам он столкнулся с упорным сопротивлением немецких войск. Все командиры рот погибли, и наступление пришлось свернуть, а затем начать заново. В 03:00 20 апреля к наступлению подключился и 1-й батальон 9-го полка гуркхских стрелков. Карабкаясь по скалистым склонам, военнослужащие батальона попали под сосредоточенный огонь немецких пулеметов. Потеряв двух командиров рот, они все же заставили противника отступить. Особенно тяжелые бои развернулись после захвата высоты 330. Во время боя у индийцев закончились боеприпасы и в ход пошли камни, штыки и индийские ножи – кукри. Индийцы отразили все немецкие контратаки, проявив высочайшую храбрость и стойкость. Часть 4-го батальона 6-го раджпутского полка была отведена для перегруппировки, и немцы предприняли контратаку. Их встретил огонь

дивизионной артиллерии и 1-го батальона 9-го гуркхского полка. В результате рукопашной схватки противник вынужден был отступить, а гуркхский и раджпутский батальоны начали его преследование.

Параллельно с индийцами в наступление на позиции противника на горе Такруна перешла 2-я новозеландская дивизия. Дивизия выполнила свою задачу, однако понесла большие потери и оказалась под угрозой окружения. Чтобы предотвратить это, командующий 4-й индийской дивизией Ф. Такер перебросил на опасный участок 7-ю индийскую бригаду [12, p. 87].

Бои в районе гор Гарси и Такруна продолжались с переменным успехом. Боевые действия перешли в фазу борьбы на истощение, а индийские и новозеландские войска понесли большие потери. К концу дня 21 апреля потери 4-й индийской дивизии достигли 500 военнослужащих. Некоторые роты потеряли треть личного состава [13, p. 240]. Командующие 2-й новозеландской и 4-й индийской дивизий Фрейберг и Такер отказались продолжать боевые действия у гор Гарси и Такруна. 22 апреля Монтгомери заменил индийские и новозеландские войска силами 153-й бригады 51-й дивизии. Индийцы получили новую задачу – овладение высотой Тегапа. Однако принять участие в этих боях они не успели. Командующий 18-й группой армий Г. Александер решил использовать 4-ю индийскую дивизию на фронте 1-й американской армии для участия в операции «Страйк» – завершающем ударе по итало-германским войскам. 30 апреля 4-я индийская, 7-я бронетанковая дивизии и 201-я гвардейская бригада вошли в состав 9-го корпуса 1-й американской армии [1, с. 249]. Дивизия Такера из города Кайруан была переброшена в район Меджез-эль-Баб.

5 мая индийские 5-я и 7-я бригады приняли участие в прорыве обороны противника в районе Боу Хуакер. Успешные действия индийских и других формирований союзников привели к тому, что фронт группы «Африка» начал разваливаться и союзные войска заняли города Бизерту и Тунис. Индийские войска заняли позиции для подавления остатков итало-германских войск в районе мыса Кап-Бон. 11 мая они перешли в наступление на остатки сформированной накануне группы армий «фон Арним» и группы армий «Мессе» в районе холмов Загуан. Войска противника быстро потеряли между собой связь и начали массовую сдачу в плен. Патрули 1-го батальона 9-го гуркхского полка и 4-го батальона 6-го раджпутского полка взяли две тысячи пленных [12, p. 90]. На следующий день индийскому 1-му батальону 2-го гуркхского полка сдалась итальянская дивизия «Суперга». 13 мая после непродолжительного сопротивления в районе города Сент-Мари-Дузит 1-му королевскому Сассекскому батальону сдались три тысячи немцев из состава танкового гренадерского полка. Южнее Сент-Мари-Дузит 1-й батальон 2-го гуркхского полка и 1-й королевский Сассекский батальон участвовали в пленении главнокомандующего итало-германскими войсками генерала Ю. фон Арнима [6, p. 528]. 13 мая после переговоров с командиром индийской дивизии Ф. Такером он согласился на капитуляцию. Вторая мировая война в Африке завершилась.

Индийские войска в боях за Тунис показали себя хорошо подготовленны-

ми и боеспособными воинскими формированиями, особенно при ведении боевых действий в горных условиях. Поскольку гористая местность была характерна для значительной части Туниса, индийцы активно использовались во всех операциях 8-й армии. Главными из них были действия по прорыву оборонительных позиций 1-й итальянской армии на линии Марет, у реки Вади-Акарит и у города Энфидавилль. Индийские войска участвовали и в завершающих боях за Тунис в составе 1-й американской армии. Командование делало ставку на них в начале наступления, когда под покровом темноты индийские военнослужащие часто в ходе бесшумных атак подавляли огневые точки противника и открывали дорогу частям других соединений. Так же они использовались и для поддержки их действий. Наиболее тяжелыми для индийских войск стали бои за гору Гарси в районе города Энфидавилль, где они ввязались в затяжные бои с немецкими войсками, так и не достигнув решительного успеха. Таким образом, Индия, как и другие владения Великобритании, активно помогала своей метрополии в борьбе с Германией и Италией и внесла свой достойный вклад в разгром фашизма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Говард М. Большая стратегия. М.: Воениздат, 1980. 464 с.
2. Головушкин В.И. Вторая мировая война. Битва за Африку: Взгляд из России. М.: АСТ; Ермак, 2004. 432 с.
3. История Второй мировой войны 1939–1945 гг: В 12 т. Т.6: Коренной перелом в войне. М.: Воениздат, 1976. 512 с.
4. Крысин М.Ю. Индийская армия 1939-1945. М.: АСТ; Астрель, 2003. 65 с.
5. Мемуары фельдмаршала Монтгомери виконта Аламейнского. М.: Изографус; Эксмо, 2004. 560 с.
6. Atkinson R. An Army at Dawn: the War in North Africa, 1942-1943. New York: Henry Holt, LLC, 2002. 683 p.
7. Beitzell R. The uneasy alliance: America, Britain and Russia 1941–1943. New York: Published by Knopf, 1972. 66 p.
8. Bharucha P.C. The North African Campaign, 1940-1943. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939-45. Delhi: Combined Inter-Services Historical Section, 1956. 567 p.
9. Messenger C. The Tunisian Campaign. London: Ian Allan Ltd, 1982. 129 p.
10. Molony C.J. The Mediterranean and Middle East, Vol. 4: The Destruction of the Axis Forces in Africa. History of the Second World War. United Kingdom Military Series. London: HMSO, 1966. 975 p.
11. Moreman T. Desert Rats. British 8th Army in North Africa 1941–1943. New York: Osprey Publishing, 2007. 97 p.
12. Praval K.C. The Red Eagles. A History of Fourth Division of India. New Delhi: Vision Books, 1982. 447 p.
13. Rolf D. The bloody road to Tunis: destruction of the Axis forces in North Africa, November 1942 – May 1943. London: Greenhill Books, 2001. 320 p.
14. Stevens W. G. Bardia to Enfidaville. The official History of New Zealand in the Second World War 1939–1945. Wellington: War History Branch, Department of Internal Affairs, 1962. 417 p.
15. The Memoirs of Field Marshal Earl Alexander of Tunis 1940-1945. Cassel; Company Ltd, 1962. 209 p.
16. The Rommel Papers/ Edited by Liddel Hart B. Collins, 1953. 547 p.

УДК 94 «20-21».

Комаров А.Н.
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

П. МЭННИНГ И С. ДЕЙ: ВЕХИ КАРЬЕРЫ И РОЛЬ В ИСТОРИИ КАНАДСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В 1990-е гг.

Аннотация. Статья посвящена важному этапу в истории развития канадского консерватизма, посвященному борьбе правых консерваторов за власть на парламентских выборах 1993, 1997 и 2000 гг. под руководством видных политиков П. Мэннинга и С. Дея. Автор уделяет внимание особенностям предвыборных кампаний правых консерваторов, их попыткам сделать Партию реформ и Канадский консервативный альянс реформ общенациональным партиями, отвечающими интересам электората. В работе подчеркивается, что правоконсервативная идеология в Канаде являлась неотъемлемой частью развития консерватизма в этой стране.
Ключевые слова: П. Мэннинг, С Дей, Б. Малруни, консерватизм, адаптация, Партия Реформ, Канадский консервативный альянс реформ.

A. Komarov
Russian State University for the Humanities, Moscow

PRESTON MANNING AND STOCKWELL DAY: THE CAREER STAGES AND THE ROLE IN THE HISTORY OF CANADIAN CONSERVATIVES IN 1990-S

Abstract. This article describes a difficult and important period of Canadian conservatism, which is devoted to the struggle for power of the Reform Party and the Canadian Reform Conservative Alliance under the leadership of Preston Manning and Stockwell Day during the general elections of 1993, 1997 and 2000. Therefore the author draws the reader's attention to the general election campaigns of the right Conservatives, as well as to their attempts to make the parties nationwide, applicable to the interests of the Canadian voters. The author underlines that the right Conservatism in Canada is an essential part of the whole process of the Conservatism development in this country.
Key words: Preston Manning, Stockwell Day, Brian Mulroney, conservatism, adaptation, the Reform Party, the Canadian Reform Conservative Alliance.

В современных условиях в российском обществе сформировался устойчивый запрос на принципы консервативной идеологии, к которым, прежде всего, относятся стремление к общественной стабильности, приверженность морально-нравственным ценностям, важнейшими из которых являются единство нации и патриотизм, религиозные и семейные устои. В своем послании Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул недопустимость разрушения традиционных ценностей, составляющих духовную

© Комаров А.Н., 2015.

и нравственную основу российской цивилизации, и, прежде всего, «ценностей гуманизма и разнообразия мира, национальных традиций и различия наций и культур, религии, подлинной человеческой жизни» [4, с. 2].

Идеология консерватизма в данном случае понимается в ее конструктивно-динамическом смысле, т.е. она ориентирована на обобщение прошлого исторического опыта и на использование его важнейших достижений для поступательного развития нашего общества в будущем.

В этой связи для исторической науки принципиально важным и актуальным является накопление опыта изучения консервативных традиций в историческом процессе в целом, их влияния на общественно-политическое развитие как стран Европы и Америки, так и других культурно – цивилизационных регионов мира. Это, в первую очередь, те страны, где развитие консервативной общественно-политической программы получило особенно яркое воплощение и реализацию. К таким странам относится Канада.

Генезис или происхождение консерватизма в Великобритании, США и Канаде имеет различные объективные идеологические основы, обусловленные непосредственным историческим развитием этих государств. В Великобритании генезис или зарождение консерватизма как политической идеологии на рубеже XVIII-XIX вв. было связано с негативной реакцией английской аристократии на общественные идеи эпохи Просвещения и опыт Великой Французской буржуазной революции. Идеологи британского консерватизма, и, в том числе Э. Берк, отмечая кровопролитие, хаос, незаконную конфискацию собственности феодальной аристократии, а также всевозможные злоупотребления в ходе Великой Французской буржуазной революции, противопоставляли им уважение к монархической власти, патриотизм, опору на традицию, семью, церковь, частную собственность, преемственность поколений» [2, с. 2].

В США генезис консерватизма абсолютно отличается от британского варианта. Если в Великобритании возникновение консерватизма было связано с идеей неприятия феодальной аристократией Великой Французской буржуазной революции и противостояния с буржуазией, то в США первоначальные истоки консерватизма были связаны с умеренно консервативной трактовкой рядом американских политиков идеологии Просвещения. А. Гамильтон, Дж. Адамс и др., придерживаясь принципов разделения властей, американской конституции 1787 г., правового государства и гражданского общества, общественного договора и неотъемлемых прав индивида, в то же время высказывали ряд консервативных идей, к которым можно отнести теорию фракций и фракционной вражды, идею «выборной монархии» на длительный срок, приоритетности права на частную собственность среди всех неотъемлемых прав индивида и т.д.

В свою очередь, в Канаде консервативная идеология не отражала изначально, как в Великобритании, мировоззрения феодальной аристократии и ее противостояния с буржуазией, а реализовала, наоборот, прежде всего взгляды торгово-промышленной и финансовой буржуазии, которая считала

необходимым образовать федерацию, объясняя необходимость ее появления как минимум двумя важнейшими моментами: во-первых, необходимостью индустриализации страны, и прежде всего, формирования сети железных дорог, а во-вторых, возможной опасностью поглощения канадских территорий со стороны США. Именно эту точку отстаивал лидер Консервативной партии Канады и ее премьер-министр Дж. Макдональд.

В современной исторической науке сложилась традиция, рассматривающая канадских консерваторов как неотъемлемую часть двухпартийного механизма Канады. Необходимо отметить, что канадские консерваторы в течение всей своей более чем 150-летней истории (с 1850-х гг.) всегда являлись последовательными в реализации основополагающих принципов консерватизма. При этом они опирались на требование *эволюционного* развития канадского общества, минуя революционные катастрофы и потрясения, антагонистические противостояния власти и оппозиции. Несмотря на то, что канадские консерваторы во второй половине XX – начале XXI вв. часто пребывали в оппозиции и уступали в конкурентной борьбе либералам, их влияние на общественно-политическое развитие Канады нельзя не дооценить.

Изучение вышеупомянутых проблем в российском контексте также значимо для дальнейшего развития парламентаризма, функционирования и взаимодействия существующих политических партий. В течение XX и в начале XXI вв. Россия неоднократно сталкивалась с необходимостью дальнейшего совершенствования и модернизации своего политического развития, что находило закономерное воплощение в революционных событиях, скачкообразном движении вперед, активном противостоянии власти и оппозиции, резких и внезапных государственных реформах.

Немаловажным для России представляется политический опыт Канады в решении проблем федерально-провинциальных отношений, так как для него характерно стремление использовать только цивилизованные и конституционные средства разрешения национально-правового кризиса. Стоит также подчеркнуть, что у Канады с Россией много общего не только в плане природно-географических условий, размеров территорий, но и в особенностях федеративного государственного устройства, влияния интеграционных процессов на внутриполитическую жизнь страны.

Кроме того, в условиях формирования в России правового государства и гражданского общества актуальным представляется зарубежный, и в частности канадский, опыт в области государственно-правового строительства. Именно это демократическое государство, с классической двухпартийной системой, основанной на политических идеологиях консерватизма и либерализма, а также высокой степенью развитости федеративных отношений, представляет собой весьма значимый пример для дальнейшего изучения.

Необходимо также отметить, что для российского общества на настоящем этапе исключительно важным является вопрос о выработке соответствующей политической идеологии, которая способствовала бы не только общенациональному единению граж-

дан, но также и развитию базовых и неотъемлемых демократических ценностей. В этой связи как никогда актуальным представляется зарубежный, и, в частности, опять-таки канадский опыт. Постоянная конкурентная борьба Либеральной и Прогрессивно–консервативной, а затем и Консервативной партий, осуществляемая исключительно парламентскими, мирными и реформистскими методами в рамках двухпартийной системы, сама по себе свидетельствовала о действенности консервативной идеологии, ее прочности и долговечности.

Опираясь на вышесказанное, необходимо также подчеркнуть, что на современном этапе развития постиндустриального общества значительную роль в общественно-политической жизни стран Европы и Америки продолжает играть именно консерватизм, который, подобно либерализму и социал-демократии, отличается гибкостью, адаптивностью к новым реалиям, учитывает веяния времени, а также стремится максимально расширить свою электоральную базу. Видоизменяясь, консерваторы в то же время оставляют за собой значительную часть избирательного корпуса, который регулярно отдает за них голоса на общенациональных выборах.

В центре внимания автора данного исследования находится изучение и анализ тенденций развития правого канадского консерватизма на рубеже XX –XXI вв., реализованного в теоретических концепциях и политической деятельности П. Мэннинга и С. Дея.

Объектом исследования выступает идеология и политика правых канадских консерваторов, нашедшая свое воплощение в деятельности Партии Реформ, а также Канадского консервативного альянса реформ в период 1980-х г. - 2000-х гг.

Предметом исследования является процесс адаптации правого канадского консерватизма к постиндустриальным общественно-политическим реалиям в этом государстве.

Цель данной статьи – проанализировать и исследовать идеологию и политику правых канадских консерваторов в 1980-е – 2000-е гг., их вклад в развитие канадского общества и в идеологию консерватизма.

В то же время стоит заметить, что в отечественной научной литературе, особенно периода последних 10-12 лет, тематика правого канадского консерватизма получила определенное освещение, однако ее комплексному анализу уделялось недостаточное внимание. В частности, отечественная историография до 2009—2010 гг. не выделяла ключевые этапы развития правого канадского консерватизма как политической идеологии, не рассматривала его как целостное явление.

История правого консерватизма в Канаде является показательной. В октябре 1993 г. на парламентских выборах правящая Прогрессивно-консервативная партия потерпела не только сокрушительное поражение, но и потеряла статус официальной оппозиции её Величества, получив всего 16% голосов избирателей и 2 места в Палате общин [3, с. 2].

Это не только нанесло серьезный ущерб традиционной двухпартийной системе англосаксонского типа, существовавшей в Канаде со второй половины XIX в., но и способствовало регионализации голосования и распылению консервативно ориентиро-

ванного электората, который стал по отдельности поддерживать правоконсервативные Партию реформ, Канадский консервативный альянс реформ, а также Прогрессивно-консервативную партию на всеобщих выборах 1993 и 1997 и 2000 гг.

История становления Партии реформ, созданной в 1987 г. в провинции Манитоба П. Мэннингом, в этой связи является показательной. Социальной основой этой партии являлся мелкий и средний бизнес Запада, недовольный политикой канадского правительства, которое в большей степени учитывало экономические и политические интересы франкоязычного Квебека, а также густонаселенной провинции Онтарио.

Используя сложное, в значительной степени негативное отношение англоканадцев к конституционным инициативам Б. Малруни, опираясь, в свою очередь, также на элементы социальной демагогии, реформисты сумели превратить массу своих разрозненных сторонников в единую политическую партию. Стоит заметить, что лидер партии П. Мэннинг использовал различные формы активной работы со своими потенциальными избирателями, включающие как свои многочисленные харизматичные выступления, так и бесчисленные поездки по стране, решающими из которых оказались визиты в 1990-1991 гг. на канадский запад, в Онтарио и Атлантическую Канаду

Поэтому первым активным действием Партии реформ была разгромная критика Мичлейкского соглашения, что, естественно, привело к росту ее избирателей среди англоязычного населения западных провинций. После провала конституционной инициативы П. Мэннинг, будучи талантливым оратором, сумел найти нужные слова для англоканадцев, которые неоднократно, в свою очередь, задумывались над истоками кризиса.

Как считал сам П. Мэннинг, настоящая ситуация сложилась именно потому, что, как франкоканадцы, так и аборигенные народы требуют статуса «самобытной общности» за счет ущемления прав других провинций [6, p.145]. Объяснения П. Мэннинга как нельзя более кстати соответствовали и взглядам электората на данную проблему.

Партия реформ активно участвовала в подготовке к всеобщим выборам 1997 г. Результаты всеобщих выборов, состоявшихся в мае 1997 г., принесли Партии реформ противоречивые результаты. С одной стороны, впервые она получила второе место на выборах (60 мест в Палате общин и 19,35% голосов избирателей). Это позволило ей улучшить свой предыдущий результат, так как после всеобщих выборах 1993 г. она была представлена 52 местами в Палате общин и получила 18,69% голосов. Кроме того, Партия реформ опередила консерваторов во главе с их лидером Ж.Шаре, которые получили только 20 мест в Палате общин и 18,8% голосов избирателей [1, с. 69]. Деятельность реформистов не дала возможности одержать реванш прогрессивным консерваторам, которые желали оправиться от своего сокрушительного поражения на всеобщих выборах 1993 г. С другой стороны, реформисты не смогли выполнить предвыборную установку П. Мэннинга о том, что они представляют собой политическую альтернативу находящимся у власти либералам

и, соответственно, победить их на всеобщих выборах. Если Партия реформ смогла опередить консерваторов, которые еще не оправились от трагических для них событий 1993 г., то перед общенациональной Либеральной партией, несмотря на яркие выступления своего лидера, она оказалась бессильной. Реформисты П. Мэннинга, подобно консерваторам Ж. Шаре, не смогли преодолеть тенденцию регионализации голосования в Канаде, проходящую уже через вторые всеобщие выборы, и активно проявившую себя как в 1993, так и в 1997 гг. Партия реформ не сумела опровергнуть обвинения своих политических оппонентов в том, что она является типично региональной, и полностью проиграла политическую борьбу за избирателей провинции Онтарио, не получив от нее ни одного места в Палате общин. По-прежнему, как и в 1993 г., региональную базу Партии Реформ определяли Манитоба, Саскачеван, Альберта, Британская Колумбия. При данном положении вещей и отсутствии электоральной поддержки в густонаселенной провинции Онтарио, реформисты не смогли стать правящей партией в стране. Кроме того, голосуя как за Партию реформ, так и за ПКП в отдельности, избиратели, тем самым, способствовали вторичному приходу либералов к власти в 1997 г.

Поэтому, учитывая все вышеперечисленные факторы, П. Мэннингом был сделан акцент на формирование новой политической партии с приблизительным названием «Объединенная альтернатива», которое могло бы привлечь, прежде всего, избирателей Онтарио [7, p. 60].

В начале 2000 г. был создан Канадский консервативный альянс реформ (ККАР) - правоконсервативная политическая партия, которая повела борьбу за избирателей, конкурируя с либералами и ПКП. Лидером ККАР в июле 2000 г. стал политик С. Дей. Однако им был допущен ряд просчетов в ходе подготовке к парламентским выборам, назначенным на осень этого же года.

В итоге результаты всеобщих выборов 2000 г. оказались крайне противоречивыми для ККАР. С одной стороны, ККАР получил 66 мест в Палате общин, а также 25,4% голосов избирателей, и продолжал, как и Партия реформ ранее, оставаться официальной оппозицией её Величества [7, p.80]. С другой стороны, линия на создание общенациональной партии, которая могла бы составить конкуренцию либералам, не оправдала себя. ККАР, созданный на базе Партии Реформ, по–прежнему оставался региональной партией, отвечающей интересам провинций канадского Запада.

Несмотря на политический талант П. Мэннинга, С. Дея, их партии не смогли по отдельности одержать победу над либералами Ж. Кретьена и бросить им политический вызов. Вследствие этого, либералы последовательно побеждали на всеобщих выборах 1993, 1997 и 2000 гг. и получали парламентское большинство, обеспечив, тем самым, три премьерства Ж. Кретьену. Электорат канадского Запада последовательно голосовал за Партию реформ и Канадский консервативный альянс реформ, в то время, как избиратели Атлантических провинций предпочитали формировать свой политический выбор в пользу Прогрессивно-консервативной партии. В свою очередь, самые густонаселенные провинции Онтарио и Квебек

находились вне внимания консерваторов, которые, без влияния в них, не могли претендовать даже на формирование правительства парламентского меньшинства. Это в равной степени степени относилось как к правым консерваторам, так и к центристски настроенной Прогрессивно-консервативной партии, не сумевшей восстановить свое былое политическое влияние среди избирателей.

Поэтому после всеобщих выборов 2000 г. перед ККАР встал вопрос – либо расширять сотрудничество между двумя существующими консервативными партиями либо идти на возможное объединение, либо продолжать свой настоящий путь и в итоге исчезнуть в качестве политической силы, предоставив либералам постоянно управлять страной. Ни участие Партии реформ во главе с П. Мэннингом во всеобщих выборах 1993 и 1997 гг., ни избирательная кампания ККАР со С. Деем накануне всеобщих выборов 2000 г. не дали искомых результатов и не способствовали завершению политической монополии Либеральной партии, уже в третий раз подряд одерживающей весомую победу. Поэтому наступало время принятия стратегических решений как для ПКП, так и для ККАР в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ажаева В.С. Эволюция партийно-политической системы Канады в 90-е гг. // Канада: взгляд из России. Экономика, культура, политика. М., 2002. С. 69.
2. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993. 94 с.
3. Комаров А.Н. Канадские консерваторы: от оппозиции к власти 1990–2010-е годы: Монография. М.: РГГУ, 2014. 240 с.
4. Послание Президента Федеральному Собранию [электронный ресурс] // Президент России [сайт]: URL: www.kremlin.ru/events/president/news/19825.
5. Frizzell A., Pammet J.H., Westell A. The Canadian General Election of 1993. Ottawa: Carleton University Press, 1994. 205 p.
6. Harrison T. Of Passionate Intensity. Right-Wing Populism and the Reform Party of Canada. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1995. 325 p.
7. Pammet J.H., Dornan C. The Canadian General Election of 2000. Toronto, Oxford, Buffalo: Dundurn Press, 2001. 351 p.

РАЗДЕЛ III. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.01

Матюхин А.В.
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

ПРИНЦИП ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ П.Н. НОВГОРОДЦЕВА И С.Л. ФРАНКА

Аннотация. В статье исследуется актуальный для методологии общественного развития принцип «политического релятивизма», представленный в творчестве выдающихся русских мыслителей первой половины XX века П.Н. Новгородцева и С.Л. Франка. В рамках этого принципа по-новому ставился вопрос о средствах и путях политического прогресса как соотношения абсолютного общественного идеала с относительными социально-историческими формами бытия. Принцип политического релятивизма стал альтернативой доминирующим в русском либерализме радикальным подходам к социально-политическим реформам.
Ключевые слова: реформы, либерализм, радикализм, доктрина, политический релятивизм, прогресс, абсолют, политическая наука.

A. Matykhin
Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

PRINCIPLE OF POLITICAL RELATIVISM IN P.N. NOVGORODTSEV AND S.L. FRANK'S CREATIVE WORK

Abstract. The article analyses the principle of political relativism, actual for the methodology of social development presented in the works of outstanding Russian thinkers of the first half of the XX century of P.N. Novgorodtsev and S.L. Frank. Within this principle the question of means and ways of political progress got new understanding. They were considered to be the correlation of an absolute public ideal with relative socio-historical forms of objective reality. The principle of political relativism became an alternative to the radical approaches to socio-political reforms dominating in the Russian liberalism.
Key words: reforms, liberalism, radicalism, doctrine, political relativism, progress, absolute, political science.

© Матюхин А.В., 2015.

В русской социально-политической мысли периода «Серебряного века» и первой волны эмиграции есть два автора, о которых необходимо сказать особо. Это – Павел Иванович Новгородцев (1966-1924) и Семен Людвигович Франк (1887-1950). Ставим их вместе и выделяем потому, что они являются своеобразными соавторами важного и актуального как для методологии общественного развития, так и формирования полноценной российской национальной политологии принципа политического релятивизма.

Для раскрытия данного принципа необходимо иметь в виду контекст социально-политического дискурса конца XIX – начала XX вв. Традиционно и Новгородцева, и Франка относят к либеральному направлению в русском общественном движении. Однако это весьма ограничивающая потенциал их концепций характеристика. Необходимо отметить, что в период их деятельности и творчества в российской общественной мысли и политике доминировали либералы радикального толка, люди типа И.И. Петрункевича, П.Н. Милюкова и др. Целое интеллигентское поколение рубежа веков формировалось в своеобразной духовной атмосфере поверхностного и (по выражению В.В. Розанова) «самодовольного» либерализма.

Для радикал-либералов западные по природе либеральные идеи, принципы и цели являлись некими абсолютами, не требующими лишних доказательств. В стратегическом плане эти идеи, принципы и цели должны быть применимы для любого общества, для любой конкретно-исторической и культурно-политической среды. Радикальные либералы – это своеобразные фанатики либеральных идей и либеральных принципов [5, с. 100]. Перефразируя классиков марксизма, можно сказать, что для русских радикалов либеральный «общественный идеал» всегда был первичен, а средства и методы его воплощения – вторичны. Первичность «идеала» предполагало, в случае необходимости, использование и революционных методов его воплощения.

Так, по мнению В.В. Леонтовича, доминирующий в России радикальный либерализм всегда имел тенденцию к реализации либеральных принципов в виде рационалистической, но по сути абстрактной программы, выведенной из чистых теоретических конструкций. При этом радикал-либералы настаивали на осуществлении «этих требований немедленно и в полной мере. И тогда очень скоро оказалось, что такой политический радикализм не в состоянии противостоять социалистическим и революционным учениям» [4, с. 109].

Именно представители радикального либерализма, широко представленные в интеллигентской, профессорско-академической среде, и формировали на протяжении XIX - начала XX вв. государствоведческую, политическую науку в России. В 1905 г. теоретик монархизма Л.А. Тихомиров замечал, что русская государственная наука «прививала европейские идеи и понятия» [8, с. 310]. А евразиец Н.Н. Алексеев в 1931 г. так характеризовал состояние отечественной дореволюционной политико-правовой науки, в большинстве представленной либеральными авторами: «Русские ученые, вышедшие из западных школ,

без всяких особых размышлений и без всяких оговорок, перенесли построенную на западе теорию европейского государства на русскую почву и тем самым придали принципам этой теории нормативное значение. Оттого наше государствоведение… являлось не чем иным, как политикой европеизации русского государства» [1, с. 396].

Для концепций П.И. Новгородцева и С.Л. Франка не были характерны ни радикализм подобных либеральных подходов, ни западная политическая догматика. Более того, оба мыслителя постоянно преодолевали идеологические рамки ортодоксального либерализма, искали возможности плодотворного синтеза с другими идеологиями, прежде всего – с консерватизмом и социализмом.

Так, например, С.Л. Франк в созидательной взаимозависимости либерализма (творческое начало) и классического консерватизма (охранительное начало) видел оптимальный путь политического реформирования России. Он, в частности, писал: «Из этой обшей взаимосвязанности и приуроченности друг к другу этих двух начал следует, что охранение и свобода творческой инициативы суть, собственно, не две разные задачи общественной политики, а лишь две стороны одной органически целостной задачи» [9, с. 127]. А П.И. Новгородцев вообще считал либерально-консервативный (творческо-охранительный) подход единственно научным. Он полагал, что наука в принципе «не знает прыжков и перерывов в причинном ряде явлений». В этом случае политическая наука имеет дело с причинностью, анализирует постепенные и закономерные процессы, «в которых старое не преображается, а только преобразуется, в которых настоящее и будущее неизбежно сочетается с прошлым» [6, с. 59].

Отличали позицию Новгородцева и Франка от доминирующих идей и настроений русских либералов и значительная социальная направленность, взаимодействие либерального подхода с элементами социализма и народничества, поиск широких возможностей социальной солидарности для достижения общественной гармонии и реализации общегосударственных задач.

П.И. Новгородцев в своем творчестве уделял значительное внимание важности политики полноценных социальных реформ, воплощающих принцип «справедливости». В этой связи его правомерно назвать наиболее крупным представителем концепции социального государства в русской либеральной мысли. Социальную справедливость Новгородцев понимал, прежде всего, как «право на достойное человеческое существование». Это подразумевало необходимость со стороны государства ограничения частного произвола, централизованное перераспределение значительной доли национальных богатств в пользу социально нуждающихся, право на труд, на помощь в случае потери работником трудоспособности и т.д. Для успешных реформ в России Новгородцев считал весьма благотворным взаимосвязь либерализма с позитивными социалистическими принципами, «стремление примирить равенство и свободу» [7, с. 357]. Он отмечал: «Когда либерализм отказывается от узкого и отвлеченно-формального понимания начала свободы, а социализм примиряется с существующим государством, сохраняющим свою индивидуалистическую основу, свой характер системы

свободы, – на практике, в осуществлении очередных жизненных задач их пути сближаются, как бы далеко ни расходились они в исходных основаниях и конечных идеалах [6, с. 515]. С.Л. Франк также говорил о необходимости творческого усвоения русским либерализмом всего самого ценного и социально значимого, что заложено в социалистических учениях в гармонии с православно-коллективистскими традициями русской духовной культуры.

В целом либеральная теория в России XIX - XX вв. формировалась под воздействием западноевропейских эволюционных концепций Нового времени, что обусловило и специфику подходов к политическому реформированию. Законы общественной эволюции признавались универсальными, «общечеловеческими». Эти законы определяют непрерывное и поступательное историческое движение от простейших, «архаических» форм организации общества к более сложным и «прогрессивным».

Само понятие «прогресс» является ключевым в либеральной доктрине. Этот термин для теории социальной эволюции был предложен в 1794 г. французским философом Ж.А. Кондорсе. «Прогресс» он трактовал как независимую ни от каких сил способность человека к беспрерывному совершенствованию, ограниченную лишь «длительностью существования нашей планеты» и направленную на улучшение человеческого рода [3, с. 5]. В России понятие «прогресс» было известно уже с начала XIX в. и активно использовалось идеологами либерализма. Так, крупнейший социологический авторитет среди русских либералов М.М. Ковалевский отмечал, что все народы «проходят одинаковые стадии развития» в виде последовательной смены определенных общественных и политических состояний [2, с. 33]. Для либералов была характерна трактовка истории любых цивилизационных миров как наступательного, иногда замедляющегося движения к целям прогресса – достижения стадии гражданского состояния общества, правового государства и неограниченных возможностей реализации индивидами всевозможных свобод. И процессы социально-политических преобразований в России (даже с упоминанием о ее определенной национальной самобытности и специфичности) рассматривались либеральными авторами в данном контексте общецивилизационной эволюции.

Это была своеобразная «либеральная эсхатология», стремление воплотить либеральный «общественный идеал» как новое «Царство Божие». Причем, начиная с М.М. Сперанского и П.Я. Чаадаева, в популярных среди отечественных либералов концептах общественного прогресса Россия неизменно позиционировалась как страна с «запаздывающим» типом развития по сравнению с Европой. При этом была безусловная уверенность, что, пусть и отставая, но российское общество проходит те же универсальные стадии, которые прошел Западный мир. Так, либералы начала XX в., вооружившись эволюционно-позитивистскими схемами прогресса, были убеждены в закономерности движения России в направлении желанного общественного идеала. Но «враждебным заслоном» прогресса являются «рудименты» старого мира – институт самодержавной монархии, сословная орга-

низация общества, общинные формы организации жизни и хозяйства и т.д. Следовательно, последней «кавалерийской атакой» необходимо активно завершить процесс формирования в России либерального идеала западного типа как нормативного.

Примечательно, что подобные радикальные устремления мы встречаем у российских либералов и в конце XX в., но уже применительно к «рудиментам» Советского Союза. В этом отечественном идейном направлении за 100 лет не произошло каких-либо существенных изменений как в умонастроениях, так и в достаточно поверхностных приверженностях западноцентристским схемам прогресса.

И здесь важно выделить базовое отличие подходов П.И. Новгородцева и С.Л. Франка от господствующих установок в русском либерализме. Для этих двух мыслителей была характерна своеобразная «методологическая гибкость», что и выразилось в выработке принципа «политического релятивизма». Необходимо при этом отметить, что данное понятие не использовалось ни тем, ни другим политическим философом, а является авторским, сформулированным на основе анализа творчества Новгородцева и Франка.

В рамках принципа «политического релятивизма» проблема средств и путей прогресса осмысливалась в контексте соотношения абсолютного общественного идеала с относительными социально-историческими формами жизнедеятельности общества. Понятие «прогресс» переводилось в категорию «бесконечности», вечного движения к абсолюту, а исторические этапы, стадии развития, реформаторские замыслы и их воплощение рассматривались в качестве возможного достижения отдельных, но все же относительных ступеней идеального состояния общества и его политической системы. Сама постановка вопроса об относительной «идеальности» эволюционных стадий исторического движения предполагала не их отрицание, а обозначение всякой эмпирической данности как ценностной основы «бесконечного» развития.

Так, П.И. Новгородцев отмечал: «Не земной рай, как вечная награда за употребленные ранее усилия, а неустанный труд, как долг постоянного стремления к вечно усложняющейся цели, – вот что …, должно быть задачей общественного прогресса» [6, с. 47]. Согласно его позиции, в политике методологически неверным и социально опасным является как ортодоксальная абсолютизация уже существующих государственных форм, так и радикальное стремление практического воплощения «земного рая» (утопии будущего), безусловная вера в возможность скорого «доведения» несовершенных исторических форм до состояния полного совершенства и гармонии, согласно заданному идеалу. Новгородцев замечал, что и радикализм, и догматический консерватизм парадоксальным образом совпадают и своеобразно отражают друг друга в осуждении каких-либо относительных и переходных стадий развития общества: «Одно – для того, чтобы сразу возвыситься к совершенному будущему, другое – для того, чтобы сохранить неизменным настоящее» [6, с. 92]. С другой стороны, эти формально антагонистические направления оказываются родственными в своей иррациональной вере полного воплощения

некоего безусловного идеала в относительном мире: «Одно из них верит в земной рай, другое ищет лишь спасения от земного ада» [6, с. 99].

И радикализму, и ортодоксальному консерватизму Новгородцев противопоставлял свое понимание прогресса. С позиции возможностей бесконечного развития должны быть отвергнуты такие абстракции, как «совершенное государство», «истинная церковь», «богоизбранный народ», «прогрессивный экономический класс» и т.д., представляющие собой лишь абсолютизацию форм исторических явлений. Он писал: «Этому ложному абсолютизму, пытающемуся найти и осуществить неподвижные формы в области развивающихся отношений, следует противопоставить тот законный практический релятивизм, который неизбежно связывается с выбором путей и средств к осуществлению абсолютного идеала» [6, с. 100]. В стратегии вечного движения к абсолюту крайне важно сопряжение идеальных целей с практической политической работой в направлении этих целей – но в рамках эмпирической реальности каждого эволюционного этапа. Абсолютность целей общественных идеалов необходимо воспринимать как путеводные звезды, в направлении которых можно идти бесконечно. В этом случае практическую для общества ценность приобретает само это движение, в том числе и рациональные политические реформы.

В ходе осмысленных политических преобразований любые существующие общественные и государственные формы могут быть усовершенствованы, но сам этот процесс никогда не может достичь конечной стадии полного совершенства. Поэтому, по мнению Новгородцева, место утопических абстракций скорого общественного преображения доложен занять идеал возможностей бесконечного развития каждой отдельной личности. Этот идеал не может быть напрямую связан с какими-либо общественными (относительными) формами, но путь совершенствования необходимо проходить через эти формы. Когда абсолютной целью и критерием общественного прогресса признается прогресс личности, то главным требованием к политической системе становится обеспечение условий беспрепятственного и бесконечного ее развития. В этом случае можно говорить об относительном движении к абсолютному идеалу, а успешность политических преобразований оценивать возможностями наибольшего в каждый момент исторического времени воплощения хоть и относительной, но все же частицы абсолюта. «Каждый новый шаг вперед, – писал Новгородцев, – есть известное удовлетворение, но вместе с тем и повод для нового движения» [6, с. 121].

Близка к П.И. Новгородцеву и позиция С.Л. Франка. Успешность политических преобразований рассматривалась им в русле соотношения постоянной, непрерывной тактики эмпирического редукционизма, относительной к условиям конкретной исторической эпохи, при неизменном сохранении абсолютной стратегической цели общества и личности. В традициях русской религиозной философии данная цель определялась как достижение Богочеловечества [9, 107]. Этот абсолют противопоставлялся Франком многочисленным вариантам общественных идеалов, выработан-

ными той или иной эпохой или определенными идейно-политическими течениями. Он считал, что подобного рода «общественные идеалы» всегда относительны – они исторически «связаны» местом и временем, когда «абсолютное осуществление абсолютной правды» заменяется лишь частичным ее осуществлением. Франк отмечал, что подобная относительность объясняется абсолютизацией какого либо конкретного отвлеченного принципа, например «равенства», «свободы», «солидарности», «порядка» и т.д. Но любая абсолютизация отдельных принципов вступает в противоречие с подлинным абсолютом как истинной целью общественной жизни, интегрирующей в себя все эти принципы: «Лишь единство, соотносительная связь и гармоническое взаимное восполнение и равновесие всех таких отвлеченных идеалов может выразить истинное назначение, подлинную цель общественной жизни» [9, с. 107]. В конкретные исторические периоды, а также в рамках различных идеологий людям свойственно увлекаться теми или иными идеалами, основанными на определенных принципах.

По мнению Франка, такого рода увлечения общественными идеалами рождаются в результате настоятельных эмпирических нужд своей эпохи. Здесь и появляется иллюзия важности переноса реализации конкретных и актуальных общественно-политических задач на конечные идеалы человеческого развития, а крайние практические необходимости объявляются движением к стратегическим целям общественной жизни. Поэтому Франк призывал четко разграничивать тактику реформ, ориентированную на удовлетворение конкретных эмпирических нужд своего времени, и стратегию абсолюта в качестве универсальной цели человечества. В этом случае нельзя окончательно утверждать, что какая-либо политическая или экономическая система является наилучшей и идеальной. Актуальные вопросы должны решаться исходя из конкретных исторических задач данного времени и данного общества, а эффективность и социальная безболезненность этих решений требует от политиков безусловного знания практических нужд, ориентации в реалиях общественно-политической, экономической, духовной жизни своей страны. В то же время любое доктринерство имеет тенденцию к реализации отвлеченных идейных схем, и ведет к деспотическому слому органики жизнедеятельности общества.

С.Л. Франк сравнивал деятельность политика с профессией врача. Методы эффективного лечения в медицине основываются не только на знании общих законов физиологии и анатомии, но и зависят от хода болезни и конкретного состояния организма пациента. «Политика есть лечение, – писал Франк – (гигиеническое, терапевтическое, в безвыходных случаях – хирургическое) общества, или его воспитание, создание условий и отношений, наиболее благоприятных для развития его внутренних творческих сил» [9, с. 105]. Для действующего политика наиболее важным является видение и анализ специфики конкретного народа, его состояния, сегодняшних условий его жизни. Это сразу снимает умозрительность «идеалов» и ставит на повестку дня вопрос о современной организации социально-политической

и экономической системы – относительной с точки зрения вечности, но оптимальной с позиций актуальных социальных запросов и потребностей.

С.Л. Франк, в частности, отмечал: «Хороша та форма правления (например, монархия или республика, аристократия или демократия и т.п.), которая обеспечивает наилучшее при данных условиях управление (например, дает наиболее энергичных, осведомленных, неподкупных администраторов) и наибольшее осуществимое при данном состоянии общества равновесие между государственным контролем и общественной самодеятельностью» [9, с. 105]. В каждую конкретную историческую эпоху оптимальная социально-политическая система, с одной стороны, должна соответствовать народной ментальности, а с другой – способствовать прогрессивному и максимальному в данных условиях творческому развитию как отдельных личностей, так и совокупных общественных сил. Только в этом случае те или иные реформы будут всегда актуальными и оправданными.

Обоснованный Новгородцевым и Франком принцип политического релятивизма, согласно которому любые общественно-политические формы являются относительными по отношению к стратегическому абсолюту человеческого развития, часто объективно не различимого для практической политики, заретушированного конкретикой места и времени исторического действия, несомненно, является одним из наиболее ярких достижений русской общественной мысли. П.И. Новгородцев и С.Л. Франк настаивали на отказе от политического мифотворчества, от догматического стремления к реализации абстрактно-теоретических формул «общественных идеалов», от попыток воплощения очередных социальных утопий. Вместо этого выдвигались важнейшие требования к политике – быть трезвой и рациональной по отношению к сложившимся формам жизнедеятельности народа. Любые реформы (то есть изменения в устойчивых формах жизнедеятельности) должны быть ориентированы на постепенные улучшения конкретных и отдельных сторон общественной и государственной жизни путем напряженной и трудной, часто рутинной и обыденной работы.

Вклад П.И. Новгородцева и С.Л. Франка можно оценить как важнейший этап формирования подлинно научного подхода к политике. Актуальная для российского научного сообщества проблематика формирования национальной политологии должна, несомненно, подразумевать «включенность» в современную методологическую базу принципа «политического релятивизма», отделяющего статус реалистичной и практической науки от любых форм политических иллюзий и утопий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: «Аграф», 1998. 640 с.
2. Ковалевский М.М. Очерки истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века // История нашего времени. (Современная культура и ее проблемы). Т. VII. Вып. 27-29. Пг., 1914. 254 с.
3. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. 265 с.

4. Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914). М.: Русский путь, 1995 445 с.
5. Матюхин А.В. Методология политических реформ К.Д. Кавелина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. 2013. № 5. С. 99–104.
6. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса», 1991. 644 с.
7. Политология: учебник / О.З. Муштук. 2-е изд., перераб. и доп. М: Московская финансово-промышленная академия, 2011. 480 с.
8. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: Российский имперский союз-орден, 1992. 680 с.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Издательство «Республика», 1992. 511 с.

УДК 327.3; 327.5; 327.7

Юраков М.В.
Институт США и Канады, Российская академия наук (г. Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К США И НАТО В РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ДОКТРИНАХ ПОСЛЕ 1991 г.

Аннотация. Статья представляет собой концептуальный авторский взгляд на актуальную тему, связанную с эволюцией подходов к США и НАТО в Военных доктринах Российской Федерации. Объектом анализа являются Военные доктрины России. Предметом анализа являются факторы, способствующие изменению подходов России к США и НАТО. Новизна исследования заключается в новаторском подходе автора к актуальной проблеме, которая связана с выходом обновленной доктрины Российской Федерации и внесенных в нее изменениях в подходах к США и НАТО. Автор приходят к выводу, что эволюция военной доктрины во многом связана с деятельностью США и Североатлантического альянса в контексте реализация их собственной военной стратегии.
Ключевые слова: военные доктрины, международные отношения, внешняя политика, безопасность, национальные интересы, международный конфликт, Россия, США, НАТО.

M. Urakov
Institute for US and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow

THE EVOLUTION OF APPROACHES TO THE UNITED STATES AND NATO IN THE RUSSIAN MILITARY DOCTRINES AFTER 1991

Abstract. The article presents the author's conceptual view of such important issues as the evolution of approaches to the USA and NATO in Military Doctrines of the Russian Federation. The objects of analysis are the Military Doctrines of Russia. The subject of analysis is the research of the factors promoting changes in Russia's approach to the USA and NATO. The novelty of the research is based on the author's innovative approach to the actual problem, associated with the release of the Russian's updated Military Doctrine, the changes in it and the new attitudes to the USA and NATO. The author concludes that the evolution of the military doctrine is connected with the activity of the USA and North Atlantic Treaty Organization in the context of realization of their own military strategy.
Key words: military doctrines, international relations, foreign policy, security, national interests, international conflict, Russia, the USA, NATO.

Распад СССР повлек за собой изменение геополитической ситуации в мире, которое значительно повлияло на стратегическое планирование «новой» России и ее военную политику. Из-за сокращения военного потенциала возникла реальная необходимость пересмотра собственных внешнеполитических приоритетов и потенциальных угроз. Впервые основные положения военной доктрины Российской

© Юраков М.В., 2015.

Федерации были приняты в 1993 г. Особенность документа заключалась в том, что он принимался в период становления российской государственности и формирования новой системы международных отношений.

Согласно основным положениям доктрины основными угрозами для Российской Федерации признавались территориальные претензии других государств, существующие и потенциальные очаги локальных войн и вооруженных конфликтов, а также возможность применения (в том числе несанкционированного) ядерного и других видов оружия массового поражения [1].

Стоит отметить, что документ не предусматривал военных угроз со стороны США и НАТО, однако уже тогда включал в себя положение о потенциальной опасности «наращивания группировок войск (сил) у границ Российской Федерации до пределов, нарушающих сложившееся соотношение сил»[1]. Содержание Доктрины 1993 г. являлось отражением внутриполитического и внешнеполитического состояния Российской Федерации. Политическое руководство государства в начале 1990-х гг. в большей степени интересовал мирный развод постсоветских республик, недопустимость расползания оружия массового поражения в независимых государствах, а также сохранение внутренней стабильности в России.

В начале 1990-х гг. внешнеполитический вектор Российской Федерации был направлен на выстраивание партнерских отношений с Западом (прежде всего, с США и НАТО), о чем свидетельствует подписание договора СНВ-2, участие России в программе НАТО «Партнерство ради мира», а также подписание «Основополагающего акта Россия-НАТО».

Игнорирование США основных принципов международного права в 1999 г. в Югославии, а также первая волна расширения НАТО на восток стали важнейшим этапом к началу сдержанной эволюции военной доктрины Российской Федерации.

На фоне трансформации внешнеполитических реалий в военную доктрину 2000 г. также были внесены определенные изменения. В частности, дестабилизирующими составляющими военно-политической обстановки в мире определяются попытки ослабить (игнорировать) существующие механизмы обеспечения международной безопасности (прежде всего ООН и ОБСЕ), а также попытки использования военно-силовых акций в качестве средства «гуманитарного вмешательства» без санкции Совета Безопасности ООН, в обход общепризнанных принципов и норм международного права [2].

Однако даже с учетом расширения Североатлантического альянса, создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников и расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности России [2] не рассматривались в качестве основных потенциальных угроз.

Несмотря на осложнение внешнеполитической риторики, военная доктрина 2000 г. подтверждала принцип последовательного выполнения международных договоров Российской Федерации по стратегическим наступательным вооружениям и противо-

ракетной обороне, а также выражала готовность к дальнейшему сокращению своего ядерного оружия на двусторонней основе с США [3].

Первая декада 2000-х гг. отличалась высокой динамичностью развития международных отношений. После событий 11 сентября 2001 г. можно наблюдать некое сближение между Российской Федерацией, США и НАТО. На фоне консолидации мирового сообщества в борьбе с терроризмом Россия поддерживает военную операцию США и их союзников в Афганистане, начавшуюся в 2001 г. Весной 2002 г. создается Совет Россия-НАТО, который должен был вывести отношения двух субъектов международных отношений на новый уровень.

Однако улучшение отношений между Россией, США и Североатлантическим альянсом, как оказалось, имело временный эффект: во-первых, в 2002 г. США фактически в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО; во-вторых, в 2003 г., вопреки нормам международного права, США начали войну в Ираке, которую не поддержала Россия; в-третьих, в 2004 г. состоялось самое масштабное расширение НАТО на Восток; в-четвертых, целый ряд государств на пространстве СНГ охватила череда «цветных революций», инспирированных Западом; в-пятых, военная агрессия Грузии против Южной Осетии в 2008 г., поддержанная США, поставила под сомнение улучшение отношений.

Изменение военно-политической ситуации в мире и, прежде всего, по периметру границ Российской Федерации способствовало пересмотру военной стратегии, что в значительной степени отразилось в военной доктрине 2010 г. В обновленном документе среди основных внешних опасностей определяется деятельность НАТО, которая стремится наделить собственный силовой потенциал глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, а также приблизить военную инфраструктуру стран-членов альянса к границам Российской Федерации [3]. Кроме того, выход США из Договора по ПРО и их планы по развертыванию системы противоракетной обороны в Восточной Европе привели к тому, что создание подобных систем определяется в Военной доктрине 2010 г. в качестве элементов, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере [3].

Стоит отметить, что, помимо приоритетного военно-технического сотрудничества с ОДКБ, этот документ предусматривает такое же сотрудничество в рамках ШОС с целью противостояния военным опасностям.

Военная доктрина 2010 г. отличалась от двух предыдущих доктрин наибольшей рефлексией по отношению к США и НАТО. Если в предыдущих документах среди военных опасностей назывались конкретные угрозы, но без обозначения организаций и государств, то в 2010 г. деятельность США и НАТО на рубежах Российской Федерации оценивается экспертами в качестве основных угроз.

Очевидным является тот факт, что военные доктрины Российской Федерации эволюционировали прямо пропорционально изменениям военных угроз для нашего государства. Изменение военной доктрины России в 2014 г. фактически является реакцией

на конъюнктуру современной внешнеполитической ситуации в мире. Документ по-прежнему носит оборонительный характер.

В отличие от США, готовых нанести глобальный удар по любой точке планеты, Россия допускает применение военной силы лишь в том случае, когда исчерпаны "мирные" средства разрешения конфликта. А использование ядерного оружия наша страна рассматривает только в качестве ответа на агрессию против РФ или ее союзников [4].

Однако в то же время впору говорить об активном характере российской оборонной доктрины. Например, впервые в таком документе сказано о неядерном сдерживании военных угроз. Эта задача отнесена к функциям Сил общего назначения. Кроме того, в документе задачей Вооруженных сил названо обеспечение национальных интересов России в Арктике. Для этого на базе Северного флота за Полярным кругом создано новое стратегическое командование "Север" [4].

В доктрине сказано: «вероятность развязывания против нас широкомасштабной войны снизилась. Но в числе угроз названы наращивание и приближение к нашим границам военной инфраструктуры НАТО, а также развертывание в Европе американской системы ПРО» [4].

В новой редакции военной доктрины обозначение в качестве реальной угрозы Российской Федерации обозначена концепция молниеносного глобального удара, который может быть реализован США. В ее основе лежат наступательные установки Пентагона, помноженные на соответствующие действия – развертывание у наших границ высокоточного оружия, появление в ближайшей перспективе гиперзвукового оружия в неядерном оснащении [5]

Также любопытно указание на применение новых нетрадиционных форм ведения боевых действий – использование протестного потенциала местного населения, манипулирование информационными потоками и сознанием – все, что позволит решать прежние военные задачи качественно новыми способами [6].

В новой военной доктрине учитывается наращивание силового потенциала другими государствами, учитывается ситуация на Украине, в Сирии. То есть произошло осознание новых опасностей. Впервые в доктрину попали такие процессы, как подрывная деятельность иностранных спецслужб в соседних государствах. И самое интересное – новым важным пунктом военной доктрины является обеспокоенность возможным использованием финансируемых и управляемых извне политических сил и общественных движений [6].

Эволюция военных доктрин России связана, в частности, с поведением США и НАТО на мировой арене. За последние двадцать пять лет отношения России, США и Североатлантического альянса из партнерских превратились в отношения конкуренции и противостояния. Деятельность Вашингтона и Брюсселя в зонах традиционных национальных интересов Российской Федерации, влияющих на ее безопасность, является основной причиной для ужесточения позиции позиции России по отношению к США и НАТО в своих доктринальных документах. Поэтому обновленная военная доктрина – до-

кумент, объективно отражающий современную военно-политическую ситуацию и четко определяющий приоритеты России на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Военная доктрина Российской Федерации //Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2000-04-22/5_doktrina.html (дата обращения: 21.01.2015).
2. Военная доктрина Российской Федерации 2010 // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 22.01.2015).
3. Военная доктрина Российской Федерации 30.12.2014 //Российская газета 2014. 30 декабря.
4. Новая военная доктрина РФ: в списке угроз глобальный терроризм оказался на десятом месте, а на первом – НАТО // NewsRu.com [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.com/russia/30dec2014/doktr.html (дата обращения: 22.01.2015).
5. Новые смыслы военной доктрины // Взгляд [Электронный ресурс]. URL: http://vz.ru/opinions/2014/11/12/714915.html (дата обращения: 21.01.2015).
6. Россия готова противостоять новым угрозам // KM.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.km.ru/v-rossii/2014/12/26/vladimir-putin/752946-rossiya-gotova-protivostoyat-novym-ugrozam (дата обращения: 22.01.2015).

УДК 327

Дашкина И.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Аннотация. В представленной статье автор рассматривает процесс становления межгосударственных отношений России со странами Центральной Америки от момента их зарождения до настоящего времени, с учетом того, как именно были установлены дипломатические отношения между исследуемыми странами, а также, какие факторы повлияли на определение внешней политики стран Центральной Америки. Особый акцент в работе делается на то, как формируется межгосударственная политика стран в свете последних событий: нестабильная ситуация на Украине, вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, санкции в отношении России со стороны Запада. Немаловажным представляется то, какие перспективы открываются у России в Центральноамериканском регионе в свете вышеизложенных событий. Автор рассматривает, какие интересы Россия имеет в данном регионе как на уровне взаимодействия с каждой страной, так и в рамках региональных и интеграционных объединениях.
Ключевые слова: внешняя политика, интересы стран, особенности межгосударственных отношений, интеграционные объединения.

I. Dashkina
Lomonosov Moscow State University

THE RUSSIAN FEDERATION INERESTS IN CENTRAL AMERICA: HISTORICAL FACTORS AND MODERN STRATEGIC ORIENTATION

Abstract: In the presented article, the author gives account of the establishment of interstate relations between Russia and Central American countries from their origin up to present days. The answers are given to such questions as how specifically were these relations established and what factors have influenced the foreign policy of Central American countries. In the article, a special accent is put on the transformation of the mentioned states' policy considering recent events: unstable situation in Ukraine, Crimea's accession to the Russian Federation, Western sanctions against Russia. Moreover, the author provides an outlook of Russian perspectives in the Central American region. Also author researches what interests our country has in this region.
Key words: foreign policy, the interests of countries, features intergovernmental relations, integration associations.

Череда событий второй половины XX в., изменивших расстановку сил на международной арене – Вторая мировая война, противостояние капиталистического лагеря во главе с Соеди-

© Дашкина И. В., 2015.

ненными Штатами Америки и НАТО, с одной стороны, и социалистического лагеря во главе с Советским Союзом, с другой, получившее название «холодная война», а позднее – распад СССР, ознаменовала переход к новым форматам дипломатических отношений. Как следствие этих событий, целый ряд государств, в их числе и Россия, вышли на мировую арену в качестве самостоятельных субъектов международных отношений. В новых условиях Российской Федерации пришлось заново выстраивать свою внешнеполитическую линию и налаживать отношения как с бывшими противниками, так и с союзниками распавшегося Советского Союза. Основными внешнеполитическими партнерами России стали западные государства, а также главный противник в период «холодной войны» – Соединенные Штаты Америки. Государство отказалось от масштабных геополитических амбиций, предпочтя им локальное воздействие на новых партнеров путем договоренностей и выстраивания дипломатических отношений со странами бывшего социалистического лагеря, ориентируясь на нормы и принципы международного права. Но из-за изменений приоритетов международной политики Россия стала уделять меньше внимания странам-союзникам бывшего Советского Союза. К их числу относились страны Центральной Америки.

Актуальность

Российская Федерация является преемницей Советского Союза, который распался в начале 1990-х г. XX в. Переориентировав направления внешней политики, Россия была вынуждена заново устанавливать дипломатические отношения со многими странами, в частности с бывшими союзниками СССР.

С некоторыми странами данного региона первые контакты состоялись еще в конце XVIII в., а торгово-экономические – на заре XIX в.

Коста-Рика была одной из первых стран в Центральной Америке, наладившей официальные связи с Россией. Обе страны осуществили обмен посланиями об официальном признании друг друга в 1872 г. Начало сотрудничества между Россией и Гватемалой датируется 1880 г., между Россией и Гондурасом – 1876 г.

В период Второй мировой войны были установлены дипломатические отношения между СССР и Никарагуа. Связанно это было с тем, что никарагуанское правительство объявило войну фашистской Германии и, как следствие, заключило договор с СССР.

Говоря об актуальности исследования, необходимо выявить и преимущества сотрудничества России со странами Центральноамериканского региона.

Никарагуа ведет серьезную работу в группе АЛБА (Боливарианская Альтернатива для Стран Латинской Америки и Карибского бассейна), ЦАИС (Система Центральноамериканской Интеграции). Эта страна имеет договор о свободной торговле, который подписан с Соединенными Штатами, странами Латинской Америки; развивает политическую интеграцию в рамках Организации Американских Государств.

Активную внешнюю политику ведет Гватемала: в 2012-2013 гг. страна являлась непостоянным членом Совета Безопасности ООН, она также член

СЕЛАК, Группы-24, Группы-77, ЦАИС, множества специализированных органов ООН, ВТО.

Коста-Рика – одна из стран-основателей ООН, с 2007 г. активно развивает отношения с азиатскими государствами, прежде всего с КНР, с прицелом на вступление в АТЭС. Одним из приоритетов внешней политики Коста-Рики является развитие отношений с Евросоюзом, с которым в рамках ЦАИС было заключено Соглашение об ассоциации. Также она активно участвует в деятельности Содружества латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК). Имеет статус наблюдателя в Движении неприсоединения.

Практически все страны Центральной Америки являются членами Центральноамериканской интеграционной системы, а одно из направлений внешней политики Российской Федерации – это получение статуса нерегионального наблюдателя в ЦИАС. Страны Северной, Центральной, Южной Америк и Карибского региона входят в «Сообщество стран Латинской Америки и Карибского региона» и, по мнению некоторых исследователей. (И. Эррехона и А. Серрано), [3] СЕЛАК претендует на роль лидера Латинской Америки, которую до настоящего момента играла ОАГ.

Актуальность исследования предопределяется рядом факторов. Во-первых, она обусловлена процессами трансформации внешнеполитического курса России на современном этапе, которые требуют политического осмысления и анализа. Так в указе Президента «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» сформулированы три основополагающих принципа, которые формируют опору национальных интересов российского государства «в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений» [7] – речь, в данном случае, идет о принципах открытости, многовекторности и прагматизма. Благодаря этому, можно объяснить активизацию дипломатической деятельности РФ в латиноамериканском регионе в целом и в отношении стран Центральной Америки.

Во-вторых, актуальность исследования вызвана сложностью политико-экономических интеграционных процессов, проявляющихся в ускоренном темпе развития стран Латинской Америки.

Политические взаимодействия России со странами Центральной Америки проявляются, в первую очередь, в готовности правительств этих стран поддержать политические (и не только) инициативы Российской Федерации на международной арене, а в частности в Организации Объединенных Наций.

Установление политических отношений России со странами Центральной Америки

Говоря о формировании внешнеполитического курса стран Центральной Америки, необходимо немного углубиться в историю. Исследуемые страны долгое время были колониями, как и весь американский континент и, как следствие этого, страны стремились к отделению от метрополий, к получению независимости. Активную роль в данном процессе стоит отдать Соединенным Штатам Америки, именно с их именем связан процесс установления

независимости стран, но также с ними связан такой феномен, как «панамериканизм».

В начале XIX в., когда латиноамериканские государства стремились к объединению сил в борьбе за независимость, США под видом поддержки стремились укрепить своё влияние в регионе. В 1823 г. правительством США была провозглашена доктрина Монро, формула которой была «Америка для американцев», направлена она была против вмешательства европейских держав в дела американского континента и стала в дальнейшем толковаться как «Америка для США».

В эпоху империализма США много говорили об «общности интересов» американских государств и тем самым пытались оправдать многочисленные интервенции на Кубе, в Мексике, Гаити, Никарагуа, Колумбии, Панаме, Доминиканской Республике и других латиноамериканских странах. Экспансия Соединенных Штатов в Латинской Америке под прикрытием панамериканизма усилилась в период Второй мировой войны. Стремясь закрепить свои позиции в Латинской Америке, США принимали активное участие в создании в 1948 г. Организации американских государств, а в 1961 г. выступили с программой «помощи» странам Латинской Америки, получившей название «Союз ради прогресса». Экономическое, военное и политическое давление США на латиноамериканские государства подкреплялись идеологическим проникновением, которое проводилось под видом борьбы против «коммунистического вмешательства» в дела Западного полушария. Выступая в роли защитника стран Латинской Америки от «коммунистической угрозы», США участвовали в подготовке вторжения на Кубу контрреволюционеров в 1961 г. и провели исключение Кубы из ОАГ в 1962 г [1].

Механизмом влияния на внешнюю политику стран Центральной Америки послужила концепция панамериканизма, именно под ее влиянием США до сих пор вмешиваются в дела стран латиноамериканского континента, а в частности во внутреннюю и внешнюю политику центральноамериканских государств, так как экономика стран зависит именно от этого «большого соседа» (примерно 60%) .

Многие страны Центральной Америки первые изъявили желание установить дипломатические отношения с Российской Империей в конце 19 в. Истоки российско-костариканских отношений восходят к 1870 году, когда министр иностранных дел Коста-Рики Л. Мантуфар в письме к А.М. Горчакову сообщал об обстановке в стране, избрании временным главой республики Бруно Карансы и заявил о желании правительства Коста-Рики установить отношения с теми странами, с которыми ранее таковых не было. Письмо и послание были переданы Горчаковым царю. Однако неустойчивость внутриполитического положения Коста-Рики не позволила нормализовать отношения с ней в том же году. Это произошло два года спустя, когда, на предложение нового президента республики Т. Гуардиа развивать и укреплять политические и торговые связи с Россией Александр II ответил согласием. Главы государств осуществили обмен посланиями об официальном признании друг друга.

Непосредственную роль А.М. Горчаков сыграл и в решении вопроса о признании Гондураса. 24 октября 1876

г. с письмом к Горчакову обратился министр иностранных дел Рамон Роса, который просил передать царю Александру II послание президента Гон Марио Аурелио Сото. В докладе от 12 января 1877 г. министр иностранных дел России указывал, что Гондурас принадлежит к тем республикам Центральной Америки, из числа которых Россия уже признала в 1872 г. Коста-Рику [5, с. 10, 14-15].

Начало отношений между Россией и Гватемалой датируются 1880 г. Тогда президентом Гватемалы был Хусто Руфино Барриос Ауйон. Именно он обменялся с императором Александром II официальными посланиями, которые явились подтверждением серьезности намерений обеих стран.

Особое значение следует придать ориентации внешней политики Никарагуа. Даже принимая во внимание то, что это слаборазвитая страна, экономика которой завязана ничуть не меньше, чем экономика Гондураса и Эль-Сальвадора, на экономике США, она все же тяготеет к сближению с Россией.

Дипломатические отношения с Никарагуа были установлены в 1944 г. Связанно это было с тем, что правительство Республики Никарагуа объявило войну фашистской Германии, и заключило договор с коммунистическим Советским Союзом. Вторая мировая война имела негативные последствия для внутренней политики Никарагуа и, как следствие, и для внешней: в стране началась «длинная ночь диктатуры и террора», к власти пришел Анастасио Сомоса, полностью поддерживавший политику США. Длилось это до 1979 г., когда власть перешла к Д. Ортеге, именно с его именем связан курс внешней политики, нацеленный на тесное сотрудничество с СССР и противостояние с США [2, с. 36].

Особое значение для истории нашей страны имеет установление дипломатических связей с Коста-Рикой и Никарагуа (1944 г.), так как данный этап характеризуется антифашистским настроением народных масс Латинской Америки и поддержкой народа Советского Союза в борьбе против гитлеровской Германии. Вступление латиноамериканских республик в войну против держав "оси" отражало стремление народов защитить свою независимость, оказать помощь СССР и покончить с фашизмом.

Стоит заметить, что установление дипотношений с Коста-Рикой и Никарагуа были инициированы латиноамериканской стороной.

Отношения со странами Латинской Америки и национальные интересы России

Говоря о современным этапе, нужно отметить, что отношения России и стран Центральной Америки идут в сторону расширения контактов. Так в 2007 г. было открыто посольство России в Гватемале. Расширяются политические контакты с Гондурасом: с 1993 г. в обеих странах аккредитуются послы по совместительству – посол России в Никарагуа и посол Гондураса во Франции. С 1995 г. в Тегусигальпе работает Почётный консул России – крупный предприниматель Ф.А.Нассер Сельман. В октябре 2013 г. в Москве открыто Посольство Гондураса.

Российско-никарагуанские политические отношения активизировались с возвращением к власти Д. Ортеги в 2008 г., с тех пор государства постоянно

поддерживают инициативы и проекты друг друга, расширяются экономические, культурные, военные контакты между странами. Примером может служить признание Никарагуа независимости Южной Осетии и Абхазии вслед за Российской Федерацией.

Складывается и российско-сальвадорские отношения: В 1993 г. посол Российской Федерации в Республике Никарагуа и по совместительству в Сальвадоре впервые вручил верительные грамоты президенту этой страны. В 1995 г. в г. Сан-Сальвадор было открыто почетное консульство России (почетный консул – предприниматель А.Х. Майер Рейес). 18 октября 2012 г. открыто посольство Сальвадора в Москве. Посол Клаудиа Канхура де Сентено вручила верительные грамоты 24 января 2013 г.

Можно говорить о том, что дипотношения Российской Федерации со странами Центральной Америки претерпевают заметные изменения в лучшую сторону. Поддерживается постоянный политический диалог, осуществляются визиты президентов, регулярно проводятся встречи министров иностранных дел, активно осуществляются межпарламентские обмены, расширяются контакты на уровне руководителей министерств, усовершенствуется договорно-правовая база, развиваются контакты по линии силовых структур. Особое значение, хотелось бы придать открытию Сальвадорского посольства (октябрь 2012 г.) и Гондурасского посольства в России (октябрь 2013 г.). В свою очередь, Российская Федерация рассматривает проект открытия своего посольства в Сальвадоре (на настоящий момент, Сальвадор и Гондурас представлены в российском посольстве в Никарагуа послом Владимиром Н.М.).

Кроме двусторонних политических отношений между Россией и рассматриваемыми странами следует отметить взаимодействие стран в рамках ООН. «Страны при решении ключевых проблем современности опираются на главенствующие нормы и принципы международного права, выступают за укрепление многосторонних механизмов регулирования международных отношений, также правительства стран выступают за усиление роли ООН в международных делах» [4].

Постоянный политический диалог стран открывает новые горизонты сотрудничества, наиболее заметно взаимодействие проявляется в ООН.

Позиции правительств по основным международным проблемам зачастую совпадают: вопросы разоружения, нераспространение ОМУ, противодействие терроризму и иным угрозам, наркотрафик и наркобизнес, организованная преступность.

Таким образом, полем для расширения политических контактов между странами является Генассамблея ООН, где происходит взаимодействие министров иностранных дел и директоров Департаментов международных организаций.

Кроме сотрудничества в рамках ООН, Российская Федерация усиливает свое влияние в международных организациях и региональных интеграционных объединениях стран Латинской Америки. Происходит активный диалог между Россией и ЦАИС, Россией и СЕЛАК, Россией и КАРИКОМ, Россией и АЛБА.

Необходимо отметить активную деятельность нашей страны в Латино-

американском регионе для получения статуса внерегионального наблюдателя ЦАИС. Так в 2004 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании создания механизма политического диалога и сотрудничества между Россией и странами ЦАИС». Необходимо упомянуть, что ведется разработка проекта «Меморандума о присоединении Российской Федерации к Центральноамериканской интеграционной системе в качестве внерегионального наблюдателя» и проект «Меморандума о сотрудничестве между Российской Федерацией и ЦАИС».

"Российская сторона подчеркнула, что рассматривает Латиноамериканский регион в качестве важного перспективного партнера. Министры высказались в поддержку интеграционных процессов в регионе, в частности в Центральной Америке, укрепления демократии и региональной безопасности, развития разносторонних связей России со странами-членами Центральноамериканской интеграционной системы (ЦАИС). В этом контексте Министр иностранных дел Республики Гондурас Мирейя Агуэро де Корралес сообщила Сергею Лаврову, что правительство Гондураса поддержит присоединение России к ЦАИС в качестве внерегионального наблюдателя", – говорится в заявлении [9]. Также и глава Центральноамериканской интеграционной системы считает очень перспективным развитие сотрудничества с Россией. "Мы считаем очень важным интеграцию региона и развитие его связей с другими важными партнерами, в качестве которого рассматриваем Россию", – сказал Мартинес [8].

Крым, санкции Запада и отношения России и стран Центральной Америки

На фоне украинского кризиса и последовавшего за ним торгово-экономического конфликта между Россией и Западом у Москвы, помимо геополитических и идеологических интересов в Латинской Америке, появились долгосрочные интересы, связанные с поиском новых поставщиков продовольственных товаров. Это обстоятельство расширяет возможности формирования прочных и основанных на прагматизме механизмов стратегического сотрудничества России и исследуемого региона.

В результате украинского кризиса система международных отношений претерпела существенные изменения, и они, как очевидно уже сейчас, будут иметь далеко идущие последствия. Одним из последствий давления, которое Запад оказывает на Россию с целью ее изоляции, стала необходимость расширить политические контакты с близкими друзьями и союзниками.

Эта геополитическая задача была решена в Латинской Америке – на традиционно дружественном для России континенте, к тому же расположенном «под боком» у Соединенных Штатов, ослабивших контроль над субрегионом. В мае 2014 г. состоялся визит С. Лаврова на Кубу, в Никарагуа, Чили и Перу. Важно отметить, что первые две страны (наряду с партнерами по блоку леворадикальных режимов ALBA Венесуэлой и Боливией) разделяют позицию Москвы по Крыму, однако резолюцию ООН о территориальной целостности поддержали Коста-Рика, Гватемала, Гондурас, а Сальвадор воздержался.

В ходе визита позицию России безоговорочно поддерживали Куба, Венесуэла, Никарагуа и Боливия. В заявлениях, прозвучавших с их стороны, подчеркивалось, что Запад, а именно США, Франция и Германия, спровоцировали острый кризис и акты насилия на Украине и что действия России вполне правомерны. Произошедшее в этой стране сравнивалось с тем, как готовились аналогичные события в Ливии и Сирии. Новое правительство Украины было признано нелегитимным, потворствующим волне насилия и не способным обеспечить территориальную целостность страны.

В связи с этим как нельзя более своевременным оказался визит в Латинскую Америку президента В. Путина, который состоялся в июле 2014 г. и был связан с проходившим в Форталезе (Бразилия) саммитом БРИКС. Путин посетил Кубу, Никарагуа, Аргентину и Бразилию. В своих комментариях политические деятели и местные средства массовой информации акцентировали внимание на двух ключевых моментах: визит имел очевидный геополитический подтекст и способствовал заметному продвижению экономических интересов России в регионе [6]. С точки зрения геополитики он значительно расширил диапазон внешнеполитического взаимодействия России и государств Латинской Америки в условиях растущей изоляции нашей страны на Западе.

Практически все страны Центральной Америки осуждают санкции, которые ввели против России США и ЕС. А самым интересным является тот факт, что ЕС пытается надавить на Латинскую Америку, чтобы она не заменяла европейские продукты на российском рынке. Но, кроме слов, реальных рычагов давления в этом регионе у Брюсселя нет. Здесь может помочь только Вашингтон. Однако США едва ли пойдет на убытки в торговле с Бразилией ради интересов ЕС. Тем более, что из-за санкций Россия начала еще более активно развивать контакты с Латинской Америкой, страны охотно откликнулись на призыв заменить европейские продукты на российском рынке.

Подводя итог, можно сказать, что в данной работе был проанализирован большой объем информации: сделано комплексное исследование развития политических взаимоотношений России со странами Центральной Америки. Автор изучил факторы, которые повлияли на становление внешнего курса политики рассматриваемых стран, и обосновал интересы Российской Федерации в изучаемом регионе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большая советская энциклопедия // Панамериканизм URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/118184/] (Дата обращения: 27.01.2015).
2. Булычев И.М. Никарагуа на пути национального возрождения. М.: Изд-во «Знание», 1980. 64 с.
3. Геополитика. Перевороты нового типа в Латинской Америке. URL: [http://www.geopolitics.ru/2012/09/perevorotynovogo-tipa-v-latinskoj-amerike/] (Дата обращения: 27.01.2015).
4. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова РИА «Новости» по вопросам отношений России со странами Латинской Америки и Карибского бассейна // Представительство МИД РФ в Оренбурге 21.11.2008 г. URL: [http://orenburg.mid.ru/news_213.html] (Дата обращения: 27.01.2015).
5. Сизоненко А.И. Дипломатические портреты. М.: «МГИМО-Университет», 2007. 168 с.

6. Сударев В. Россия и Латинская Америка на фоне украинского кризиса // Российский Совет по международным делам URL: [http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4326#top] (Дата обращения: 15.11.2014).
7. Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», вступает в силу 07.05.2012 г. URL:[http:/www.rg.ru./2012/05/09/vn-polit-dok.html] (Дата обращения: 27.01.2015).
8. Euronews // политика: Центрамерика-Россия-сотрудничество. 27.01.2014. URL:[http://ru.euronews.com/newswires/2316152-newswire/] (Дата обращения: 22.10.2014).
9. REGNUM Информационное агентство. // «Гондурас поддержит присоединение России к ЦАИС в качестве внерегионального наблюдателя».14.10.2013. URL:[http://www.regnum.ru/news/1719558.html] (Дата обращения: 27.01.2015).

УДК 328

Ветренко И.А., Каппасова Г.М.
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

АКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА)

Аннотация. В статье рассматривается многофакторный феномен глобализированной и взаимно интегрированной международной экономики – межгосударственное и, в частности, трансграничное взаимодействие, его роль в развитии как стран, так и их отдельных регионов, а также международного сотрудничества. В статье рассмотрены все аспекты такого взаимодействия, которые не ограничиваются лишь экономическим сотрудничеством, указаны проблемы развития трансграничного сотрудничества и способы их преодоления, а также анализируется сотрудничество таких тесно связанных международными договорами, двусторонними соглашениями и значительной общей границей стран, как Республика Казахстан и Российская Федерация.
Ключевые слова: региональная политика, региональное взаимодействие, трансграничное сотрудничество, Российская Федерация, Казахстан.

I. Vetrenko, G. Kappassova
Omsk State University, named after F.M. Dostoevsky

ACTORS OF REGIONAL MODERN POLITICS IN THE CONDITIONS OF INTERGOVERNMENTAL COOPERATION (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN)

Abstract. The article discusses the multifactorial phenomenon of globalized and mutually integrated international economy – interstate and, in particular, cross-border cooperation and its role in the development of countries and separate regions, as well as international cooperation. The article deals with all aspects of this interaction, which is not limited to economic cooperation. The problems of cross-border cooperation and ways to overcome them are given. Besides, the analysis of cooperation between such countries as the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation, which are closely connected by international treaties, bilateral agreements and a large common border.
Key words: regional policy, regional cooperation, cross-border cooperation, the Russian Federation, Kazakhstan.

В современных условиях расширения процессов глобализации возрастает роль трансграничного сотрудничества в жизни регионов и общин, открываются новые возможности для активизации хозяйственной деятельности на периферийных территориях для повышения их конкурентоспособности. В конце XX в. региональная политика Казахстана перешла к новой парадигме – от применения ме-

© Ветренко И.А., Каппасова Г.М., 2015.

ханизмов ликвидации диспропорций регионального развития путем межрегионального перераспределения до разделения ресурсов в мобилизации природно-ресурсного потенциала территорий и применения принципа субсидиарности. Основные приоритетные направления в финансовой поддержке государства базировались на общих основаниях пространственного обустройства страны и предусматривали повышение координированности и согласования развития смежных приграничных территорий соседних стран путем разработки концепций совместного развития трансграничных регионов [5]. Таким образом, с целью выявления общих проблем и поиска эффективных путей их решения возникла необходимость системного исследования трансграничного региона как базы развития трансграничного сотрудничества, что требовало надлежащего теоретико-методического обоснования. Закономерно, что в столь глубоком взаимодействии должны участвовать все акторы регионального взаимодействия – ими являются представители местного и международного бизнеса в данном регионе, органы государственной власти на местном и общегосударственном уровнях, представители местных общин [11].

Если рассматривать отдельно международное трансграничное сотрудничество с РФ, то особо следует указать труды Президента Казахстана. Н.А. Назарбаев очень подробно анализирует историю, этапы развития, современное состояние и будущее казахстанско-российских отношений [6]. В этом случае публикации лидера Казахстана необходимо рассматривать не только и не столько в контексте политических аспектов, но и как научные исследования, которые вносят существенный вклад в анализ и изучение казахстанско-российского сотрудничества. Эти работы рассматривают трансграничный регион и с политической позиции, ведь приграничный регион – это еще и культурная, историческая, климатическая и экологическая общность [2].

Детальный системный анализ эволюции казахстанско-российского экономического сотрудничества в таких сферах, как экономика, политика и обеспечение безопасности, содержится в ряде исследований, среди которых следует выделить работы Т.А. Мансурова [1].

Неоценимую значимость для изучения состояния казахстанско-российского сотрудничества, особенно в экономической и международной сферах, пробретают источники официального характера – договоры, меморандумы о сотрудничестве, соглашения, имеющие как межгосударственный статус, так и заключенные между отдельными регионами, а также между хозяйствующими субъектами двух стран. К этой группе источников следует отнести документы, которые были подписаны в рамках последних интеграционных проектов, участниками которых являются Казахстан и Россия [3].

В то же время остро не хватает исследований регионального и трансграничного сотрудничества, которые охватывают все возможные аспекты такого взаимодействия с учетом особенностей как отдельных регионов, так и двух партнерских стран в целом в разрезе взаимодействия всех акторов региональной политики. Особенности развития приграничных регионов Казахстана и Российской Федерации

ожидают исследования с целью выяснения как баланса сил региональных акторов, так и наиболее активных проводников политики интенсификации трансграничного взаимодействия. Именно такое исследование и является предметом данной статьи.

Целью статьи является исследование важнейших аспектов трансграничного сотрудничества, в частности – теоретико-методологических, организационно-правовых и финансово-материальных основ трансграничного сотрудничества как составного элемента государственной региональной политики, которая отображает баланс развития государственных и негосударственных институций, основные подходы резонирования и конфликтов интересов этих акторов в процессе трансграничной интеграции.

Прежде всего, следует разобраться с самим феноменом трансграничного взаимодействия и его содержанием. В Европейском Союзе, в котором исследования трансграничного сотрудничества ведутся с 70-х гг. XX века, принято следующее трактование этого термина:

«Трансграничное сотрудничество – это специфическая сфера внешнеэкономической, политической, экологической, культурно-образовательной и других видов международной деятельности, которая осуществляется на региональном уровне и которая, охватывая все общие их формы, отличается необходимостью и возможностями более активного их использования, а также рядом особенностей, а именно – наличие границы и необходимостью ее обустройства, совместным использованием природных ресурсов и, соответственно, общим решением проблем экологической безопасности, более широким взаимным общением населения соседних государств и личными связями людей, значительно большей нагрузкой на инфраструктуру (дороги, связь, сферу обслуживания, придорожная инфраструктура). Основой трансграничного сотрудничества является процесс создания связей и договорных отношений в приграничных территориях с целью поиска решений для общих или идентичных проблем, а «философия трансграничного сотрудничества» заключается в том, что два смежных пограничных региона сотрудничают в процессе разработки планов и выбора приоритетов развития. Трансграничное сотрудничество заключается в том, чтобы в диалоге во всех сферах жизни были задействованы все социальные группы населения и административные органы» [13].

В настоящее время в Российской науке осуществляются только первые попытки системных исследований трансграничного сотрудничества [10].

На начальном этапе формирования находится и система поддержки трансграничного сотрудничества. В связи с этим основными приоритетами в развитии трансграничного сотрудничества должны быть определены следующие задачи:

– повышение конкурентоспособности приграничных регионов;

– содействие гармоничной интеграции Казахстана и его регионов в общеевразийское пространство;

– развитие национального законодательства в области трансграничного сотрудничества с учетом основных рекомендаций ЕЭП, ЕврАзЭС и других международных организаций;

– подготовка квалифицированных кадров для реализации проектов и

программ трансграничного сотрудничества;

– реализация фундаментальных исследований по вопросам развития трансграничного сотрудничества, теоретических основ, форм и механизмов трансграничного сотрудничества с учетом мирового опыта, лучших отечественных и зарубежных практик в этой области.

Таким образом, трансграничное сотрудничество затрагивает следующие сферы интересов региональных акторов.

1) Экономические интересы – сфера взаимодействия региональных предпринимателей как местного, так и государственного масштаба между собой и с государственными и межгосударственными институциями. Также это сфера международного взаимодействия государственных экономических структур. Значимость этого взаимодействия прямо определяется масштабом экономического развития трансграничных регионов.

2) Социальные интересы – сфера взаимодействия межгосударственных институций между собой, а также взаимодействие их с общественными организациями и региональными общинами.

3) Культурные интересы – сфера взаимодействия межгосударственных институций между собой, а также взаимодействие их с общественными организациями и региональными общинами.

4) Интеграционные интересы и работа над снижением взаимных барьеров во всех сферах взаимодействия – сфера деятельности акторов международных государственных юридических структур.

5) Работа по поддержанию экологического благополучия, правопорядка, ликвидации чрезвычайных ситуаций – сфера взаимодействия локальных акторов муниципальных органов власти и соответствующих служб.

Для всех акторов региональной политики основные факторы развития трансграничного сотрудничества можно представить в двух группах:

а) объективные,

б) субъективные.

К объективным факторам относятся:

– необходимость пользования общими природными ресурсами;

– наличие общих проблем, для решения которых целесообразно объединять усилия (прежде всего, экологические проблемы);

– реализация единой политики пространственного обустройства Евразийского континента;

Субъективные факторы включают:

– возможности ускоренного социально-экономического и экологического развития приграничных регионов и повышение качества жизни жителей;

– возможности получения значительной финансовой поддержки со стороны Евразийского союза и других международных структур;

– формирование единого интегрированного пространства в пределах трансграничного региона на основании партнерства, равноправия, равнозначности сторон. Принцип партнерства включает в себя два элемента: партнерство по вертикали, т.е. с соответствующим участием на международном, центральном, региональном и локальном уровне с каждой стороны границы, дополняя существующие

структуры, но без элементов конкуренции, а также партнерство по горизонтали, т.е. между партнерами региона, по обе стороны границы. Этот вид партнерства базируется на паритете сторон, независимо от величины территории, в смысле пространственном, экономическом или демографическом; для развития этого вида партнерства необходимо преодолеть ряд препятствий, которые проистекают из различий в сфере администрирования, компетенции и источников финансирования;

– принцип помощи, понимаемый очень широко как помощь международных, государственных и региональных институтов и организаций в достижении целей трансграничного сотрудничества, реализуемых регионами и местными союзами; помощь означает также укрепление регионального и местного уровней через делегирование полномочий на самый низкий уровень администрирования;

– принцип солидарности пограничных территорий;

– принцип существования концепции стратегии трансграничного развития; выполнение этого принципа является обязательным для создания стратегических границ и для перспективы долгосрочного сотрудничества; эта стратегия должна соответствовать программе развития региона и очерчивать потребности и будущие цели трансграничного сотрудничества для преодоления изолированного развития только с одной стороны границы и включать разработку соответствующей общей перспективы регионального трансграничного развития [12].

Закономерно, что обширные трансграничные связи были созданы между Казахстаном и РФ – казахстанские административные границы с РФ охватывают более 7,5 тыс. км. Наиболее экономически развитые промышленные города Казахстана, которые формируют и определяют 8 областей Казахстана – Актобе, Атырау, Костанай, Кокшетау, Павлодар, Петропавловск, Уральск, Усть-Каменогорск – и, аналогично, крупные российские города, формирующие экономический потенциал 13 областей – Астрахань, Барнаул, Волгоград, Магнитогорск, Новосибирск, Омск, Оренбург, Челябинск – расположены около межгосударственных границ, что создает мощные дополнительные предпосылки к тесному внешнеэкономическому сотрудничеству. Огромный, масштабный промышленный, аграрный, ресурсный, экологический потенциал сопредельных областей служит катализатором наиболее эффективного трансграничного сотрудничества. В приграничных регионах РК и РФ сосредоточена значительная часть населения обеих стран [7].

Наличие значительного количества жителей в приграничных территориях, а также постепенное выравнивание национальной структуры этих регионов делает акторов социально-культурного взаимодействия серьезной силой, которая во многом доминирует в общественной жизни трансграничных регионов. Для них приоритетом будут являться постепенное выравнивание социального и экономического развития и интенсификация интеграционных процессов на межгосударственном уровне. В целом, приматом взаимодействия и баланса интересов большинства акторов региональной политики будет экономическое разви-

тие и экономическая интеграция. Тем более, что крайне важным фактором развития приграничного сотрудничества (ПС), с точки зрения многих российских ученых, является общее прошлое, в том числе совместная система хозяйствования, которая и поныне обусловливает тесные экономические и культурные связи приграничных регионов [8].

Следует отметить, что для абсолютного большинства региональных акторов баланс интересов соблюдается при максимальном восстановлении и поддержании экономически-культурной общности и снятии барьеров во взаимной интеграции.

Экономический характер приграничного сотрудничества РК и РФ характеризируется многими показателями. К примеру, доля ВВП трансграничных регионов РФ и РК указывает на значительную зависимость российских приграничных регионов от торговли с казахстанскими регионами (см. рис. 1). В последнее время, однако, наметилась взаимная тенденция к снижению торговых оборотов, которая скорее характеризирует всеобщее замедление темпов экономического роста, чем снижение интенсивности экономического взаимодействия.

С другой стороны, подобная динамика является достаточно стабильной и предсказуемой и указывает на интенсивный характер развития приграничных регионов.

Исследование показывает, что, по официальным данным, из совокупного внешнеторгового оборота РФ и РК на приграничное сотрудничество приходится около 70-75% от всего совокупного товарооборота этих стран. Такой уровень еще сильнее укрепляет позиции региональных бизнес-акторов государственной или частной собственности. Однако их позиции уязвимы с точки зрения структуры их экономической деятельности, которую уже долго стараются трансформиро-

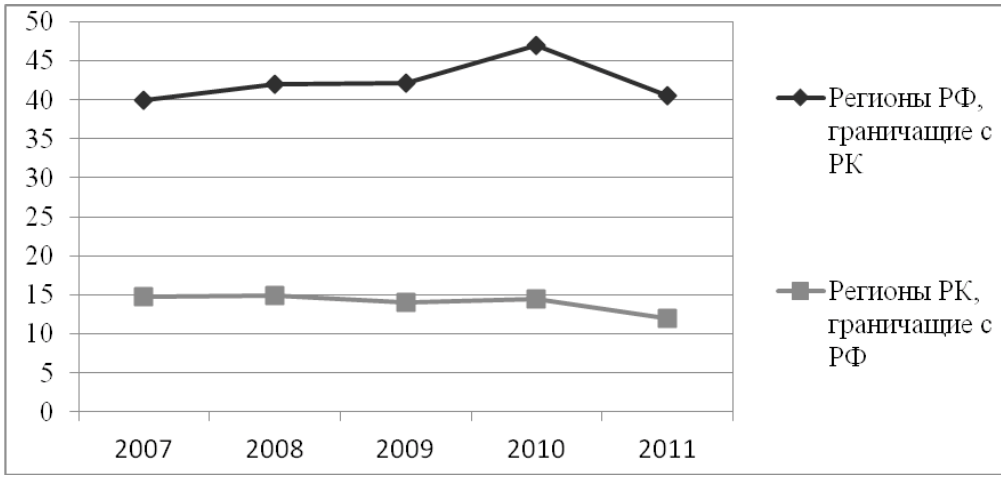

Рис. 1. Внешнеторговый оборот российского и казахстанского приграничья, % к национальному показателю соответствующей страны.

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики РФ и Агентства Республики Казахстан по статистике

вать через государственную политику и стимулирование. Так, значительная доля в приграничном сотрудничестве между регионами приходится на сырьевой рынок, что указывает на недостаточность модернизации и недостатки в ведении инновационной экономической политики. К примеру, можно отметить довольно низкую долю участия в расширении совместных региональных технологических проектов, хотя значительный потенциал такого характера есть во взаимовыгодном сотрудничестве государственных предприятий северных и восточных регионов Казахстана и России. В то же время, из российских регионов в пограничные регионы Казахстана интенсивно экспортируют продукцию АПК и необходимые комплектующие для казахстанского машиностроения [4]. Таким образом, при взаимной поддержке со стороны государственных институций, одними из самых больших выгодополучателей трансграничного сотрудничества в экономической сфере являются государственные предприятия, особенно совместные.

На X форуме межрегионального сотрудничества России и Казахстана президент Российской Федерации В.В. Путин сказал: «В настоящее время 76 из 83 субъектов Российской Федерации имеют экономические связи со всеми 14 казахстанскими областями, а также с городами Астана и Алматы. Подписано более 200 межрегиональных соглашений о сотрудничестве в различных сферах. Казахстан стал одним из ведущих торговых партнёров для многих российских регионов, среди них Татарстан, Свердловская, Челябинская, Оренбургская области. Товарооборот каждого из этих субъектов с казахстанскими партнёрами превышает миллиард долларов. Это серьёзный вклад в развитие российско-казахстанских экономических связей. За 10 лет объём двусторонней торговли вырос в четыре раза: с 5,8 млрд. долл. в 2003 г. до 22,4 – в 2012 г. Хорошими темпами растёт и инвестиционное сотрудничество. Только за первое полугодие 2013 г. в Казахстан поступило порядка 1 миллиарда долларов российских инвестиций, рост составил свыше 40 процентов по сравнению с аналогичным периодом 2012 г.» [9].

Необходимость дальнейшей экономической интеграции была подтверждена и президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым. Так, он отметил, что «Экономические реалии ставят перед Казахстаном и Россией одинаковые задачи на долгосрочную перспективу. Страны параллельно работают над диверсификацией экспорта, замещением высокотехнологичного импорта. Важное значение как для Казахстана, так и для России имеет расширение спектра производства собственной конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью. Объединяет страны и одновременное строительство открытых рыночных экономик с максимально комфортными условиями для ведения бизнеса. Среди успешных примеров межгосударственной кооперации бизнеса можно назвать взаимодействие в таких отраслях, как машиностроение, горно-металлургический комплекс, урановая, химическая промышленности» [9].

Примером конкретного выполнения интеграционного процесса является то, что на протяжении 2013 г. в Павлодарской и Омской областях ре-

ализованы 12 проектов с паритетным участием бизнес-кругов двух стран, причем на территории Павлодарской области размещены 5 из них, на территории Омской – 8.

В целом, за период 2009-2014 гг. реализованы полностью или находятся в стадии реализации около 30 крупных проектов, с участием бизнесменов двух областей. В них в полной мере использованы возможности для производственной кооперации, заложенные в природных и логистических условиях двух областей.

Таким образом, межрегиональное и трансграничное сотрудничество в ближайшей перспективе обретает новое наполнение – как важная часть глобального актуального интеграционного процесса создания нового сверхгосударственного конструкта, в рамках которого должны быть максимально удалены все возможные препятствия максимально эффективному экономическому, социальному, политическому и культурному взаимодействию наших стран.

В странах СНГ существует особый тип трансграничной кооперации и взаимодействия, обусловленный длительным существованием в одной стране, что сформировало единый экономически-хозяйственный комплекс, а также сняло проблему межнационального и культурного общения. Сейчас, благодаря последним российско-казахстанским инициативам и заключенным договорам о взаимной интеграции в рамках ЕврАзЭС, Таможенного союза и других организаций, трансграничное сотрудничество получает новый мощный импульс развития, особенно в экономическом аспекте такого сотрудничества. Это обстоятельство создает новый аспект в трансграничном взаимодействии и должно стать объектом дальнейших исследований для наших ученых.

Особо важным и интересным станет вопрос взаимодействия акторов региональной политики в условиях, когда успешное развитие трансграничного сотрудничества становится приоритетом для высших органов государственной власти обеих стран. Такие уникальные по своей сути условия ставят вопрос взаимодействия акторов региональной политики выше обычных конфликтов интересов государственных и негосударственных институций, коммерческих и некоммерческих векторов развития, но поднимают его до высоты определяющего для обеих стран пилотного проекта модели стратегического развития. Потому вопрос акторов региональной политики в трансграничном взаимодействии в условиях интенсификации интеграционных процессов между двумя странами должен стать приоритетным для субъектов межрегиональной политики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мансуров Т.А. ЕврАзЭС – наиболее успешная форма экономической интеграции на постсоветском пространстве // Экономика и управление. Санкт-Петербург. 2012. № 1(75). С. 4-8.
2. Мансуров Т.А. Социально-гуманитарное сотрудничество в контексте евразийской интеграции // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 2. С. 71-77.
3. Мансуров Т.А. Таможенный союз – решающий этап евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2010. № 7. С. 37-43.
4. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана (на примере Уральского региона). Доклад

М.А. Лихачева. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.riss.ru/ (дата обращения: 05.02.2015).
5. Мукомель В.И., Косач Г.Г., Кузьмин А.С. Российско-казахстанские приграничные связи: опыт трех российских областей // Вестн. Евразии = Acta Eurasica. М., 2001 №2. С. 73-121.
6. Назарбаев Н.А. Казахстанско-российские отношения. Доклады, выступления, статьи 1991-1997. М.: «Русский раритет». 1997. 464 с.
7. Отчет о НИР «Анализ торгово-производственных связей приграничных регионов России и Казахстана: влияние Таможенного союза и Единого экономического пространства» [Электронный источник]. Режим доступа: http://www.eabr.org/ (дата обращения: 05.02.2015).
8. Сотрудничество между РК и РФ в сфере использования и охраны трансграничных рек [Электронный источник]. Режим доступа: http://mfa.gov.kz/ (дата обращения: 05.02.2015).
9. Стенограмма – X Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана [Электронный источник]. URL: http://kremlin.ru/ (дата обращения: 05.02.2015).
10. Трансграничное сотрудничество на северо-западе России: XXI / Исследовательский отчет. Институт Восток-Запад. Иркутск, 2012. 136 с.
11. Чуфрин Г.И. Фундаментальные основы российско-казахстанских отношений // Казахстан и Россия: перспективы стратегического партнерства: Материалы международной научной конференции (19 сентября 2006 г.) Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2006. 120 с.
12. Practical Guide to Cross-border Cooperation / Third Edition 2012 / Phare / AEBR / EC. P.216 90.
13. Tschudi H-M. Promoting transfrontier co-operation: an important factor of democratic stability in Europe. Strasbourg. 4-6, June 2012.

УДК 32.019.5

Васильченко В.В.
Московский государственный областной университет

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА: СУЩНОСТЬ, ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Аннотация. В статье раскрываются основные проблемы, связанные с различными научными трактовками сущности политического протеста, традиционных подходов к его содержанию и трансформациями, произошедшими в последние два десятилетия в различных регионах мира. Показана социальная природа политического протеста, в основе которого лежат политические интересы различных социальных групп и слоёв общества. В авторском понимании протестное политическое поведение масс представлено не только как дестабилизирующий фактор общественной жизни, но и как стимул, содействующий преодолению политической пассивности, апатии многих людей, вызванных укоренившимся в общественном сознании чувством о своем политическом бессилии.
Ключевые слова: политическое участие, политический протест, политическое поведение, политический интерес, абсентеизм, кризис власти.

V. Vasilchenko
Moscow State Regional University

THE PHENOMENON OF POLITICAL PROTEST: ESSENSE, TRADITIONS AND INNOVATIONS

Abstract. The article describes the main problems associated with different scientific interpretations of the essence of political protest, traditional approaches to the content and transformations that occurred during the last two decades in different regions of the world. The social nature of political protest is shown, which is based on the political interests of various social groups and strata of society. In the author's understanding the political protest behavior of the masses is presented not only as a destabilizing factor in society, but also as a stimulus with a positive potential, contributing to overcome the political passivity, apathy of many people, caused by the feeling of their political weakness ingrained in the public consciousness.
Key words: political participation, political protest, political behavior, political interest, absenteeism, crisis of power.

Понимание сущности политического протеста и его эволюции в историческом контексте связано с методологическими сложностями в определении самого понятия протеста из-за разнообразия имеющихся точек зрения и концептуальных подходов. Русский термин «протест» происходит от латинского *prôtestârî* – «изъявлять, открыто заявлять», и в этом смысле означает относительно открытую реакцию на ситуацию в обществе (иногда в поддержку, но чаще – против неё). Обычно выделяют *социальный* протест (как правило, носящий экономический характер) *политический* (как ответная реакция на конкретную

© Васильченко В.В., 2015.

политическую ситуацию), *культурный* (обращённый к событиям культурной жизни).

Определенный интерес в объяснении протестного поведения граждан представляет теория американского социолога Д. Дэвиса о «революции растущих ожиданий», согласно которой политические протестные движения являются следствием спада экономического роста, стагнаций, когда рост экономических ожиданий граждан не соответствует их реальному экономическому положению. Результатом становится массовое недовольство граждан, переходящее в открытую агрессию в политической сфере [13, с. 373]. Соотечественник Д. Дэвиса – Т.Р. Гарр привнес в эту теорию положение о недостаточной самореализации человека, на основе собственных представлений о справедливости убедившего самого себя в том, что он достоин лучшего и большего. Разочарование вызывает раздражение, тревогу или даже отчаяние (фрустрацию), которые приводят к агрессивному поведению в политической сфере, участию в протестных акциях и других формах проявления недовольства [3, с. 61].

Интерес также представляет теория «бесшумной революции» Р. Инглхарта, согласно которой постиндустриализм привносит во все сферы жизни социальной жизни новые «постматериальные ценности» («ценности постмодерна), которые, становясь доминирующими в постиндустриальном обществе, влекут за собой социетальные изменения (от необходимости равноправия женщин до трансформаций политических институтов). Сторонниками таких изменений становятся граждане, разделяющие «постматериальные ценности», и именно они более склонны к политическому поведению в неконвенциональных формах [5, с. 107].

В целом же традиционное восприятие политического протеста, протестных движений ассоциируется с недовольством существующим социальным порядком. В них находит свое отражение степень «информированности и понимания людьми политических процессов и состояний» [7, с. 153], свойственных данному периоду исторического развития конкретного общества. Диапазон их достаточно широк: от проявлений индивидуального и коллективного несогласия до открытого сопротивления и «бунтарских» выступлений представителей отдельных социальных групп и слоёв против функционирующего политического режима [6]. Однако было бы неверным считать, что протест несёт в себе только негативную составляющую: включая в себя критическое отношение к действительности, он несёт и позитивный «заряд», способствуя переосмыслению сложившихся социально-политических укладов.

В определении политического протеста единой точки зрения не существует, однако, все исследователи единодушны в том, что это – форма участия населения в политической жизни общества, выражающаяся в различных политических акциях. В частности, энциклопедические издания трактуют политический протест как вид политического участия, для которого характерно проявление «отрицательного отношения к политической системе в целом или к её отдельным элементам, нормам, ценностям в открытой, демонстративной форме»

[11, с. 56]. Такой подход созвучен с мнением зарубежных ученых, согласно которому политический протест являет собой «коллективное действие или систему коллективных действий, направленных на изменение систем представительной и/или исполнительной власти, проводимой государственной политики или взаимоотношений между гражданами и государством в целом» [16, с. 6]; или – более жёстко – «использование разрушительных коллективных действий, нацеленных на институты, элиты, властвующие и другие группы и совершаемых для достижения некоторых коллективных целей и требований протестующих» [8, с. 150].

В исследованиях некоторых отечественных ученых политический протест также рассматривается как форма политического участия, включающая «совокупность публичных негативных реакций социальных субъектов на деятельность политического режима, с целью влияния на принятие решений» [14, с. 13]. Заметим: во всех приведенных дефинициях подчеркивается *коллективный характер* политического участия. Думается, что акцент на коллективность в содержании политического протеста не вполне корректен: малочисленные или даже индивидуальные протестные действия авторитетных личностей как в активной, так и в пассивной формах также достаточно значимы, и их можно с полным основанием отнести к той или иной форме политического протеста [2].

В основе любого политического протестного движения лежат политические интересы различных социальных групп и слоёв общества, образуя совокупный политический интерес, в котором находит своё отражение общая заинтересованность всех социальных слоёв в целостности общества, в его нормальном функционировании. Это, однако, не означает, что в совокупном политическом интересе отражаются все частные интересы, поскольку многие люди политически пассивны, поглощены своими повседневными заботами о «хлебе насущном», о благополучии своей семьи, своего хозяйства, в результате чего они слабо влияют на содержание совокупного политического интереса. К чему это ведёт?

Для ответа на этот вопрос остановимся на реализации совокупного политического интереса, которая должна ложиться целиком и полностью на государственную власть. Но государство может и ущемлять совокупный политический интерес масс в угоду другим социальным слоям и группам. Так, в нашей стране в середине 90-х гг. около 10% наиболее богатых слоёв населения имели доход в 20-30 раз больше, чем наиболее бедные слои [4, с. 240]. Подобная пристрастность государственной власти связана, прежде всего, с тем, что в обществе с глубокой социальной дифференциацией обладатели капитала, олигархические слои, политическая элита имеют неизмеримо большие возможности влиять на социальную политику государства, исходя из своих интересов. Больше того, в условиях ущемлённой демократии, политической пассивности значительной части населения олигархия имеет возможность подчинять государственную политику своим корпоративным интересам в ущерб интересам большинства граждан. Несовпадение политических интересов властвующей элиты и рядо-

вых граждан служит объективной основой для социальных и политических противоречий и конфликтов. Именно на этой почве растёт неудовлетворенность политикой действующей власти, падает её легитимность, зреет недовольство народных масс и формируются условия для политического протестного движения, направленного вплоть до смены существующего режима.

В связи с этим важным представляется и другой аспект рассматриваемой проблемы: неправомерность толкования протеста как однозначно негативного явления. Дело в том, что политическое недовольство, находящее свое выражение в протестных движениях, вызревает, главным образом, в экономической сфере, поскольку именно социально-экономическое положение формирует политическую заинтересованность в определённом политическом режиме, определённой социальной политике. Если эта политика игнорирует совокупный политический интерес масс, она активизирует их политическую активность и подвигает их на массовое выражение недовольства в различных (в том числе радикальных) формах политического протеста. Но сам по себе такой протест в этом случае вполне оправдан, ибо он направлен на прогрессивные социальные изменения.

В подтверждение этой мысли приведём пример электорального поведения населения России в период радикальных политических трансформаций с конца 90-х гг. до первых лет нового столетия. Тогда определённая его часть проявляла так называемый «электоральный протест» – в формах голосования «против всех», сознательной порчи бюллетеней или вообще игнорирования процедуры выборов (абсентеизм). Такое политическое поведение, по сути, было и есть реакция на дефицит политического доверия стремящимся во власть и не может быть однозначно определено как неконвенциональное поведение, поскольку оно направлено на политическое оздоровление деятельности институтов власти; в то же время такое коллективное поведение отдельной части электората вполне укладывается в понятие «политический протест», но со знаком «плюс». Наконец, нельзя забывать о такой вполне конвенциональной форме политического протеста, как официально заявленные и разрешённые властью митинги, демонстрации, шествия и т.п. под лозунгами проведения «честных выборов», против фальсификации их результатов, коррумпированности властных структур и т.д. Важен и другой момент. Специалисты отмечают, что участие масс в различных политических акциях должно иметь определённые разумные пределы [1]. В таких случаях пассивное политическое поведение (неучастие в политических акциях) вполне целесообразно и может трактоваться как стабилизирующий фактор общественного развития.

Всё выше перечисленное даёт возможность констатировать, что в методологическом плане понятие политического протеста многогранно и сводить его к коллективным действиям неконвенционального политического поведения неправомерно. В этом отношении автор разделяет точку зрения отечественных исследователей В. Костюшева и В. Горьковенко, которые, основываясь на типологии

политических действий У. Милбрайта, включают в понятие политического протеста неконвенциональные и конвенциональные, коллективные и индивидуальные политические акции в различных (насильственных и ненасильственных) формах [8, с. 151-152]. Учитывая эти уточнения, политический протест можно определить как *открыто заявляемые активные или пассивные, коллективные или индивидуальные, конвенциональные и неконвенциональные политические акции, выражающие недовольство субъектов политического процесса существующим политическим порядком, функционированием отдельных институтов публичной власти и/или политической системы общества в целом*.

Какова роль протестного поведения в политической жизни общества?

Во-первых, в протестном поведении находят своё выражение насущные политические потребности и интересы различных социальных групп и слоёв общества; оно служит самым мощным стимулом к активным политическим действиям граждан. Позитивный момент здесь состоит в том, что этот стимул содействует преодолению политической пассивности, апатии многих людей, вызванных укоренившимся в общественном сознании чувством о своем политическом бессилии.

Во-вторых, протестное политическое поведение оказывает влияние на внутреннюю политику демократического государства, развитие участия населения не только в политической, но и в других сферах общественной жизни. Не случайно среди причин острейшего социально-экономического и политического кризиса в нашей стране в 90-е гг. называют крайне низкую политическую активность масс, приведшую впоследствии к их отторжению от действительного народовластия.

В-третьих, политический протест объективно способствует укреплению социальной базы публичной власти, её легитимности: социологические исследования показывают, что повышение политической активности масс заставляет действующую власть пристальнее анализировать собственные ошибки, ведущие к падению доверия граждан к государству, углублению разрыва между насущными интересами большинства населения и политикой властвующей элиты. Уровень и интенсивность протестного политического поведения – это своеобразный ориентир для корректировки и укрепления социальной базы политики властных структур и углубления процессов политической модернизации в стране [15, с. 125].

Традиционно политический протест характеризуется: а) направленностью (как правило, против конкретных политических, в том числе элитарных, групп, политического режима или политической системы в целом); б) относительно четко выраженным содержанием; в) требованиями политических преобразований. Это положение носит объективный характер и подтверждается всем ходом исторических событий во многих странах. Однако события начавшегося нового столетия, связанные с протестными движениями в Западной Европе и Северной Америке, с «цветными революциями», «арабской весной», украинским «майданом», привнесли в понятие политического протеста новые характеристики: направленность, содержание и требования изменений в обществе увязаны, в первую очередь, с пробле-

мами модернизации, демократизации, борьбы с коррупцией [10]. Как ни парадоксально, но наряду с особенным, все эти события имеют много общего, несмотря на значительную разницу самих стран и функционирующих в них политических режимов. Остановимся на этом несколько подробнее.

Как справедливо замечает А.Д. Лашевская, протест масс в ходе «арабской весны», развернувшийся на огромной территории Африканского континента и ставший после крушения мировой системы социализма едва ли не самым масштабным протестным событием, равно как и протестные движения в Северной Америке, Западной Европе, в Украине и у нас, в России, в содержательном плане следует рассматривать «не только как реакцию, но и в качестве имманентного социальному бытию состояния, периодически проявляющегося или обостряющегося, согласно ритму общественной жизни и математическому строю этого ритма подчиненного» [9, с. 175]. На наш взгляд, здесь есть три наиболее важных обстоятельства.

Первое. В этих выступлениях нет объединяющего начала – действительного стремления народных масс к радикальным переменам, направленным на формирование реального демократического государственного устройства: озабоченные своим снижающимся уровнем экономического положения, они менее всего привержены идеалам демократии и свободы и готовы поддержать всех, кто в митинговых словесных дискуссиях обличает действующую власть и обещает привнести в жизнь обычных граждан улучшения, лишь бы вовлечь их в стихию протеста и на этой волне «народного возмущения» самим прорваться к власти.

Второе. У возглавляющей и приходящей к власти бунтующей политической элиты нет реального представления о том, каким должно быть «новое» демократическое устройство страны, но оно для них и не является «путеводной звездой»: императивом является устремленность во власть – главное условие и предпосылка к собственному экономическому благополучию (читай: обогащению).

Третье. Во всех этих протестных выступлениях, в том числе кровавых, просматривается их политическая ангажированность (одинаковый сценарий): подогревание, как правило, накануне грядущих выборов, возмущения народных масс против власти вначале на относительно мирных демонстрациях, митингах, шествиях в защиту прав, свобод, любых других ценностей либеральной демократии, впоследствии переходящее в противостояние и открытое столкновение противоборствующих сторон. Наглядный пример – события в Украине. С одной стороны, сохранение и усиление антидемократических тенденций в эволюции политической системы, усиление бюрократизма, коррупция в органах власти, занятие в них командных высот олигархическими слоями объективно не могли не вызвать массовых протестов со стороны народных масс, основная часть которых обескуражена плачевными результатами социальных реформ более чем за двадцатилетний период «самостийного развития», потеряла веру во властные структуры и находится почти в шоке из-за слабости своих возможностей в отстаивании своих коренных интересов.

С другой стороны, налицо массированный саботаж значительной части политической и экономической элиты, чиновничества, новых богачей в отношении принимаемых законов, указов, решений правительства. Сохраняющиеся безответственность и пренебрежительное отношение к интересам народа на всех этажах власти и в обществе, откровенное, доходящее до угроз (и применение) физического насилия в ходе избирательных компаний по выборам президента и парламента (Верховной Рады) Украины, боевые действия в Новороссии под прикрытием так называемой «антитеррористической операции» лишь обостряют социальную напряженность в стране, являясь, по сути, главным препятствием на пути к формированию действительно демократического правового и социального государства. Здесь как нельзя лучше подходит выражение видного политолога Л. Пшеворского: «Демократия прочна, когда большинство конфликтов разрешается при посредстве демократических институтов, когда никому не позволено контролировать результаты ex post и они не предрешены ex ante; результаты значимы в известных пределах и вынуждают политические силы им подчиниться» [12, с. 673].

Таким образом, объективной причиной и движущей силой политического протеста выступает неприятие (отторжение) существующих политических отношений, политического режима и/или политической системы в целом различными социальными слоями общества в форме тех или иных конвенциональных и неконвенциональных политических акций. Результатом политического протеста, как правило, становится усиление политической напряженности в обществе, обострение социальной конфликтности в области политических отношений, социально-политическая дифференциация по социально-классовым, национальным, конфессиональным и иным признакам, нарушение баланса политических сил, кризисные явления власти. Однако политический протест может играть и положительную роль: в демократическом обществе способность масс к политическому протесту характеризует степень зрелости институтов гражданского общества, стабилизирующий фактор общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов Н.А. Протестное политическое поведение: курс лекций // Персональный сайт Николая Баранова [сайт]. URL: http://nicbar.ru/index.htm (дата обращения: 12.04. 2015).
2. Борщ А.А. Формы политической борьбы // Обозреватель. 2010. № 12. С. 49-59.
3. Гарр Р.Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
4. Голубев В.И., Пирогов А.И. Политология и политическая жизнь России. М.: Народный учитель, 1999. 355 с.
5. Инглхарт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: АСТ, 2002. С. 106-128.
6. Касович А.А. К вопросу об основных причинах политического протеста в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион (Общественные науки). 2014. № 1. С. 42-50.
7. Костюшев В.В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации // Полис. 2011. № 4. С. 144-157.

8. Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb) // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. С. 144-177.
9. Лашевская А.Д. Социальный протест и социальная критичность: новые времена // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2 (14). С. 175-181.
10. Манойло А.В. «Цветные революции» и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. № 2. 14 с.
11. Погорелый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю. Новейший политологический словарь. Ростов-н/Д: Феникс, 2010. 318 с.
12. Пшеворский Л. Переходы к демократии // Политология: хрестоматия / под ред. М.А. Василика, М.С. Вершинина. М.: Гардарики, 2000. С. 673-692.
13. Селле П. Когда происходят революции? // Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза. М.: РОСПЭН, 2009. С. 371-387.
14. Челпанова Д.Д. Характер и динамика протестной активности на юге России: автореф. дисс. … канд. социол. наук. Новочеркасск, 2011. 22 с.
15. Панкратов С.А., Гаранин О.Ю. Тенденции и основные направления организации протестной активности в современном обществе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С. 123-125.
16. The Politics of Protest: Comparative Perspectives on State and Social Movements / eds. J.C. Jenkins, B. Klandermans (Social Movements, Protest, and Contention: Book 3). Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1995. 382 p.

УДК 321.07

Бирюков Д.А.
Московский государственный областной университет

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается сущность демократического политического режима как способа организации политической системы, который отражает отношения власти и общества, уровень политической свободы и характер политической жизни в стране. В краткой исторической ретроспективе (от классиков древнегреческой философии Платона и Аристотеля до современных концепций демократии) показана эволюция демократического политического устройства общества, характеризуются его сущностные черты и признаки. Показано, что демократический политический режим по-разному проявляет себя в различных странах, что обусловливает основные преимущества и слабые стороны демократии в современных условиях.
Ключевые слова: демократия, политический режим, свобода, авторитаризм, тоталитаризм.

D. Biryukov
Moscow State Regional University

DEMOCRATIC REGIME AS A FORM OF THE POLITICAL STRUCTURE OF SOCIETY

Abstract. The article considers the essence of a democratic political regime as a form of organizing the political system. This regime reflects the relationship between government and society, the level of political freedom and nature of political life in the country. In a brief historical retrospective (from Plato and Aristotle, the classics of ancient Greek philosophy, to modern concepts of democracy) the evolution of democratic political structure of a society is shown. Its essential features and principles are characterized. It is shown that a democratic political regime manifests itself differently in different countries, which causes main advantages and weaknesses of democracy in the modern world.
Key words: democracy, political regime, freedom, authoritarianism, totalitarianism.

Демократия – лучшее политическое устройство, которое изобрело человечество. Подавляющее большинство граждан являются сторонниками демократии – народовластия, если буквально переводить с древнегреческого языка (demos – народ, kratos – власть). Однако при всей очевидности вопроса о сущности демократии как политического режима ответ на него далеко не так прост. Почему выдающиеся древние мыслители Платон и Аристотель негативно высказывались о демократии? Платон, определяя демократию как власть завистливых бедняков, узревал в ней нисходящие тенденции к властвованию олигархов (олигархический тип), честолюбцев (тимократия), жестоких деспотов (тирания), вслед-

© Бирюков Д.А., 2015.

ствие чего в его идеальном государстве власть должна принадлежать немногим, но способным к управлению людям (в его понимании, философам) [8, с. 97-107]. Не видел в демократии наилучшего общественного устройства и Аристотель, полагавший, что правление большинства неимущих в интересах этого большинства не является оптимальным – его «полития» предполагала специальный отбор наиболее способного управленческого слоя людей, пекущихся об общем благе [1, с. 417-420]. Почему сегодня арабский мир не приемлет «эталонную» западную демократию, усердно насаждаемую Соединенными Штатами и объединенной под их началом Европы?

В XIX в., когда демократия пробила серьезные бреши в системе авторитаризма и продемонстрировала свои возможности как политическая форма утверждения индустриальной цивилизации, многие мыслители не поняли ее возможности политически обеспечить общественный прогресс. Так, Ги де Мопассан писал, что умный диктатор может принести народу куда больше пользы, чем бестолковая демократия, где всегда преобладают дураки в силу их численного превосходства в обществе. Можно сослаться и на слова известного русского философа Н.А. Бердяева, который в 1923 г. утверждал, что демократия разъединяет народ, его единство, создает власть охлократии, толпы, но «толпа, одержимая корыстными и злобными инстинктами, не способна управлять ни собой, ни другими» [2, с. 231]. Безусловно, демократические режимы того времени по своей эффективности и зрелости соответствовали состоянию общества, его политической культуре. Некоторые из них не могли противостоять натиску сил авторитаризма и тоталитаризма. Однако уже тогда демократия проявила себя в Англии, Франции, США и ряде других стран, став могучим рычагом социального успеха.

Во второй половине XX в. столетия глобальная научно-техническая революция и глубокие социально-политические преобразования коренным образом изменили политическую картину мира: демократические политические режимы стали преобладающими в наиболее ее развитой зоне, они реально демонстрировали свою эффективность в управлении обществом, продвижении его по пути экономического, социального и духовного прогресса, улучшения условий жизнедеятельности большинства населения своих стран. Какие признаки и черты характерны для демократического политического режима? Согласно одному из наиболее известных в мире политологов, профессору политологии Йельского университета Роберту Далю, сама идея демократии немыслима без наличия такого социума (демоса), в котором каждый его член одинаково компетентен для участия в управлении этим социумом, обладает необходимыми знаниями о том, какой политический выбор позволяет ему защитить свои интересы наилучшим образом [3, с. 36].

В действительности это указывает на определенные параметры, которые будут перечислены ниже.

1. Признание народа источником власти. Но мало провозгласить этот принцип, главное – создать необходимые условия для участия граждан в управлении обществом через представительную демократию.

2. Выборность основных органов власти и прежде всего законодательной путем равного, всеобщего и тайного голосования. Последовательная реализация этого принципа в значительной степени зависит от характера избирательной системы: закреплены ли в ней демократические процедуры выдвижения кандидатов в органы власти, выборность избирательных комиссий, система общественного контроля за ходом выборов и подсчетом голосов.

3. Подчинение меньшинства большинству, как один из действенных способов реализации суверенитета народа, как источник верховной власти в демократическом обществе. Вместе с тем реализация этого принципа таит в себе возможность установления диктатуры большинства и попрания интересов меньшинства. Поэтому в органической связке с этим принципом демократического режима находится принцип уважения прав и защиты интересов меньшинства в органах власти, что достигается существованием легальной оппозиции, легального политического и идеологического плюрализма.

4. Верховенство закона; равноправие граждан, гарантия их прав и свобод, равенство всех перед законом. Это один из главных принципов и индикаторов демократического режима. Однако его содержание нельзя трактовать упрощенно. Кардинальное значение имеют качество законов и создание условий для их реализации, для обеспечения их неукоснительного выполнения. Вместе с тем сохраняет актуальность аксиома Цицерона: «Закон всегда Закон» [9, с. 63]. Его можно проклинать, ругать, но его необходимо выполнять и вести борьбу за совершенствование законов или их отмену.

5. Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, их относительная самостоятельность в рамках своих полномочий. В то же время они должны быть едины в управлении обществом. С трактовкой содержания этого принципа демократического режима в нашей стране некоторые ученые и политики подчеркивают верховенство президента в системе центральной власти и равенство ее основных ветвей. Большинство западных демократий реализуют принцип, глубоко обоснованный одним из основоположников либерализма английским ученым Дж. Локком в работе «Два трактата о правлении» [5]. В ней подчеркивалось, что законодательная власть должна находиться в руках представительного учреждения – парламента. Иные властные органы должны ей подчиняться. Торжество этого принципа позволяет политическим режимам Запада безболезненно и своевременно отправлять в отставку коррумпированных премьеров и членов правительства, в целом правительства, не справившиеся со своими функциями.

Указанные параметры позволяют демократическим режимам успешно приспосабливаться к динамично развивающимся сложным и противоречивым общественным процессам, обеспечивать прогрессивную эволюцию своих стран и регионов[1]. Отдельные элементы демократии имеют место и в коммунистических – тоталитарных (полный контроль государства над всеми сферами жизни общества) и

[1] Даже Уинстон Черчилль – диктатор по характеру – отдавал приоритет демократическому правлению, хотя и объяснял это тем, что другие разновидности режимов еще хуже.

авторитарных (ограниченное вмешательство государства в неполитические сферы жизни общества) режимах. Но чаще всего эти элементы демократии носят формальный характер (к примеру, Конституция СССР 1936 г. по своему содержанию являлась вполне демократической, однако, это не мешало власти бороться «врагами народа» и проводить массовые репрессии против инокомыслящих, а выборы в высший представительный и законодательный орган – Верховный Совет СССР были безальтернативными).

Названные и некоторые другие признаки демократического режима проявляются неодинаково в различных странах, различаются по уровню социально-экономического развития, характеру общей, в том числе политической, культуры, по традициям и прочим показателям. Этим обусловлено существование различных видов таких режимов. Один из них – парламентский режим власти. Впервые в истории такой политический режим сформировался во Франции после победы Парижской коммуны в начале 70-х гг. XIX в. Впоследствии парламентаризм победил во многих странах, где были свергнуты монархии. К особенностям парламентского режима следует отнести следующие [6]:

1) решающую роль играет представительная демократия – народ участвует в системе власти, главным образом, через избранных им представителей. Но при этом действуют и некоторые институты прямой демократии – референдумы, органы самоуправления и др.;

2) существует разделение властей при решающей роли законодательной ветви власти – парламента;

3) важную роль в формировании парламента играют парламентские фракции, оппозиция, что позволяет меньшинству обеспечивать защиту своих интересов в высших органах власти;

4) правительство ответственно перед парламентом, который утверждает правительство и имеет право выражать ему недоверие, иначе говоря, отправлять его в отставку;

5) демократически сформированный эффективный механизм конституционного надзора за соблюдением и реализацией законов, в том числе конституции.

Видимо, правомерно к демократическим режимам относить и парламентские монархии, которые сегодня существуют в почти трети стран мира. Только в Европе таких монархий одиннадцать. По характеру политического режима, способам и формам его функционирования они почти не отличаются от парламентских республик. Как и в последних, в парламентских монархиях законодательная власть принадлежит демократически избранному парламенту, подконтрольному ему правительству. Власть монарха чаще всего носит символический и представительный характер. Однако афоризм «Король правит, а не управляет» относится не ко всем парламентским монархиям. В Швеции, например, монарх не вмешивается в политику, однако, играет важную роль как символ стабильности, вносит свой вклад в успехи специфической «шведской модели» общества.

Другой вид демократического режима – президентское правление. В этом случае законодательная и исполнительная ветви власти формируются

на основе двойной системы выборов. Поэтому они четко разделены. В «классической» президентской республике парламент (конгресс) избирается по демократической системе выборов и располагает всей полнотой законодательной власти, независим от президента. Имеет право при определенной ситуации (нарушений Конституции, норм нравственности, измене Родине и т.д.) отправлять его в отставку. Президент избирается всеобщим голосованием или выборщиками (как в США), благодаря чему он имеет высокую легитимность и концентрирует в своих руках огромную власть, в том числе он подбирает и лично назначает правительство, которое не ответственно перед парламентом.

Впервые президентское правление было установлено в США в 1787 г. и функционирует там поныне, являясь своеобразным эталоном подобного режима. Но это весьма своеобразный эталон. Как отмечает американский ученый Майкл Парети, президент «… играет множество ролей: он и глава исполнительной власти, и «главный законодатель», и главнокомандующий вооруженными силами, и глава государства, и лидер партии. Весьма редко, однако, упоминается, что он еще и представитель капитала. Президент есть олицетворение административной централизованной политической системы, охраняющей интересы корпоративной Америки внутри страны и за рубежом» [7, с. 319]. Президентские режимы сформировались во многих странах Латинской Америки, в ряде государств Африки, Азии. В 90-х гг. президенты появились во всех бывших советских республиках, ранее входивших в СССР.

Еще один вид – полу-президентское (смешанное) правление, в котором сочетаются признаки парламентской и президентской республик (президент избирается народом, но не относится ни к одной из ветвей власти; правительство, возглавляемое премьер-министром, несет двойную ответственность: основную – перед президентом и ограниченную – перед парламентом). Впервые смешанная форма правления была введена в 1958 г. во Франции по инициативе Шарля де Голля, стремившего к сильной президентской власти, но вынужденного учитывать сложившиеся в стране традиции парламентаризма. Российская Федерация представляет специфическую форму полу-президентского правления: президент обладает расширенными даже по отношению к классической форме президентской республики полномочиями.

Каковы основные преимущества демократических режимов по сравнению с другими такими режимами?

Во-первых, они создают возможность отстаивать интересы различных социальных групп в системе власти; заставляют властные структуры считаться с настроениями избирателей.

Во-вторых, в них имеется механизм противовесов в системе власти, способный не допустить ее концентрации в руках какого-либо политического института или социальной группы.

В-третьих, здесь обеспечивается более высокий профессионализм, чем при других типах правления. Последнее в значительной степени зависит от системы выборов государственных органов, зрелости культуры и социальной активности большинства граждан.

В-четвертых, в условиях соблюдения всеми ведущими силами общества

правовых норм есть возможность относительно безболезненно разрешать противоречия и конфликты с помощью компромиссов, соглашений, посредников.

В-пятых, демократический режим порождает тенденцию к сплочению социально-политических сил, их объединению. В такой обстановке даже небольшие партии, защищающие интересы социальных и этнических меньшинств, могут принять участие в избирательных кампаниях и добиться своего влияния на политику, выступая в блоке с другими политическими объединениями.

Однако, несмотря на эти достоинства и преимущества, демократические режимы имеют свои слабые стороны. При них сохраняется приоритетное влияние на политику социальных групп, господствующих в финансовой сфере и в экономике. Вмешательство последних в функционирование политической власти составляет реальную угрозу для демократии в целом, особенно для режимов, только вступивших на путь демократического обновления. Кроме того, в современных демократиях сохраняется опасность бюрократизма, коррупции, нарушения прав человека. Они ослабляют сами органы демократии и при определенных условиях могут привести к ее перерождению в тиранию бюрократии или установлению олигархии, господства немногочисленной элиты. При демократическом режиме слишком много времени занимает процедура принятия законов, оперативных решений. Под давлением лоббистских групп некоторые проекты законодательных актов «маринуются» в комиссиях парламентов многие месяцы и снова отправляются «на доработку» верхней палатой или президентом (если он имеет такое право).

Плюрализм, как один из основополагающих критериев демократического режима, легализует политические силы, выступающие (в рамках закона) против демократии, за авторитаризм. Опасность авторитарного давления особенно велика для молодых демократий (по мнению американского политолога Роберта Даля, лишь после 20 лет демократия становится стабильной) [4, с. 36-37].

Таким образом, демократический режим, как величайшее завоевание человечества в политической сфере, предполагает предоставление гражданам широких прав и свобод, создание институтов, необходимых для волеизъявления масс, их участия в определении устройства государства и управления им. Однако демократия как народовластие, в ее идеальном виде, невозможна в условиях социальной дифференциации, социально-классовых антагонизмов, существования экономически господствующих слоев, недостаточной организованности и политической зрелости «среднего класса», особенно его ядра – интеллигенции. В современном виде политический режим – это форма политической власти, при которой воли и интересы граждан учитываются, главным образом, при их голосовании; политическая власть осуществляется при опоре на конституцию, на законы, в условиях юридического равноправия. Во многих странах существует система контроля избирателей за деятельностью своих выдвиженцев, механизм отзывов депутатов, не оправдавших доверие народа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376-644.
2. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 240 с.
3. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.
4. Даль Р. Введение в экономическую демократию. М.: Наука, 1991. 128 с.
5. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.
6. Назаренко О.А. Политический режим: теоретико-правовая характеристика // PolitBook. 2013. № 2. С. 167-174.
7. Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990. 504 с.
8. Платон. Государство. М.: Наука, 2005. 572 с.
9. Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966. С. 7-88.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д.М. Креленко

ЭЛЕМЕНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ФЕНОМЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ «РОССИЯ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ. ОБРАЗЫ И ТЕКСТЫ»

Столетний юбилей любого значительного события в истории человечества – веха традиционно важная и, как правило, знаменующая формирование устойчивой национальной идейной парадигмы относительно тематики. За столетие поэтапно с интервалом лет в 25 следуют: первичный бурный поток подробностей, корректируемый официальными реляциями государственного аппарата, затем мемуаристы раскрывают принципы технологий принятия решений. Наконец, из архивной пыли извлекаются ключевые документы, характеризующие смыслы процесса. Венчает процедуру создания образа подборка эпитетов, употребленных параграфами соответствующего раздела учебника и интонация лектора, формирующего отношение аудитории к предмету повествования.

В данном смысле вековой юбилей этапен. Плановый взрыв исследовательского интереса в соответствующем году позволяет без гнева и пристрастия откорректировать образ явления в духе основных тенденций развития общества. Причем столетие зачастую является возрастом, после которого колебания оценок в поступательно развивающемся обществе минимизируется.

Судьба Первой мировой войны как объекта исследования в нашем Отечестве вышеприведенной схеме не соответствует. Благотворная юбилейная активность, признающая динамизм и структурирующая поиски мировоззренческих стандартов, всякий раз увязала в событиях текущей реальности. Не стал исключением и 2014 г. Ожидавшийся поток аналитики и обобщающих работ вновь не отвечал значимости событий столетней давности.

Тематика Первой мировой в контексте национальной исторической науки, как следствие, упорно не «взрослеет» и не спешит приобретать параметры, свойственные зрелости. Конкурирующие и подчас противоречащие друг-друг трактовки и оценки сопровождают отдельные тематические сегменты и образ явления в целом.

Между тем осознанная обществом насущная потребность в полной, последовательной и предсказуемой истории очевидна и особенно касает-

ся формирования целостного образа грандиозного исторического процесса, породившего новейшую эпоху генезиса человечества и нашего социума.

Сложность задачи усугубляется мозаичностью абриса явления. Профессионалы, занимающиеся военными аспектами Первой мировой, в предшествующие годы немало потрудились над локальными разделами темы, но война, отдаленная на век, не имеет в глазах общества цельной концепции восприятия. Обычному и даже заинтересованному историческим прошлым гражданину трудно ориентироваться в событийной канве и смыслах, коль скоро историческая память не опирается на конкретные образы. Мемориалы той войны – эксклюзивная редкость, воссозданная буквально вчера и локализованная лишь в общенациональном пантеоне военной славы. Перо великих отечественных литераторов вскользь коснулось темы, навсегда уступившей художественное первенство «грозе двенадцатого года».

Кинематограф обращался к тематике эпизодически и только в сегодняшнем информационном потоке выдал три-четыре успешных проекта, повествующих об исполинском процессе сквозь призму личностного восприятия. Устное наследие угасло в условиях социального бессилия современников, и его остатки были уничтожены эпохальными переменами.

Потому даже академической аудиторией рассказ о войне, не имеющей устоявшегося единого названия, признанного социумом, воспринимается как интересная, но чужая история. В таких условиях для закрытия четырехлетней бреши в концепции национального мировосприятия необходимы решительные усилия. Надо предоставить обществу смысловой ряд символов и фактов, стоящих выше профессиональной полемики, бесспорных и объединенных единой целью создания мировоззренческого прототипа.

Веком ранее труды в подобном ключе именовались «народной историей», они совмещали востребованность с общественной целесообразностью и восполняли дефицит знаний в любых отраслях. Полезное было начинание. Интересно, что подобная попытка создания основ адаптированной версии, апеллирующей к основам восприятия, состоялась, будучи приурочена к юбилейной дате и оказалась, как представляется, весьма успешной.

В 2014 г. увидело свет научно-популярное издание авторского коллектива столичных специалистов-гуманитариев и архивистов РГАСПИ – «Россия в Великой войне 1914-1918 годов. Образы и тексты» под редакцией А.К. Сорокина и А.Ю. Шутова [1]. Коллективный труд получился достойным внимания. Уже в постановке проблемы авторы точно определили степень исследованности темы, подчеркнув, что в России военный конфликт 1914-1918 годов не имеет общепризнанного названия. Действительно, в отличие от устоявшегося в партнерском лагере базового термина Великая война, национальная историографическая традиция не располагает единым определением смысла события, заключенным в названии. Пользуясь исследовательским правом, коллектив посвятил свой труд «Великой войне». Подобное именование не бесспорно, коль скоро в нашей исторической памяти данный эпитет традиционно принадлежит следующему мировому катаклизму. Но сама попыт-

ка дать собственное имя грандиозному процессу оправдана необходимостью.

Раздел «Начало», повествующий о причинах и характере войны, с подкупающей откровенностью и точностью указывает на множественность и сложнейшую взаимосвязь мотивов и поводов, повлекших беспрецедентное кровопролитие. Авторы констатируют неизбежность войны, но как бы дистанцируют российское государство и общество от основных зачинщиков действия. Такой подход, по сути, верен, ибо империя не сформулировала явной общенациональной цели ведения войны. Вступление в конфликт носило характер двоякой попытки защитить отживший внешнеполитический курс ветшающей элиты и не допустить чужой гегемонии над центром присущей цивилизации. Тем самым подчеркивается оборонительный характер для единственно великой державы, не грезившей чужими землями и водами. Авторы грамотно ушли от рассуждений о желательном доминировании в зоне Черноморских проливов, поскольку данная цель даже национальную элиту занимала лишь частично, коль скоро контроль за Босфором был интересен лишь квазиюнкерской составляющей господствующих классов.

Таким образом, повествование о старте конфликта в рамках выдвигаемой становой концепции справедливо снимает ответственность за последствия с России. Всплеск чувства национального единства действительно объяснялся лишь насущной необходимостью противостоять чужой воле, но отнюдь не только договору элит. Данный информационный посыл весьма прагматичен. Обществу намекнули, что объективные обстоятельства иногда заставляют народы действовать в духе Льюиса Кэролла, когда надо очень быстро бежать лишь для того, чтобы оставаться на месте. Просто и естественно преподать такую жестокую историческую правду в популярном издании могут только мастера.

Раздел снабжен превосходной подборкой изображений главных действующих лиц и персонифицирует рубеж нового и новейшего времени. Широкое использование наивных, но ярких пропагандистских материалов точно передает эпохальную неразбериху, сумбур и крах рациональной логики.

Особого упоминания достойна любопытная деталь визуального ряда, где наравне с примерами лубочного искусства и официального портрета представлены уникальные изображения памятников декоративно-прикладного искусства. Уральские самоцветы и изделия из них ранее никогда не фигурировали в исторической литературе в качестве артефактов национальной пропаганды. Однако, как выяснилось, находили они и подобное применение.

Данью массовому читателю следует назвать раздел «Романовы в Великой войне». Образ последнего государя содействует просветительской миссии авторов, поскольку ангажирован широчайшей аудиторией. Последний Романов любил фотосъемку и позирование, оставив массу визуальных документов, чем авторы издания воспользовались для придания наглядности эпохальным событиям. Текст раздела объективен. Юбилейных восторгов по поводу личностных черт государя удалось избежать. Персонаж предстает не «хозяином земли русской», но посредственным военачальником и политиком, каковым, собственно, и являлся.

«Одинокий», по мнению составителей, монарх, не сумевший вкупе с предшествующим главнокомандующим сформулировать национальную стратегию ведения войны, был обречен. Романовы подстегнули прогресс социума и стали закономерной жертвой неизбежных эксцессов. Но обаяние императора в полной мере задействовали для создания внятного эскиза эпохи.

Раздел «Полководцы и герои», безусловно, представляет ценнейшую часть работы. Жанр проекта позволил наилучшим образом представить доблесть представителей великого народа в условиях бесперспективного, но неизбежного военного противостояния. Коллекция фотографических портретов заметно шире, чем в других изданиях подобного рода, как и номенклатура воинских отличий. Раздел служит священной и одновременно сугубо утилитарной задаче демонстрации непрерывности и непреложности ратного труда защитников родной земли вне зависимости от ее социальной и политической обустроенности. В повествовании содержится ряд оправданных напоминаний о достойном уровне оперативного искусства, присущего русской военной школе, и напоминание о том, что, невзирая на плачевный итог конфликта, целый ряд сражений имели победоносный характер.

Специалисты едва ли согласятся с утверждением о безусловном успехе русского оружия на просторах Балтики, приведенном в труде. Господство флота в стратегической акватории обычно не подразумевает необходимости развертывания многочисленных сухопутных контингентов в угрожаемых районах побережья, имевшего место в реальных событиях. Да и опыт столкновения Балтфлота с существенной частью сил германских ВМС свидетельствовал об обратном положении вещей. Но лихость и профессионализм операций балтийцев действительно обильно формировали примеры для подражания. Общий посыл раздела верен и демонстрирует читателю одновременно мастерство и фатализм российского воинства в худших из возможных условий. Возвращение памяти о героях и сражениях, завершенных триумфом над превосходящим противником, – одна из полезнейших составляющих рецензируемой работы.

Богатым иллюстративным материалом снабжено описание прецедента механизации войны. Часть иллюстраций относятся к раритетным и наглядно формируют представление об облике противостояния боевых машин. Читательский интерес, несомненно, вызовут описанные эпизоды химического противоборства и констатация научно-прикладного подвига во имя человечности, совершенного Н.Д. Зелинским. В разделе также затрагиваются проблемы совершенствования военной экономики Российской империи, умело передается технократический дух противоборства. Данная группа материалов явно и метко апеллирует к техническим увлечениям мужской части аудитории и способствует росту интереса к тематике Первой мировой.

Война и быт на линии фронта, а проще говоря, траншейное сидение «на фабрике смерти» по праву привлекает внимание составителей издания. До той поры человечество не знало чего-то более бессмысленного

и безысходного, чем окопная война. Миллионы людей ежедневно из месяца в месяц пребывали в грязи и смертельной опасности, вдыхали миазмы разложения и гибли, подчас ни разу не увидев противника. Траншея стала рабочим местом, обслуживание механизмов убийства рутинной обязанностью, смерть – повседневностью. Насекомые, эпидемии, каждодневный кошмар артиллерийских бомбардировок, крушащих психику, похоронили веру в прогресс. Европейцы лишились последнего божества, уцелевшего в мире нового времени. Вместе с остатками веры Европу покинул оптимизм, жизнелюбие и здравый рассудок. Рационализм жителя Старого Света пал под натиском снарядных потоков, своих и чужих. Чужие снаряды калечили уверенность в себе, ибо увечье или смерть, принесенные осколком, не зависели от храбрости и мастерства бойца, ждущего своей судьбы.

Военные психологи не случайно считают шок от нахождения в зоне артогня тягчайшим испытанием личностных параметров воина, уступающим лишь эффекту от воздушной бомбардировки. Фронтовики Великой войны сполна познали то и другое, навсегда похоронив энтузиазм в разорительном огне.

Работа своих батарей, миллионами разбрасывающих дорогостоящие изделия национальной промышленности, вызывала экономический шок от осознания цены огня. Бессмысленная трата несметных ресурсов и осознание их невосполнимости уничтожили веру в светлое завтра.

Война деградировала до состояния, когда военная мысль свелась к формуле, делящей размер очередной партии снарядов на число квадратных километров, подлежащих обработке. Итогом уравнения было желательное количество смертей. Неизвестной величиной, полностью зависимой от развитости производительных сил, являлось время артподготовки. Выигрывал тот, кто, обездолив собственный народ, удлинял период огня. Причем выигрыш заведомо являлся пирровой победой.

Национальные элиты, предполагавшие лишь такой сугубо научный метод достижения частичных успехов, были обречены, тем более, что смысл двух-трех усвоенных политиками, генералами и промышленными бонзами не удалось скрыть от масс полубезумных, изможденных, но вооруженных людей.

Четкость формул, усвоенных в том числе окопниками, позволяла сравнительно точно определить дату окончания своей жизни. Эта новая истина стала «соломинкой, упавшей на верблюжий хребет». Армии начали разлагаться.

Надругательства элит над здравомыслием последовательно не выдержали войска России, Франции, Италии и Австро-Венгрии. Масштаб начавшихся кризисов был различен, причины – общими и неустранимыми. В 1917 г. триумвират траншеи, гаубицы и пулемета похоронил европейскую идею. Кровавый пролог, явившийся миру в окопной грязи, предопределил жуть XX в. Оставшись один на один с озверевшим миром, европейцы плодили химеры, дарящие иллюзию безопасности и покоя. Череда фашизмов и более умеренных систем преодоления фантомных болей сознания и реальных – желудка была прямым следствием мировой бойни и предшествовала новой. Люди, создавшие химеры, воспро-

извели затаившуюся военную скверну с закономерным результатом.

Ознакомление широкого читательского круга с феноменом окопного бытия – обязательное условие для понимания дальнейшей полувековой истории человечества, что обусловливает важность соответствующего раздела в оцененном произведении. Наличные документы не позволили составителям обойти вниманием судьбы военнопленных обоих противостоящих лагерей, что, учитывая размах явления, представляется вполне целесообразным.

Не меньшее значение для полного восприятия дальнейших исторических превратностей имеет демонстрация состояния дел в тылу. Истоки революционной ситуации иллюстрируются, в том числе, в гендерной интерпретации. Кардинальное изменение роли женщин в структуре социума, произошедшее по итогам Великой войны, в произведении очерчено наглядно и полностью обосновывает дальнейший демонтаж традиционной сегрегации. Демонстрируются этапы и масштаб разрушения привычного социального уклада и безальтернативность радикальных перемен в основах функционирования упорядочивающих общество механизмов.

Раздел «Пусть не молчат поэты» представляет собой летопись культурного эха эпохальных событий. Составители не упустили, кажется, ни единого литературного упоминания о войне, записанного кириллицей. Противоречивость исторического периода и мощь воздействия его процессов на интеллектуальную жизнь России отражены в главе рельефно и многогранно. Свидетельства гения А. Блока соседствуют с репортерскими оценками литераторов второго и третьего эшелона, очерчивая масштаб культурного шока от случившегося. Вечную разноголосицу мнений в творческой среде демонстрирует полемика целеустремленной и патриотической лирики Н. Гумилева в сопоставлении со смятением М. Цветаевой, оплакивающей крушение собственных представлений о Германии.

В любом случае, обращение к авторитету узнаваемых читателем имен способствует дешифровке общего смысла и подробностей минувших событий. Тщательность подборки многочисленных материалов живописует тотальность явления, поглотившего помыслы общества.

Глава «Закат», без прикрас основываясь на предшествующей доказательной базе, повествует о выходе России из войны и последствиях этого шага. Тон раздела подобающе сдержан, он позволяет точно перечислить факты, рассмотрев причинно-следственные связи в структуре происходившего. В изложении материала отсутствуют как истерика по поводу «удара ножом в спину накануне войны», так и восторги по поводу нарождающегося нового мира. Думается, так и следует завершать описание величайшей на тот момент трагедии национальной истории – спокойно, деловито и по существу. Такой подход сохранил за наукой – жизнеучителем – присущие функции, но позволил органично сберечь нотки мировоззренческого оптимизма целевой аудитории и продемонстрировать непрерывность и диалектичность цивилизационных процессов.

Дополнительные материалы в разделе «Память о войне» символично ма-

лочисленны. Четыре страницы, посвященные мемориалам Первой Мировой – лучшее доказательство необходимости и злободневности труда, проделанного научным коллективом авторов с целью ликвидации очередного белого пятна национальной памяти.

Далее следует многочисленная и достойная пристального внимания подборка фотокопий архивных документов. В приведенном перечне имеются материалы, интересные специалистам, профессионально занимающимся изучением периода.

Несомненно, подарком для искушенных явятся протоколы подсчета голосов членов ЦК по вопросу заключения мира в Брест-Литовске и материалы, освещающие ход переговоров советской делегации с представителями Четверного союза.

Наличие завершающего раздела определенно делает произведение универсальнее первоначального авторского замысла. Следует высоко оценить труд авторского коллектива, энергично и своевременно приступившего к ликвидации информационных пустот в национальной истории. Отметить сбалансированность составительской концепции, обращенной к общественной пользе, и пожелать скорого и решительного увеличения тиража издания при одновременном снижении цены за единицу, что позволит произведению пополнить полки школьных библиотек и тем исполнить предопределенную просветительскую функцию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Россия в Великой войне 1914-1918 годов. Образы и тексты / Под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова; авт.-сост. К.М. Андерсон, Б.С. Котов, С.В. Перевезенцев, А.В. Репников, А.А. Ширинянц, А.Ю. Шутов. М.: РОССПЭН, 2014. 279 с.: ил.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Московского государственного индустриального университета; e-mail: yulia-abramova@yandex.ru

Аверин Сергей Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; e-mail: averin157@yandex.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: vardanb@mail.ru

Бирюков Денис Андреевич – Московский государственный областной университет; e-mail: Den.a.biryukov@gmail.com

Бочарников Игорь Валентинович – доктор политических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, профессор кафедры политологии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана; e-mail: kaffprava@mail.ru

Васильченко Владимир Владимирович – аспирант кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета, учитель истории и обществознания Средней общеобразовательной школы № 1078 (г. Москва); e-mail: vladimir-vasilch@mail.ru

Ветренко Инна Александровна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Омского государственного университета им.Ф.М. Достоевского; e-mail: Inna-Vetrenko@yandex.ru

Грабко Мария Евгеньевна – преподаватель кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва); e-mail: mariyamir1@yandex.ru

Дашкина Ирина Владимировна – аспирант, специалист по учебно-методической работе факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: Dashkina_irina@mail.ru

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: korrka@mail.ru

Каппасова Гульсара Маданиевна – аспирант кафедры политологии Омского государственного университета им.Ф.М. Достоевского; e-mail: Gulsara_k@bk.ru

Комаров Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); e-mail: ruslan10@inbox.ru

Королев Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, начальник отдела организационной работы Смоленского регионального исполнительного комитета Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»; e-mail: skorolef@ya.ru

Креленко Денис Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; e-mail: krelenkoden@yandex.ru

Кучин Юрий Степанович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: mailforkuchin@gmail.com

Лошков Дмитрий Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: loshkov_dmitrii@mail.ru

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; e-mail: AMatyhin@mfpa.ru

Мозжегоров Артем Борисович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени, начальник организационно-правового отдела Московского государственного областного университета; e-mail: opo@mgou.ru

Морова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, проректор по учебно-методической работе Московского государственного областного гуманитарного института; e-mail: oreh.morova@mail.ru

Николенко Анна Викторовна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, учитель иностранного языка, заместитель директора по воспитательной работе Средней общеобразовательной школы «Школа надомного обучения» №1673 «Поддержка» (г. Москва); e-mail: Nikolenkoav89@gmail.com

Павленко Владимир Борисович – доктор политических наук, независимый исследователь; e-mail: pvb.55@yandex.ru

Печищева Людмила Александровна – докторант Российского государственного гуманитарного университета, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологии Московского государственного лингвистического университета; e-mail: lusya-85@inbox.ru

Ситников Алексей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва); e-mail: 2311263@mail.ru

Сотников Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: kamnevagp@gmail.com

Сотников Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: kamnevagp@gmail.com

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Штоль Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-конфессиональных отношений Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва), главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer»; e-mail: observer@ru.ru

Шумейко Игорь Николаевич – соискатель кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: ins2007@list.ru

Юраков Максим Вячеславович – аспирант Института Соединенных Штатов Америки и Канады Российской академии наук; e-mail: maxonqwe@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2015. № 2

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор Н.Л. Борисова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 16, усл. п.л. 14,75.
Подписано в печать 28.04.2015. Заказ № 2015/04-06.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а